

Министерство культуры Российской Федерации
Правительство Вологодской области
Институт археологии Российской академии наук

**СЕВЕРНАЯ РУСЬ
И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Вологда – Кириллов – Белозерск
6–8 июня 2012 г.

Вологда
«Древности Севера»
2012

УДК 94(47).02/.03
ББК 63.3(2)41
С28

Редакционная коллегия:
старший научный сотрудник Института археологии РАН,
к. и. н. С. Д. Захаров (ответственный редактор),
генеральный директор Вологодского государственного
музея-заповедника А. В. Суворов

С28   **Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства** : сборник материалов Международной научной конференции (Вологда – Кириллов – Белозерск, 6–8 июня 2012 г.) / М-во культуры РФ, Правительство Вологодской обл., Ин-т археологии РАН ; [редкол.: С. Д. Захаров (отв. ред.), А. В. Суворов]. – Вологда: Древности Севера, 2012. – 210 с.

ISBN 978-5-93061-060-4

В сборнике публикуются материалы Международной научной конференции «Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства», состоявшейся в городах Вологда, Кириллов и Белозерск 6–8 июня 2012 г. В нём содержится 15 научных статей, подготовленных авторами из России (Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Череповца) и ФРГ (Гёттингена, Шлезвига).

Сборник предназначен научным работникам, преподавателям, студентам и всем, интересующимся историей и археологией.

УДК 94(47).02/.03
ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-93061-060-4

© Оформление. ООО НИЦ
«Древности Севера», 2012

**Резолюция
Международной научной конференции
«Северная Русь и проблемы формирования
Древнерусского государства»**

Международная научная конференция «Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства», проходившая с 6 по 8 июня 2012 г. в городах Вологда, Кириллов, Белозерск по инициативе Министерства культуры Российской Федерации, Правительства Вологодской области и Института археологии РАН, собрала учёных из ведущих научных организаций, высших учебных и образовательных учреждений, музеев, научно-производственных центров и органов охраны памятников истории и культуры. В работе конференции приняли участие более 100 человек, с докладами выступили 24 исследователя, представляющих 18 организаций из шести городов России и Германии.

Это дало возможность участникам конференции на широком историческом и географическом фоне обсудить фундаментальные проблемы, связанные с начальным периодом становления русской государственности, уделив особое внимание истории возникновения древнерусского города Белоозера.

Принимая во внимание повышенный интерес к истории возникновения Белоозера, особенно актуальный в период празднования 1150-летия зарождения российской государственности и проведения Года российской истории, участники конференции обращаются к представителям научного и музейного сообщества, средств массовой информации с призывом усилить работу по популяризации исторического и культурного наследия, опираясь на результаты научных исследований.

Значительный интерес на конференции вызвали также вопросы сохранения культурного наследия. Участники конференции подчёркивают необходимость консолидации усилий и активизации сотрудничества учёных-археологов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных организаций, а также средств массовой информации в борьбе с варварским разрушением археологических памятников, грабительскими раскопками и нелегальным оборотом археологических ценностей.

Участники конференции дают положительную оценку прозвучавшим на конференции выступлениям и рекомендуют доклады к публикации в научном сборнике.

1. Участники конференции считают необходимым предложить Правительству Вологодской области:

– учитывая ратификацию Российской Федерацией Европейской конвенции об охране археологического наследия и присоединение России к международным договорам о сохранении археологического культурного наследия и предотвращении незаконного оборота культурных ценностей, считать задачу сохранения археологического наследия Вологодской области одной из приоритетных в сфере культурной политики;

– принимая во внимание повышенный интерес общественности к истории возникновения древнего города Белоозера и необходимость создания условий для популяризации исторического наследия и развития туризма в Белозерском районе, активизировать работу по созданию на территории Старого города Белоозера музея-заповедника «Белоозеро».

2. Необходимо предложить Управлению МВД по Вологодской области совместно с Департаментом культуры и охраны объектов культурного наследия Вологодской области и археологической общественностью, опираясь на положительный опыт, достигнутый в этой сфере в Новгородской области, разработать меры по усилению охраны памятников археологического наследия и предотвращению незаконного оборота археологических ценностей.

Участники конференции выражают благодарность Министерству культуры Российской Федерации, Правительству Вологодской области и Институту археологии РАН за финансовую и организационную поддержку проведения конференции.

Сравнительная топография первых древнерусских городов IX–X вв. (к юбилею одной статьи)

Многолетние исследования, посвященные Киеву, Старой Ладоге, Новгородскому (Рюрикову) городищу, Городку на Ловати, Пскову, Тимерёво и Твери стали своеобразными «фирменными» знаками ленинградских и петербургских археологов-медиевистов. На результатах раскопок этих поселений базируются широкие обобщения, связанные с проблемами происхождения и развития древнерусского города, сделанные в работах М. К. Каргера, А. Н. Кирпичникова, В. А. Лапшина, Е. Н. Носова и ряда других исследователей. В связи с актуальностью этой темы мне хотелось бы обратить внимание на приближение юбилея небольшой, но важной работы, опубликованной в Ленинграде почти сорок лет назад. Это широко известная статья В. А. Булкина и Г. С. Лебедева «Гнёздово и Бирка» (Булкин, Лебедев, 1974, с. 11–17). Авторы одними из первых в советской историографии обратили внимание на большое значение международной торговли в формировании первых древнерусских городских поселений. Они поставили вопрос о том, что в VIII–X вв. на Руси, как и на побережье Балтийского моря, существовал особый тип открытых торгово-ремесленных поселений (ОТРП) предгордского типа (Носов, 1993, с. 67). В дальнейшем большинство отечественных исследователей признали концепцию Булкина – Лебедева достаточно убедительной. Благодаря этим авторам в восточноевропейской археологии широкое распространение получило название для особого типа раннегородских или предгордских поселений – открытое торгово-ремесленное поселение, или ОТРП¹.

Важнейшим результатом работы В. А. Булкина и Г. С. Лебедева стало сопоставление самых первых древнерусских раннегородских центров с одновременными им памятниками эпохи викингов. Не только вещевой материал, домостроительство или погребальные памятники, но и сама схема возникновения и развития первых древнерусских городов, как казалось ленинградским исследователям, имела прочные североевропейские аналогии. Отдельной работы заслуживает исследование терминологии, предложенной Булкиным и Лебедевым для памятников этого типа. Как мне кажется, дабы не раздражать историков-марксистов, соавторы старались избегать терминов «город» или «ранний город»

---

¹ Историография этого вопроса подробно рассмотрена в работах Е. Н. Носова, посвящённых развитию первых городов (см.: Носов, 1993, с. 59–78).

при определении памятников эпохи викингов. Они предложили, как им казалось, нейтральный термин – ОТПП, близкий по смыслу европейскому термину «эмпорий» для аналогичных поселенческих памятников.

Как мне кажется, за последние десятилетия появилась насущная потребность вновь обратить внимание на памятники, объединённые когда-то в единую группу по целому ряду общих признаков. С момента публикации прошло уже около 40 лет, и наши представления о многих памятниках из группы ОТПП значительно изменились. На многих из них к моменту публикации только-только возникли постоянные исследовательские коллективы, и лишь недавно появились опубликованные результаты работ. В итоге исследований этих ключевых для формирования древнерусской культуры и государственности памятников накопился обширный материал, который требует нового осмысления.

Представляется, что главным итогом исследований древнерусских раннегородских центров стали находки участков с «влажным» слоем, где хорошо сохраняется органика. Сорок лет назад лишь Старая Ладога и Новгород могли похвастаться находкой влажного слоя с остатками деревянных строений эпохи викингов. В 1970-е гг. первые открытия кварталов с аналогичными находками сделали киевские исследователи. Но никто не мог предполагать, что влажный слой с органикой можно найти на территории практически каждого древнерусского города. Для таких памятников, как Гнёздово, Шестовица, Чернигов, Новгородское городище, появилась возможность, пусть и выборочно, получить дендродаты и существенно скорректировать наши представления об их топографии. Попробую кратко резюмировать результаты работ на главных ОТПП, перечисляя памятники с севера на юг.

Старая Ладога

После десятилетий раскопок современные петербургские исследователи довольно полно представляют динамику застройки центральной части Староладожского поселения. Древнейшее ядро поселения возникает на месте Земляного городища на нижней береговой террасе в середине VIII в. Поселение занимает устье речки Ладожки, которая становится его естественной гаванью, а также узкой полосой располагается вдоль берега Волхова. Строительные горизонты последовательно сменяют друг друга, и к середине IX в. плотная застройка занимает почти всю доступную площадку современного Земляного городища (рис. 1: а) (Репников, 1948, с. 11–70; Кузьмин, 2008, с. 74–81). Стоит отметить, что на начальном этапе поселение занимало только узкий участок надпойменной

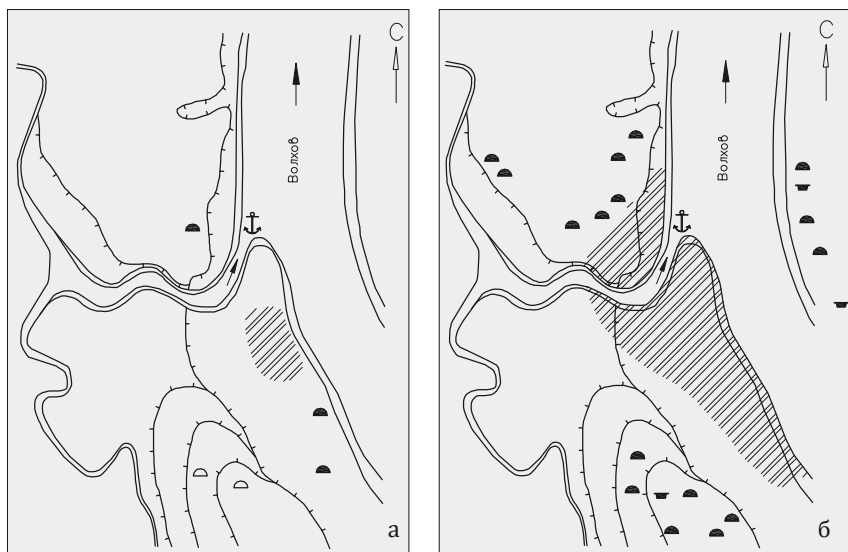
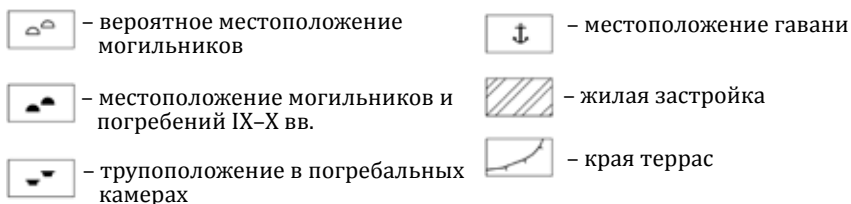

Рис. 1. Старая Ладога:
а – I этап (IX – начало X в.); б – II этап (X в.)

Условные обозначения:

террасы. Единственный сохранившийся могильник, синхронный I–IV ярусам Земляного городища, обнаружен далеко за границей жилой зоны VIII–IX вв. в районе Никольского монастыря. В связи с этим, некоторые исследователи предполагают, что наиболее ранняя часть некрополя могла находиться на границе жилой зоны. Вероятно, древнейшая часть могильника могла быть уничтожена во время расширения поселения или была перекрыта застройкой X столетия (Кузьмин, Волковицкий, 2001, с. 46–48).

Во второй половине IX – начале X в. происходит значительное увеличение площади поселения. В 840–850-е гг. застройка распространяется на левый берег Ладожки в район современной Варяжской улицы (Черных, 1985, с. 122). Недавние исследования

З. Д. Бессарабовой, А. И. Волковицкого, А. А. Селина и Я. В. Френкеля продемонстрировали, что в конце IX – начале X в. начинается застраиваться верхняя береговая терраса к западу от Земляного городища, за современным Волховским проспектом (Бессарабова, 1996, с. 176–186; Волковицкий, Селин, Френкель, 2007, с. 288–298). Полевые исследования экспедиции под руководством А. Н. Кирпичникова открыли плотную застройку конца IX – первой четверти X в. в южной части Земляного городища. По наблюдениям З. Д. Бессарабовой, в тот же период жилая зона расширяется от южной части Земляного городища вплоть до границы Никольского монастыря (Кирпичников, 2012, с. 41, 57). В X в. площадь поселения приближается к своему максимуму. В начале – первой половине X в. расширяется не только площадь неукрепленного поселения, но значительно увеличивается некрополь Староладожского поселения. Возникают курганные могильники в урочищах Победище, Плакун, около Успенского монастыря и на правом берегу Ладожки. На границах поселения возводятся многочисленные сопки.

Таким образом, на раннем этапе существования Ладоги можно выделить два крупных строительных этапа (рис. 1: а, б). На первом этапе жилая застройка концентрируется только вдоль береговой полосы Волхова на нижней надпойменной террасе (Земляное городище). Ладожские могильники занимают верхнюю береговую терраску рядом с поселением. На втором этапе после максимальной застройки всхолмления на надпойменной террасе, поселение максимально расширяется в стороны и вверх, на верхнюю террасу. Расширение поселения сопровождается максимальным расширением и его некрополя, который превращается в агломерацию могильников с разнообразными погребальными обрядами (Кузьмин, Волковицкий, 2001, с. 44–51). На памятнике так и не обнаружили ранних укреплений². Скорее всего, застройка крепостного мыса происходит синхронно с застройкой горизонта Д Земляного городища, но не ранее X в.

Новгородское (Рюриково) городище

На первый взгляд, развитие городища и его топография отличаются от ладожской. Е. Н. Носов неоднократно отмечал, что в древности поселение на городище имело двухчастную структуру. Одна часть располагалась на возвышенности, вторая занимала низменный мыс, через который в 1797–1802 гг. был прорыт канал.

---

² За рамками нашей публикации остаётся обсуждение спорной информации об открытии на Ладожском мысу древнейшей каменной крепости IX в.

Перепад высот между холмом и мысом достигал 10 м. Часть поселения на возвышенности на самом раннем этапе существования была окружена укреплениями – рвом и дерево-земляными стенами. Время строительства укреплений автор раскопок отнёс ко второй половине IX в. (Носов, 2007, с. 30–34). По данным раскопок 1970–2000 гг., во второй половине IX в. происходит строительство небольшого укрепленного городища на вершине холма и, вероятно, одновременно застраивается вторая, нижняя часть надпойменной террасы вдоль берега Волхова и бывшего русла Волховца. Именно устье небольшой реки при впадении в Волхов становится естественной речной гаванью, которую могли использовать лодки и небольшие паромобразные суда, распространённые на Северо-Западе. Ныне большая часть этой территории занята Сиверсовым каналом. Раскопки на южном берегу канала в 1980–1990-е гг. выявили окраину этой части поселения с остатками срубных построек, датированных IX – первой половиной X в. Если реконструировать этот своеобразный городищенский аналог киевского Подола, то его вероятная площадь достигала 2–3 га. Общая площадь незапояемой «верхней» части памятника со слоем составляет около 10 га. Из них около 1 га занимает укрепленная площадка и только около 5–6 га – площадь слоя с находками X в.

Наиболее ранние комплексы конца IX – начала X в. были обнаружены в южной части городищенского холма, в пределах укрепленной площадки. Там сконцентрированы ямы с лепной керамикой и наиболее ранние находки. В то же время новые раскопки 2000-х гг. установили, что вдоль внешнего края рва, окружавшего холм, концентрируются комплексы более позднего времени. Ранние находки к востоку от рва, частично опубликованные в статьях Е. Н. Носова и Н. В. Хвоцинской, также преимущественно относятся к X в. Следовательно, расширение поселения на верхней речной террасе происходит на втором этапе застройки территории. Одновременно с развитием поселения в первой половине – начале X в. ликвидируются первоначальные укрепления городища. Как отмечают авторы раскопок, со временем ров осыпался, а затем на его склонах стали возводить ювелирные и кузнечные комплексы (Носов, Хвоцинская, 2010, с. 60–70). В раскопе на берегу Сиверсова канала поверх слоя разрушения ранних укреплений обнаружены срубные постройки хлебных печей с дендродатами от 897 до 911 гг. (Носов, 1990, с. 61). Следовательно, укрепления просуществовали не более четверти века и не сыграли большой роли в развитии поселения. Весь X в. городище обходилось без укреплений.

Таким образом, на мой взгляд, топография раннего городища всё больше напоминает раннюю ладожскую. На первом этапе стро-

ительства застройка концентрируется на берегу естественной гавани – в старом устье Волховца при его впадении в Волхов. Первые укрепления, скорее всего, занимают южную часть городищенского холма, и там же концентрируется жилая застройка (рис. 2: а). Но уже с начала X в. укрепления забрасываются и больше не возобновляются. При расширении поселения застройка покрывает весь холм. За её пределами, по краям частично засыпанного рва, возникают производственные комплексы. По аналогии со Старой Ладогой и Гнёздово, на подобном поселении некрополь должен бы располагаться на краю жилой зоны. На верхней террасе эта зона заканчивалась почти сразу же к востоку от рва. Таким образом, его можно локализовать на ближайшем всхолмлении к востоку от собора Благовещения (рис. 2: б).

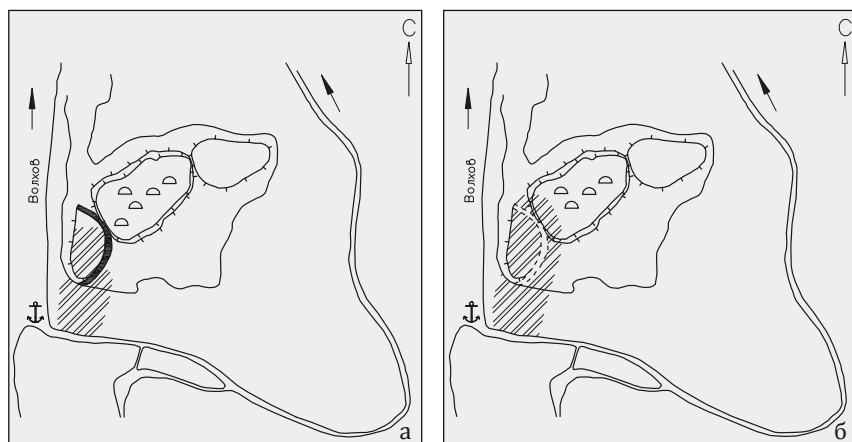

Рис. 2. Новгородское (Рюриково) городище:
а – I этап (IX – начало X в.); б – II этап (X в.)

Условные обозначения:

	- вероятное местоположение могильников		- линия укреплений городища
	- местоположение гавани		- линия разрушенных укреплений
	- жилая застройка		- края террас

Гнёздово

По мнению современных исследователей Гнёздова, «первоначальное небольшое по площади поселение, возникшее на рубеже IX–X вв. на первой надпойменной террасе Днепра, ... не имело определённой планировки и застраивалось хаотично» (Пушкина, 2001, с. 9). Наиболее ранние комплексы Гнёздова тяготеют к естественной днепровской гавани – устью р. Свинец. На правом берегу речки с момента основания поселения возникает производственный кузнечно-ювелирный центр (Вешнякова, Булкин, 2001, с. 51). На мысу левого берега Свинца в конце IX – начале X в. существует небольшое укрепленное городище. Имеющиеся данные позволяют предположить, что в середине – второй половине X в. Гнёздовское городище было или разрушено, или застроено. По-видимому, большую часть X столетия его укрепления не функционировали (Нефёдов, 1998, с. 31–42). В то же время за пределами двух небольших площадок на верхней террасе до сих пор не найдено комплексов с лепной керамикой. Новые данные о планировке раннего Гнёздова предоставили раскопки в днепровской пойме. Именно в пойме были обнаружены остатки причальных сооружений и ещё одна площадка с лепной керамикой (Мурашёва, Панин, Фетисов, 2009, с. 132–148; Мурашёва, Стефутин, 2011, с. 50). Наиболее ранняя часть могильника находилась на верхней террасе в районе Лесной группы курганов. Таким образом, топография раннего Гнёздова сближается с топографией раннего Рюрикова городища, Старой Ладogi и Киева с их развитой пойменной частью в районе речной гавани (рис. 3: а).

На втором этапе развития Гнёздовского комплекса происходит максимальное расширение Центрального поселения вглубь берега на верхней террасе и освоение пойменной части, где возводится производственная зона (Пушкина, 2001, с. 9). Многочисленные группы гнёздовских курганов начинают возводиться во второй четверти X в. и связаны именно со вторым этапом существования поселения (рис. 3: б).

Киев

Топография Киева неоднократно привлекала внимание учёных, а последние годы вопросы его развития вызвали бурную дискуссию в рядах киевских исследователей (Андрощук, 2004, с. 7–47; Зоценко, 2004, с. 27–52; Комар, 2005, с. 114–115; Козюба, 2004, с. 139–152; Михайлов, 2004; Козюба, 2008, с. 237–271). Остроту этому обсуждению придавали результаты новых открытий, сделанных в ходе масштабных раскопок в исторической части города в 1970–2000-е гг. Одна часть археологов обратила внимание,

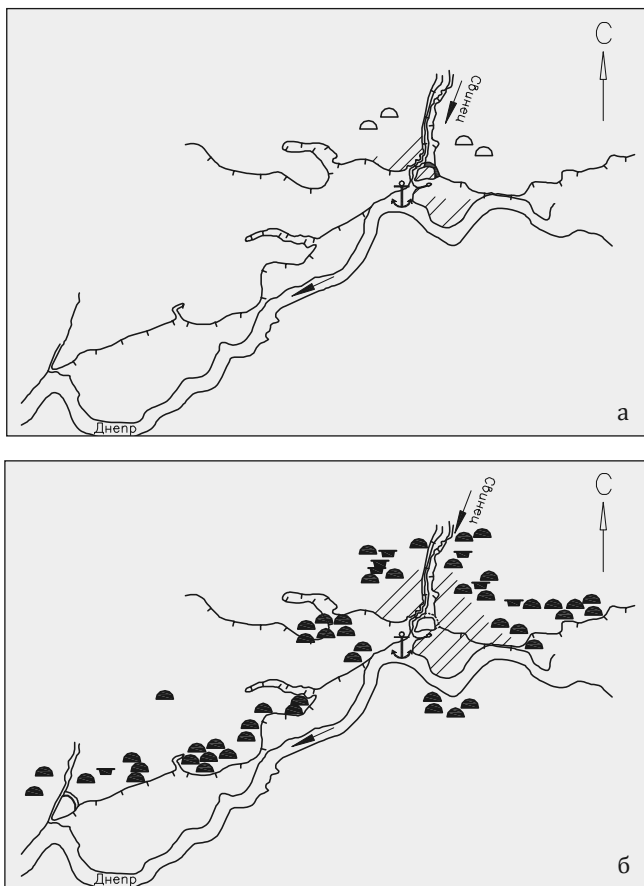

Рис. 3. Гнёздово:
 а – I этап (конец IX – первая четверть X в.);
 б – II этап (вторая половина X в.)

Условные обозначения:

	– вероятное местоположение могильников		– жилая застройка
	– местоположение могильников и погребений IX–X вв.		– линия укреплений городища
	– труположение в погребальных камерах		– линия разрушенных укреплений
	– местоположение гавани		– края террас

что за столетний период раскопок на Старокиевской горе так и не были найдены жилые комплексы с лепной или раннегончарной керамикой IX–X вв. Многочисленные попытки обнаружить в Киеве кварталы времён Олега и Святослава так и остались безрезультатными. На месте «города Владимира» и «города Ярослава» удалось найти только остатки погребений древнейшего киевского некрополя. В то же время Подольской экспедиции ИА НАН Украины во главе с М. А. Сагайдаком удалось обнаружить обширную городскую застройку на надпойменной террасе Днепра на месте современно-го киевского Подола.

Вторая проблема, с которой столкнулись исследователи Киева, связана с отсутствием городских укреплений. Старокиевское городище, которое традиционно называли «княжеской резиденцией», становится таковой только после строительства комплекса каменных построек в конце X в. Остатки рва на месте Десятинной церкви и площадка за рвом неоднократно исследовались археологами, но никаких свидетельств активной жизни укрепленного поселения в IX–X вв. на Старокиевской горе обнаружить так и не удалось. Существовавший на Горе городской некрополь частично перекрывал внешний край рва и площадку перед ним. Могильник не оставлял места для окольного города и не позволял использовать укрепления. Эта дилемма заставила В. Н. Зоценко искать княжескую резиденцию X в. на Замковой горе, а В. А. Булкина и Г. С. Лебедева отождествлять с резиденцией Олега поселение на Лысой горе (Булкин, Лебедев, Дубов, 1978, с. 14; Зоценко, 2004, с. 33–35). В то же время исследования рва Старокиевского городища продемонстрировали общие конструктивные черты между его ранними оборонительными сооружениями и ранними укреплениями Новгородского (Рюрикова) городища (Михайлов, 2010, с. 308–315). Киевские укрепления были возведены в самом конце IX – начале X в. и вскоре оказались заброшены. Края рва и гласис использовались для строительства курганов. В этом также просматривается сходство Киева с поселениями на Севере Руси. Топография Киева X в. напоминает топографию Ладоги, Рюрикова городища и Гнёздова на ранней фазе их существования. Развитие поселения вглубь верхней террасы, т. е. та фаза расширения, которую уже прошли северные ОТПП к середине X в., в Киеве начинается только в конце X в. (рис. 4: а, б).

Чернигов

В последние годы меняются представления о ранней топографии древнего Чернигова. В 1980–2000-е гг. основные исследования были сосредоточены в районе черниговского Детинца, Околь-

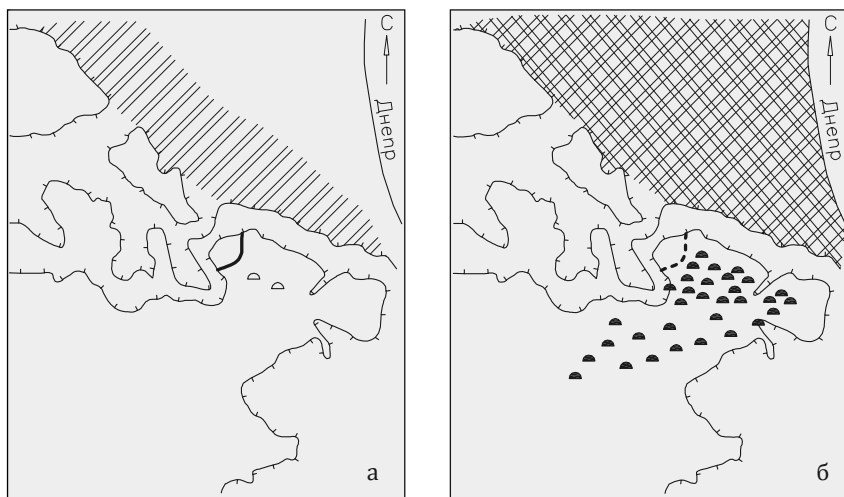

Рис. 4. Киев:
 а – I этап (конец IX – начало X в.);
 б – II этап (вторая половина X в.)

Условные обозначения:

	– вероятное местоположение могильников		– жилая застройка II этапа
	– местоположение могильников и погребений IX–X вв.		– линия укреплений городища
	– жилая застройка I этапа		– линия разрушенных укреплений
			– края террас

ного города и городского некрополя. Но эти исследования так и не позволили очертить границу древнейшей части города, провести параллели с другими древнерусскими городами. Черниговские исследователи до сих пор повторяют выводы о топографии города, высказанные в работах Б. А. Рыбакова (Коваленко, 1988, с. 22–33). Только недавно появилась новая информация о раскопках на черниговском Подоле. В полевом отчёте А. В. Шекуна упоминается многометровый культурный слой с многочисленными

средневековыми находками из металла и кости, а также остатки деревянных конструкций. Среди находок в отчёте представлены: составные роговые гребни II группы (по классификации О.И. Давидан), которые датируются второй половиной X в., и железные ключи X в. (Шекун, 1999, рис. 62: 8–10, 19; 78: 2–4). Можно только предполагать, что слой с органикой, обнаруженный недалеко от впадения р. Стрижень в Десну, является остатками древнейшей городской застройки. Удобное местоположение устья р. Стрижень, которое вполне могло быть древнейшей городской гаванью, напоминает топографию ранней Ладоги, Гнёздова и Киева. В этом районе под аллювиальными отложениями нижней террасы Десны могут быть найдены слои второй половины и даже середины X в. Отдельные черты топографии раннего Чернигова, на мой взгляд, всё больше сближаются с топографией основных древнерусских ОТПП (рис. 5: а, б).

В качестве характерных особенностей ОТПП Г.С. Лебедев и В.А. Булкин отметили следующее.

1. Колеблющийся в зависимости от сезона состав населения.

Если признаками сезонности считать неупорядоченность и хаотичность застройки поселения, то на раннем этапе существования большинство ОТПП имели подобную особенность. В конце IX – середине X в., как показали исследования последних десятилетий, Старая Ладога и Киев получили упорядоченную уличную застройку, сформировались границы поселений.

2. Временные формы социальной связи «торговых» людей.

Эта особенность формирования раннегородского сообщества эпохи викингов прослеживается, главным образом, по данным письменных источников. Если же рассмотреть характер формирования некрополей таких памятников, как Гнёздово, Киев или Чернигов, то давно отмечена концентрация захоронений вокруг больших («королевских») курганов. В могильниках ОТПП выделяются устойчивые группы погребений одного типа, что может быть связано с существованием внутри городского сообщества устойчивых этнических или социальных групп. Разнообразие погребальных обрядов раннегородских могильников, не столь характерное для сельских некрополей, указывает на полиэтничность городских общин.

3. Отсутствие, по крайней мере на ранних этапах развития, укреплений.

Для Гнёздова, Новгородского городища, Киева и Шестовиц это положение не подтвердилось. Как показали археологические ис-

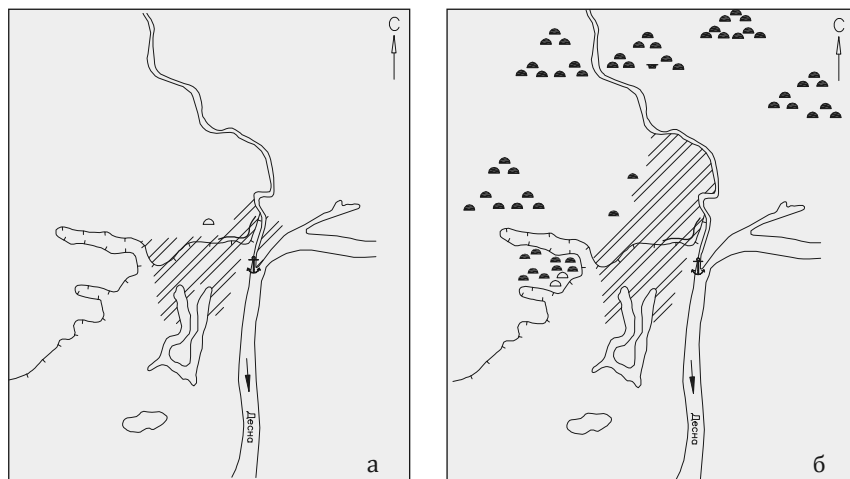

Рис. 5. Чернигов:
а – I этап (IX – начало X в.); б – II этап (X в.)

Условные обозначения:

	– вероятное местоположение могильников		– местоположение гавани
	– местоположение могильников и погребений IX–X вв.		– жилая застройка
	– труположение в погребальных камерах		– края верхней террасы

следования последних лет, укрепления строятся на этих поселениях на самом раннем этапе, на рубеже IX–X вв. Но время их существования на Рюриковом городище или в Киеве на Старокиевской горе оказалось ограничено несколькими десятилетиями. Вскоре после строительства ранние фортификации перестают подновляться и естественным образом разрушаются. К концу X в. на большинстве древнерусских ОТПП они, скорее всего, отсутствуют. Не обнаружено достоверных следов укреплений X в. в Пскове и Тимерёво, т. е. отсутствие укреплений можно считать характерной особенностью поздней фазы существования ОТПП.

4. При господстве язычества поселения окружены большими могильниками с разнообразными вариантами обряда.

Характерные обширные некрополи являются своеобразной визитной карточкой раннегородских памятников. Сотни и даже тысячи погребений с разнообразным инвентарём, многочисленными восточными и северными импортами характерны в X в. только для ОТПП. Следует отметить ещё одну характерную черту этих могильников: в середине – конце X в. в их составе заметно увеличивается число труположений. Эта особенность отмечена для всех раннегородских поселений Скандинавии и Восточной Европы. Особенно она заметна на фоне полного господства обряда трупосожжения в большинстве могильников Руси и Центральной Швеции.

5. Период функционирования ограничен IX – началом XI в., во второй половине X в. начинается упадок, а к середине XI в. торговые центры исчезают, сменяясь средневековыми городами.

Характерные особенности ОТПП, отмеченные В. А. Булкиным и Г. С. Лебедевым, как мне кажется, могут быть подтверждены особенностями топографии. Последние раскопки на самых ранних городских поселениях Древней Руси наглядно продемонстрировали общую схему топографии этих пунктов в X столетии. В совокупности эти особенности выделяют ОТПП из ряда поселений Восточной Европы.

На начальном этапе существования все поселения имели двухчастную структуру (Подол – Городище) которая перерастает также в двухчастную (Подол – Посад). Значительная часть застройки находилась вдоль берега водоёма на первой террасе, вторая часть – на второй, высокой. В ряде случаев наиболее ранние кварталы располагались непосредственно на берегу водоёма на первой речной террасе, а в дальнейшем начинала застраиваться верхняя, вторая терраса. Наиболее наглядными примерами подобной застройки могут служить Новгород и Киев. Земляное городище в Старой Ладоге почти полностью располагалось на нижней террасе. О размерах и хронологии застройки в Гнёздово, Чернигове и в Шестовице судить ещё рано, но она обнаружена, и это неоспоримый факт. Для всех раннегородских поселений характерно наличие обширного некрополя с многообразными вариантами погребального обряда (это отмечали В. А. Булкин и Г. С. Лебедев). К этому можно прибавить, что характерной чертой этих некрополей является раннее и достаточно широкое для Восточной Европы распространение погребений по обряду ингумаций. Эта черта также сближает некрополи Гнёздова, Киева, Чернигова, Шестовицы с могильниками Бирки и Хедебю.

Для подобных поселений характерно местоположение на мысу при впадении небольшой реки в крупную речную артерию. Подобное стандартное расположение позволяло получить природную гавань для стоянки речных судов. В качестве примеров можно назвать: Ладожку и Волхов в Старой Ладоге, Волхов и Волховец на Юриковом городище, Свинец и Днепр в Гнёздово, Почайну и Днепр в Киеве, Жердову и Десну в Шестовице. Эта характерная черта связана с важным значением торговли в жизни ОТПП.

На ранней фазе существования древнерусские ОТПП имели фортификации (собственно, по этой причине называть их ОТПП было бы не совсем корректно). Эти первоначальные укрепления были крайне незначительны по площади (1–1,5 га). Они были вынесены на верхнюю (вторую) террасу и господствовали над застройкой в пойме. Безусловно, они не предназначались для обороны всего поселения. Ранние укрепления не могли служить убежищем для всего населения, собиравшегося в торговый сезон на поселении (считается, что в Бирке или Гнёздово в сезон могло собираться до 1,5–2 тыс. человек). Эта особенность и хронология древнерусских ОТПП перекликаются с особенностями расположения и хронологией ранних городищ Хедебю и Бирки. Они также имели незначительные размеры, были вынесены на ближайшие возвышенности. В период существования поселения укрепления Бирки и Хедебю были заброшены или заняты погребениями городского некрополя.

Как показывают примеры исследований Гнёздова, Старой Ладogi, Пскова и в некоторой степени Тимерёва, Чернигова, Шестовицы и Киева, все ОТПП имели обширные и сложные по составу некрополи. Могильные поля начинались на границе жилой зоны и плотным кольцом окружали поселение. Можно утверждать, что все могильники находились на второй, высокой террасе. Некрополи состоят из групп погребений с различными типами захоронений. Разнообразие типов погребений, наличие многочисленных ингумаций, размеры некрополей и многообразие погребального инвентаря резко отличают некрополи ОТПП от одновременных им прочих памятников. Та же закономерность была отмечена в Северной Европе, где, например, могильники Бирки резко отличаются от окружающих её шведских сельских могильников с трупосожжениями.

Топография древнерусских ОТПП, безусловно, отличается от топографии раннеславянских городов Дунайской Болгарии или городищ державы ранних Пястов. Наиболее близкие аналогии этому типу поселения существуют в Скандинавии (Бирка, Хедебю, Сигтуна) и на южном берегу Балтийского моря (Волин, Гросс-Штроткендорф).

Источники и литература

Андрощук Ф. А., 2004. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // *Ruthenica*. К. Т. III.

Бессарабова З. Д., 1996. К вопросу о топографии древнего Ладожского поселения (по материалам археологического досмотра земляных работ) // *Новгород и Новгородская земля*. Новгород. Вып. X.

Булкин В. А., Лебедев Г. С., Дубов И. В., 1978. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л.

Булкин В. А., Лебедев Г. С., 1974. Гнёздово и Бирка (к проблеме становления города) // *Культура средневековой Руси*. Л.

Вешнякова К. В., Булкин В. А., 2001. Ремесленный комплекс гнёздовского поселения (по материалам раскопок И. И. Ляпушкина) // *Гнёздово: 125 лет исследования памятника*. М. (Труды ГИМ. № 124).

Волковицкий А. И., Селин А. А., Френкель Я. В., 2007. Охранные раскопки в Старой Ладогe в 2004 г. (предварительное сообщение) // *Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар имени академика В. В. Седова: материалы II семинара*. Псков.

Зоценко В. Н., 2004. Скандинавские древности и топография Киева «дружинного» периода // *Ruthenica*. К. Т. II.

Кирпичников А. Н., 2012. Раскопки в Старой Ладогe в 2008 г. // *Ладoga и Ладожская земля в эпоху средневековья*. СПб. Вып. 3.

Коваленко В. П., 1988. Основные этапы развития древнего Чернигова // *Чернигов и его округа в IX–XIII вв.* К.

Козюба В. К., 2004. Городище на Старокиївській горі // *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.* К.

Козюба В. К., 2008. «Місто Володиміра» у Києві: історична реальність чи історіографічний міф? // *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради*. Коростень. Т. I.

Комар А., 2005. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // *Ruthenica*. К. Т. IV.

Кузьмин С. Л., Волковицкий А. И., 2001. К вопросу о некрополе Старой Ладоги // *Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки*. № 1. СПб.

Михайлов К. А., 2004. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // *Российская археология*. № 1.

Михайлов К. А., 2010. Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // *Археология і давня історія України*. К. Вып. 1.

Мурашѐва В. В., Панин А. В., Фетисов А. А., 2009. Междисциплинарные исследования в археологии (по результатам исследования Гнёздовского археологического комплекса) // *Средние века*. М. Вып. 70 (3).

Мурашѐва В. В., Стефутин С. А., 2011. К вопросу об исторической топографии Гнёздова: исследование береговой линии Днепра // *Археология древнерусского города XI–XV вв. Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза: тезисы докладов международной научной конференции*. Рязань, 6–9 апреля 2011 г. М.

Нефёдов В.С., 1998. Гнёздовский археологический комплекс и путь «из варяг в греки» // Гнёздово: история и современность. Смоленск.

Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище.

Носов Е.Н., 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада. СПб.

Носов Е.Н., 2007. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности. СПб.

Носов Е.Н., Хвощинская Н.В., 2010. К вопросу о размещении участков ремесленного производства на Городище под Новгородом // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А.Н.Кирпичникова посвящается. СПб.

Петренко В.П., 1985. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога: новые археологические открытия и исследования. Л. С. 81–116.

Пушкина Т.А. 2001. Гнёздово: итоги и задачи исследования // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. (Труды ГИМ. № 124).

Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Нефёдов В.С., 2001. Новое в изучении Центрального селища в Гнёздове // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. (Труды ГИМ. № 124).

Черных Н.Б., 1985. Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы) // Старая Ладога. Л.

Шекун А.В., 1989. Альбом иллюстраций к отчёту «Археологические работы в районе Черниговского Подола». Чернигов, 1989 г. // Научный архив ИА НАНУ. Д. 22830.

О феномене древнейшего летописного упоминания Белоозера и Изборска

Празднование юбилея российской государственности даёт достойный повод вновь рассмотреть письменный памятник, определяющий точку отсчёта этой юбилейной даты, – «Сказание о призвании варягов», дошедший до нас в составе летописей.

Общепринято мнение, что запись Сказания возникла позднее событий, о которых она повествует. Однако вопросы о степени её соответствия исторической истине, первоначальном виде и последующих трансформациях, времени и обстоятельствах её появления и редактирования остаются спорными.

Нет необходимости ставить вопросы прямолинейно: верна ли дата «862», достоверны ли имена действующих лиц, этнические, географические и исторические реалии Сказания? Для понимания условности всех этих сведений достаточно знать, что первоначальный текст вообще не имел никакой даты, а вычислена она была летописцем позднее на основе косвенных данных. Однако для истории России «Сказание о призвании варягов», находящееся в составе древнейших русских летописных сводов, имеет возвышенно-символическое значение. Такое понимание памятника следует отделять от научного, источниковедческого его изучения, в котором и становятся актуальными многочисленные вопросы и сомнения.

Наиболее существенный вклад в текстологическое изучение Сказания внесён А. А. Шахматовым (Шахматов, 1904; переиздание: 2003). Важнейшее достижение Шахматова – вывод о том, что Варяжское сказание несёт в себе разновременные наслоения. Самая известная версия текста (в двух редакциях) отразилась в Повести временных лет (далее – ПВЛ) в начале XII в. В ней упомянуты 7 городов и названа дата самого события – 862 год. Сопоставление с версией текста Новгородской первой летописи (далее – НПЛ) позволило Шахматову выявить вставки и исправления, сделанные составителем ПВЛ.

Первоначальный вариант памятника был создан, по А. А. Шахматову, в Новгороде, в первой половине XI в. и позднее попал в состав киевского «Начального летописного свода» 1090-х гг. Этот свод до нас не дошёл, но отразился в НПЛ. В первоначальной версии отмечены всего три города: «И избърашася 3 братия съ роды своими, и пояша съ собою дружиноу мъногоу и предивъноу, и приидоша къ Новоугородоу, и седе стареишии Новегороде, бе имя емоу Рюрикъ, а

Рис. 1. Труворово городище. Вид с северо-востока. Фото Г.Н. Лебедева

другиыи седе на Белоозере Синеоушь, а третии Изборьсте, имя емоу Труоворъ. По дъвою же летоу оумьре Синеоушь и братъ его Труоворъ и прия власть единъ Рюрикъ, обою братоу власть и нача владети единъ...» (Шахматов, 2003, с. 207). Этот текст настолько хорошо известен и часто цитирован, что достоверность его, как правило, не подвергается сомнению. Логика текста подразумевает, что наряду с Новгородом – столицей старшего из братьев-варягов – названы два других столичных центра Северной Руси, где сели княжить два младших брата. Однако попытки найти подтверждение такому статусу Белоозера и Изборска в IX в. не дают удовлетворительного результата.

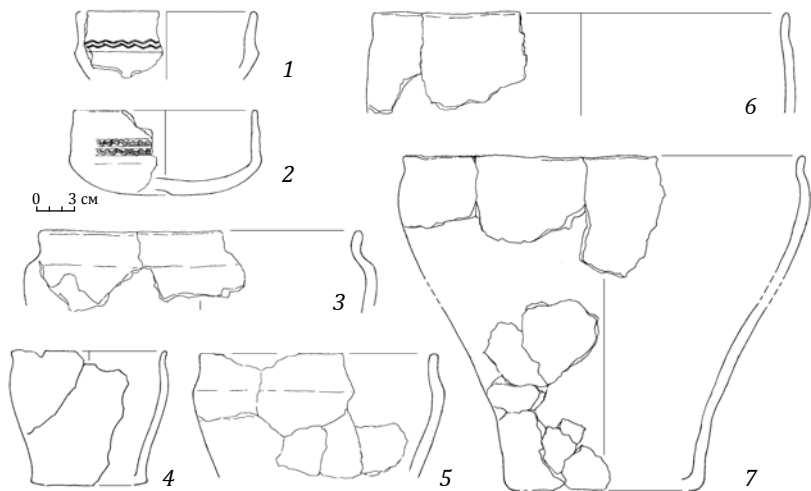
Археологические данные об истории города Белоозера подробно рассмотрены С. Д. Захаровым (Захаров, 2004; см. также его статью в настоящем сборнике), который на современном уровне подтвердил вывод полувековой давности Л. А. Голубевой о том, что Белоозеро возникает лишь около середины X в. Не обнаруживается и выдающейся роли скандинавов в истории города и всего региона Белозерья.

Остановлюсь подробнее на материалах раскопок Изборска. С древнейшим Изборском связывается известный археологический памятник – Труворово городище (рис. 1) в посёлке Старый Изборск, в 30 км к западу от Пскова. С 1971 по 1992 г. памятник планомерно и почти полностью раскопан экспедицией Института археологии АН СССР под руководством Валентина Васильевича Седова. Основные итоги изучения памятника подведены в изданной посмертно монографии (Седов, 2007).

Согласно выводам В.В.Седова, укреплённое поселение на Труворовом городище в раннее время имело догородской («протогородской») характер. Состав вещевой коллекции и разнообразие остатков жилых построек свидетельствуют, что среди жителей посёлка уже в начальный период были, наряду со славянами, представители балтских и прибалтийско-финских племён. Полиэтнический характер населения, следы ремёсел, торговли и престижной воинской культуры, наличие оборонительных сооружений (вала, укреплённого каменной кладкой, и рва), уличной застройки и «вечевой» площади говорят о том, что в VIII–X вв. поселение являлось протогородом – административно-ремесленным центром округа.

Соседство Изборска с Псковом порождает вопрос об историческом соотношении двух этих городов. Многие историки, следуя за Сказанием, полагали, что Изборск древнее Пскова и лишь со временем утратил превосходство, которое перешло к Пскову при княгине Ольге. Археологические материалы показали, что это не так. Предыстория Псковского городища заметно глубже, чем Изборского. Выяснено, что детинец Пскова (Кром) уже в X в. превосходил Труворово городище по площади, а с учётом неукрепленного посада лепная керамика распространена на площади около 4 га (в 5 раз больше, чем в Изборске).

На Труворовом городище найдено восемь арабских серебряных монет-дирхемов конца VIII–X в. и один западноевропейский денарий конца X – начала XI в.

Рис. 2. Лепная керамика Изборска

Лепная керамика Изборска (рис. 2) – грубая, неорнаментированная. Преобладают горшки с закруглённым (плавным) плечом (рис. 2: 4, 6, 7), находящие прямые аналогии в разных регионах Древней Руси раннего периода (VIII–XI вв.), но особенно в коренных кривичских землях в Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье. Меньшим количеством представлены сосуды с ребристым плечом, сопоставимые с керамикой «ладожского типа» (рис. 2: 3, 5), и лощёные чаши (рис. 2: 1, 2), связанные с прибалтийскими финнами.

На «кривичский след», кроме керамики, указывают две находки специфических височных колец – серповидных с ребром (рис. 3: 2, 3). Серия проволочных височных колец с завитком (рис. 3: 1) имеет аналогии в древностях славянского мира. Многие предметы из цветных металлов находят параллели в землях различных балтских и прибалтийско-финских племён – жемайтов, земгалов, латгалов, куршей, эстов: булавки с конусообразной головкой (рис. 3: 7), с плоской треугольной головкой (рис. 3: 6), с треугольным навершием и двумя грибовидными головками (рис. 3: 9), с крестовидной головкой (рис. 3: 8); привеска в виде кленового семени (рис. 3: 4).

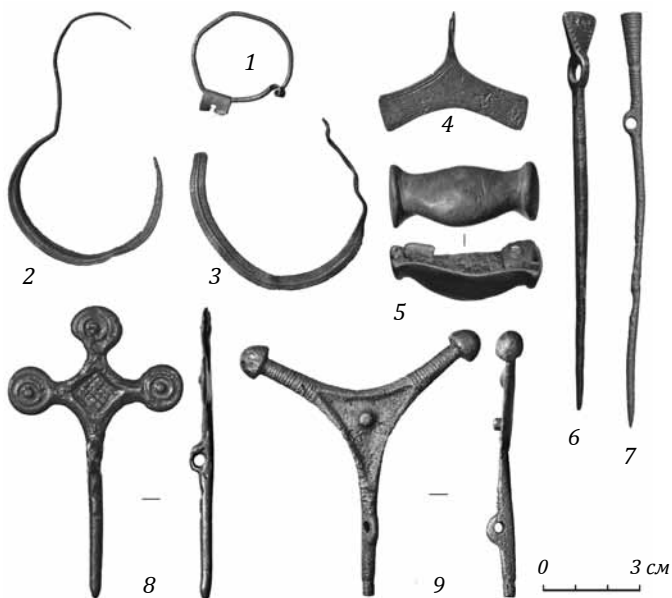

Рис. 3. Бронзовые женские украшения из Изборска.
Музей-заповедник «Изборск»

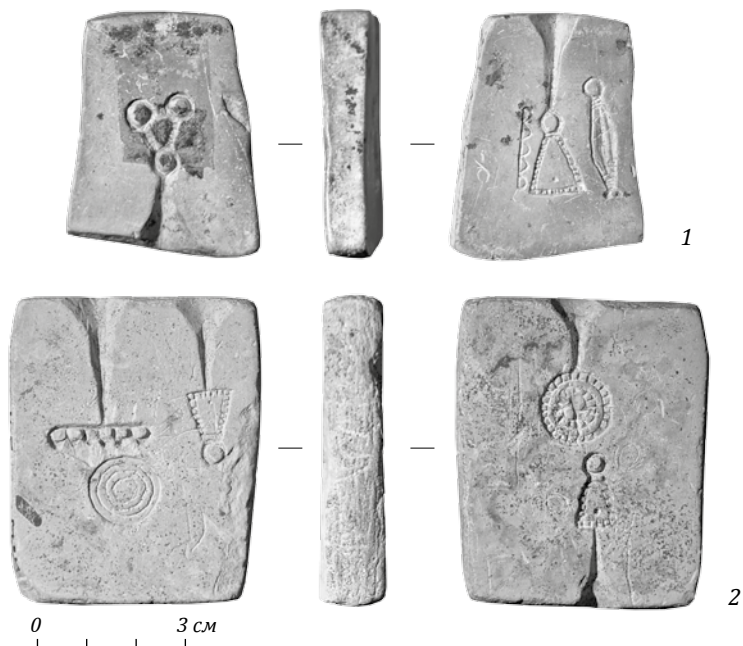

Рис. 4. Ранние литейные формочки Труворова городища. Известняк. Музей-заповедник «Изборск»

В коллекции многочисленны литейные формочки из известняка, относящиеся, судя по типам отливавшихся в них вещей, к разным горизонтам слоя Труворова городища. В ранних формочках (рис. 4) отливались: трапециевидные подвески с головкой-колечком, круглые нашивки с крестообразным орнаментом, веретенообразные колодочки с кольцами, цепедержатели из соединённых в ряд полуколечек. По находкам таких формочек Изборское городище входит в круг памятников Северо-Запада (Камно, Рыуге, Псков, Ладога и др.), где в VIII–IX вв. произошло возрождение моды на подобные украшения, выработанные в пражской культуре ранних славян на рубеже VI–VII вв. Этот же круг памятников объединяется находками костяных гребней-подвесок VIII–X вв. разнообразных форм (рис. 5), связанных с финно-угорским культурным миром.

Для характеристики домостроительства раннего Изборска в основном могут быть привлечены остатки отопительных устройств. Данных о планировке жилищ немного – они представлены остатками сгоревших срубных стен, фрагментами каменных и глиняных вымоستков. Преобладают жилища «северо-восточно-

Рис. 5. Роговые гребни-подвески.
Музей-заповедник «Изборск»

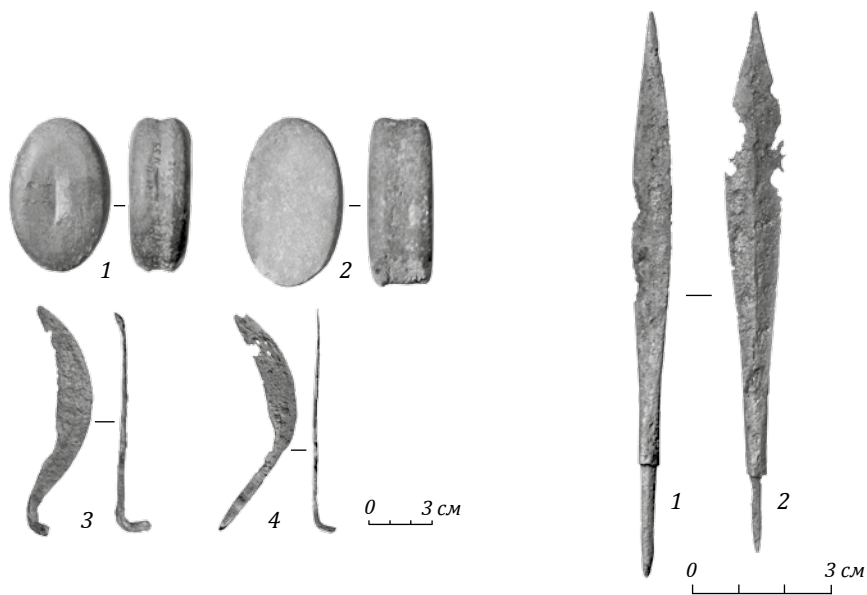

Рис. 6. Кварцевые блоковидные
кресала (1, 2) и железные серпы (3, 4).
Музей-заповедник «Изборск»

Рис. 8. Наконечники стрел.
Железо. Музей-заповедник
«Изборск»

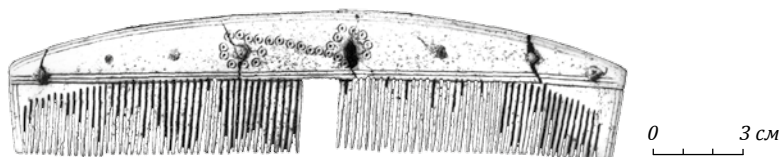

Рис. 7. Фризский роговой гребень

славянского» типа – наземные срубные площадью около 16 кв. м, с печью-каменкой в углу, реже – с глиняной печью. Часть печей была сооружена из глины и камня. Такое сочетание характерно вообще для лесной зоны в X–XI вв. (Раппопорт, 1975, с. 128), в частности, для Новгорода. В меньшем количестве в нижнем горизонте Изборска имелись жилища с открытыми очагами, занимавшими в них срединное положение, а также с глиняными полами. Эти черты указывают на связи с «дославянскими» древностями раннего железного века лесной зоны (Седов, 2007, с. 72).

В культуре раннего Изборска можно выделить архаичные элементы, свидетельствующие о глубоких корнях в местных древностях железного века. Блоковидные кресала по находкам в могильниках обычно относят ко времени не позднее VII в., однако хорошая серия их находок в Изборске (рис. 6: 1, 2) свидетельствует о том, что и в VIII–X вв. они были здесь употребительными в быту горожан, а не просто вторично использованными находками. Несколькими экземплярами в изборской коллекции представлены и небольшие серпы с отогнутой под прямым углом пяткой (рис. 6: 3, 4). Подобно косам-горбушам, эти орудия имели длинную деревянную рукоять с изгибом-коленом. Они принадлежат к архаичным формам, предшествовавшим распространению в лесной зоне в древнерусское время серпов с высокой дугой клинка и отогнутым черенком.

Вышеуказанные элементы культуры Изборска с этнической окраской (славянской, балтской, финской) нельзя считать прямым указанием на этническую принадлежность их владельцев. Сходные, а подчас и идентичные вещи находят в Новгороде и других древнерусских центрах. Эти признаки указывают на разнообразие тех традиций, из которых сложилась культура Руси и в том числе Новгородско-Псковской земли.

Летописная дата призвания варягов находится в хронологическом интервале, определённом по археологическим материалам Изборска, так что формально как будто наблюдается согласие этих источников. Однако проблемы соотношения реального Изборска с Изборском Варяжского сказания это не снимает. Археологические исследования не дали прямого подтверждения сюжету о Труворе. Автор раскопок пришёл к выводу, что во времена Рюрика Изборск хотя и существовал в качестве значительного центра славян-кривичей, но не содержит в культурном слое заметных следов присутствия варягов (Седов, 1986, с. 180). Седов отмечал, что отдельные находки скандинавского происхождения в Изборске есть: фризский гребень (рис. 7), равноплечая фибула (рис. 3: 5), ланцетовидные наконечники стрел (рис. 8). Но этого слишком мало, чтобы увидеть за ними варяжскую дружину времён Рюрика и Трувора или скандинавскую военно-торговую

факторию. Изборск расположен в стороне от трансъевропейских водных путей, которые привлекали скандинавов (Мачинский, 1986). Он не являлся и важнейшим центром в своём регионе. Поэтому с научной точки зрения эта проблема ничуть не проще, чем проблема Белоозера.

Представляется, что ключом к пониманию Варяжского сказания является треугольник из трёх географических пунктов, упомянутых в версии НПЛ. И если главный из них – Новгород – объяснить легко, то именно пара других – Белоозеро и Изборск, – присутствие которых кажется одинаково нелогичным в контексте «Руси Рюрика» – имеет наибольший исследовательский потенциал. Необходимо выявить те исторические условия, тот исторический момент, в который эта треугольная система имела очевидный смысл.

Примечательным элементом планировочной структуры раннего древнерусского Изборска являются две замкнутые линии частокольной канавки (рис. 9: А). Они интерпретированы В. В. Седовым как остатки детинца, выделявшего мысовую часть внутри укреплений города. Согласно выводам В. В. Седова, именно с момента строительства детинца Изборск превращается из протогородского поселения в полноценный город (Седов, 2007, с. 117–118). Однако необходимо обратить внимание на то, что усложнение структуры города и системы его обороны произошло без увеличения площади укрепленной территории. Это указывает на некую функциональную перестройку, не тождественную хорошо изученному процессу роста многих средневековых городов, когда новая линия фортификаций увеличивала общую укрепленную площадь. Такой вывод подвергает сомнению инициативу горожан в этой строительной акции.

По археологическим данным, строительство детинца относится к началу XI века и может быть, следовательно, связано с деятельностью новгородской администрации времени молодого князя Ярослава Владимировича.

Обзор летописных известий показывает, что в XI – начале XIII в. чудская дань была одной из важных целей внешней политики Новгорода. Амбициозность Ярослава, проявившаяся в период его новгородского княжения ещё при жизни Владимира (чеканка собственной монеты, отказ выплаты дани Киеву), позволяет предполагать, что и чудское направление его активной внешней политики планировалось уже тогда. Соответственно, нелишним для Ярослава в период 1010–1030 гг. было и создание военной базы в Изборске – том пункте, где новгородское войско могло иметь последний ночлег перед вступлением в чудские земли. Таким образом, выглядит вполне логичным возведение внутри уже имевшихся к тому времени укреплений Изборска дополнитель-

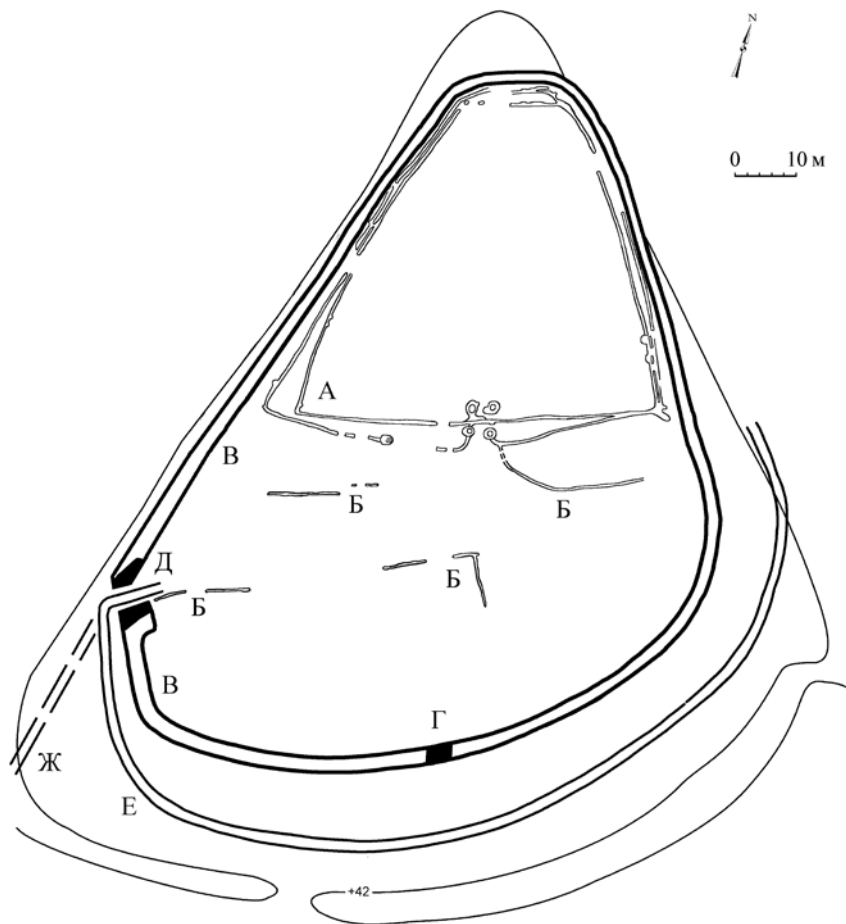

Рис. 9. Реконструкция системы фортификаций и планировки Изборска на XI век.

Горизонталь «+42» показывает край площадки и поздний ров (XIII в.).

А – частокольные канавки детинца;

Б – прочие частокольные канавки;

В – каменная стена;

Г – фиксация стены в профиле разреза вала 1983–1984 гг.

(чёрная заливка);

Д – фиксация стены в районе въезда в раскопе 1986–1992 гг.

(чёрная заливка);

Е – дорога к воротам;

Ж – въезд в город со стороны сухопутной дороги

ного контура частотола детинца (охватившего площадь около 2000 кв. м) для обособления походного двора новгородского князя и его дружины.

Декларация об Изборске как западном пограничном пункте в наибольшей мере соответствует не «Руси Рюрика», а началу новгородского княжения Ярослава (около 1014 г.), когда для обоснования политических притязаний князя на повышение самостоятельности Новгородской земли потребовался манифест, отсылающий к территориальным правам предков.

Единый контекст известий об Изборске и Белоозере требует объяснения смысла упоминания и второго пункта. Думаю, что это упоминание имеет непосредственное отношение к истории соперничества Новгорода и Ростова на Севере. Согласно выводам Н. А. Макарова, со второй половины X в. район Белоозера был в наибольшей степени связан с Волго-Клязьминским междуречьем: археологически фиксируется «значительное воздействие мерянской культуры на культуру финского населения шекснинского региона, определившее позднейшее включение Белоозера в состав Ростовских владений» (Макаров, 2009, с. 105). Шекснинско-белозерская промысловая зона снабжала мехами раннегородские центры Северо-Восточной Руси. Однако в конце X – начале XI в. прослеживается усиление западной – новгородской – колонизации. В Белоозерье проникает и оседает население, связанное своим происхождением с новгородскими землями; в его составе присутствовали разные этнические элементы – славянский, прибалтийско-финский, скандинавский (Макаров, 1997, с. 166; Захаров, 2004, с. 118). На рубеже X–XI вв. произошла переориентация торговых связей; преобладающим стал вывоз пушнины в Новгород и далее на Балтику (Макаров, Захаров, 2009, с. 76). Усиление новгородского экономического влияния отразилось в археологических материалах Белоозерья. Куфические монеты сменяются западноевропейскими. Изменяется парадный женский убор, в котором определяющее положение занимают предметы древнерусских и прибалтийско-финских типов (Макаров, 2009, с. 97).

Будучи переведённым в Новгород из Ростова, Ярослав хорошо понимал значение Белоозера для обеих метрополий. Влияние на Белоозеро было существенным элементом политики Новгорода некоторое, относительно продолжительное, время. Но заявление об этом спорном пункте имело смысл лишь до той поры, пока в Ростове имелся правитель, равный Ярославу, то есть его брат Борис – до 1015 года. Изложенные соображения свидетельствуют о том, что геополитическая конструкция в виде треугольника «Новгород – Белоозеро – Изборск» была актуальной в течение не-

большого отрезка времени, когда князь Ярослав, получив в княжение Новгород, определил политический курс на повышение самостоятельности своего княжества, однако ещё не посягал на Киевский стол и другие земли Руси.

Таким образом, Сказание о призвании варягов (или, по крайней мере, его «топонимическая» часть) в древнейшей версии, реконструированной А. А. Шахматовым, находит наилучшие соответствия в реалиях времени около 1014 года. Подчёркнутое упоминание Белоозера и Изборска придало тексту оттенок политического манифеста. Остаётся уточнить, что предполагаемая дата относится к созданию (или редактированию) письменного памятника, а с точки зрения истории самих упомянутых в нём городов отмечает момент их расцвета (не единственного, конечно) и их важное место в экономической и политической системе определённого времени.

Источники и литература

Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.

Макаров Н. А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М.

Макаров Н. А., 2009. К истории формирования ростово-суздальских владений на Севере // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / отв. ред. Н. А. Макаров. М. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., 2009. Пушной промысел в хозяйстве кубенских поселений // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / отв. ред. Н. А. Макаров. М. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура.

Мачинский Д. А., 1986. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л.

Раппопорт П. А., 1975. Древнерусское жилище (VI–XIII вв. н. э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.

Седов В. В., 1986. О скандинавских находках в Изборске // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: тезисы докладов. М. Ч. I.

Седов В. В., 2007. Изборск в раннем Средневековье. М.

Шахматов А. А., 2003. Сказание о призвании варягов // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I, кн. 2.

Белоозеро на начальных этапах становления Древнерусского государства

В числе регионов и племён, названных на первых страницах русских летописей при попытке ответить на вопрос «Откуда есть пошла Русская земля», летописец упоминает Белоозеро и финское племя весь. Согласно известному Сказанию о призвании варягов, помещённому в Повести временных лет (далее – ПВЛ) в статье, помеченной 862 г., Белоозеро становится местом княжения Синеуса, а через два года, после его смерти, отдаётся Рюриком одному из «мужей своих» (ПВЛ, т. I, с. 14–15). В следующий раз город Белоозеро попадает на страницы летописи уже только спустя два столетия (ПВЛ, т. I, с. 122–123).

Активное неприятие изложенной в Сказании концепции начальных этапов русской истории при согласии с его общей хронологией, характерное для советской историографии 1950–1960-х гг. в отличие от работ дореволюционных историков, в последние десятилетия вновь претерпело существенные изменения. Подавляющее большинство современных исследователей признают реальность основной фабулы Сказания и его исторического контекста. При этом многие ученые, соглашаясь с условностью конкретных дат, приводимых в начальной части ПВЛ, склонны считать общую хронологическую канву древнейших летописных событий также заслуживающей доверия и использовать летописные даты в качестве реальных хронологических ориентиров.

За такими переменами, при всей их схожести с колебаниями маятника, стоят не только субъективные причины, обусловленные кардинальными идеологическими переменами в стране. Существенное влияние на изменение взглядов оказали объективные факторы, связанные со значительным ростом фонда археологических источников по проблемам начальной истории Руси. Особое место среди них принадлежит результатам продолжающихся исследований Ладоги и её окрестностей и начатого в последней четверти XX в. планомерного изучения средневековых памятников в Ильменском Поозерье и истоке Волхова. Именно масштабные раскопки Рюрикова городища, открывшие значительный пласт древностей с сильной «северной вуалью», хронологически соотносимый с эпохой призвания варягов, во многом стали отправной точкой для реабилитации Сказания. Эти материалы, тесно увязанные с итогами систематического изучения сельской округи городища, обеспечили

более надёжную и детальную стыковку летописных и археологических данных (Носов, 1990; Носов, Горюнова, Плохов, 2005).

Продолжение и расширение археологических работ в ключевых точках начальной Руси позволило выйти на новый уровень знаний о древностях IX–X вв., что увеличило весомость археологических аргументов в прояснении многих неясных или спорных моментов летописной истории. Осмысление результатов этих работ позволяет нарисовать достаточно сложную и во многом неоднозначную картину первых этапов развития Руси, далеко не всегда совпадающую с летописным вариантом. Одним из регионов, где в ходе масштабных археологических работ были выявлены существенные расхождения между летописными сведениями и фактическим материалом, является район Белого озера. Итоги многолетних работ свидетельствуют, что вопреки сведениям начальной части ПВЛ, город Белоозеро возникает не в IX, а в X столетии.

История археологических исследований Белозерья насчитывает уже более 150 лет. Первые разыскания в окрестностях Белого озера были проведены Я. М. Лазаревским и Ю. Б. Иверсеном ещё летом 1860 г. по поручению созданной годом ранее Императорской Археологической комиссии. объехав Белое озеро, исследователи провели небольшие раскопки в истоке Шексны в урочище под названием «Старый Город», прорезали траншеями два естественных сопковидных всхолмления возле Белозерска, одно из которых носило название «Синеус», и обследовали Киснемский куст деревень на северном берегу озера, который местные предания связывали с местоположением древнейшего города (Лазаревский, 1860; Отчёт ИАК за 1860 г.). В дальнейшем небольшие работы в центральном Белозерье проводились М. Е. Арсаковой, Г. П. Гроздиловым, А. Я. Брюсовым и П. А. Суховым (Сухов, 1941; Голубева, 1973, с. 59; Макаров, 1990, с. 8). Однако начало масштабного археологического изучения этого региона связано с именем Л. А. Голубевой, в 1949 г. приступившей к планомерным раскопкам Белоозера.

Город Белоозеро располагался на р. Шексне в 2–2,5 км от её истока из Белого озера в урочище под названием «Старый Город». Название урочища появляется в письменных источниках не позднее последней четверти XVI в. (Шумаков, 1900, с. 145). Высота берегов Шексны, текущей на этом участке практически прямо на восток, незначительна, и в начале раскопок территория города представляла собой обширную луговину, полого поднимающуюся от реки (Голубева, 1973, с. 61) (рис. 1). Более высоким был правый берег, куда выходила довольно узкая песчаная гряда, тянувшаяся вдоль Шексны на 500 м. Примерно по центру её прорезала небольшая речка Васильевка, впадавшая в Шексну под прямым углом. Западным краем гряды являлся Безымянный ручей, возле которого

она резко поворачивала к юго-западу, удаляясь от Шексны. Можно полагать, что эта гряда представляет собой один из древних береговых валов Белого озера (Гусаков, Дружинин, 1983, с. 8). Средняя высота гряды составляла 4–4,5 м над меженным уровнем воды в Шексне, а в наиболее высоких точках – у берегов Васильевки и Безымянного ручья – доходила до 5 м. Гряда плавно поднималась от береговой кромки Шексны, но уже в 150–170 м от реки начинался её южный склон, и высота уменьшалась до 3–3,5 м. Остальные участки правого берега Шексны возвышались над водой на 2–3 м. Не превышала этих показателей и высота левого берега Шексны. Чрезвычайно низкое положение города над водой можно считать одной из ярких особенностей топографии Белоозера. При всём неудобстве выбранного места для расположения города, причины такого выбора представляются вполне очевидными. Это был ближайший к озеру участок речного берега, пригодный для заселения, устройства удобной речной гавани и обеспечения контроля над движением по реке. Отличался он и особой природной привле-

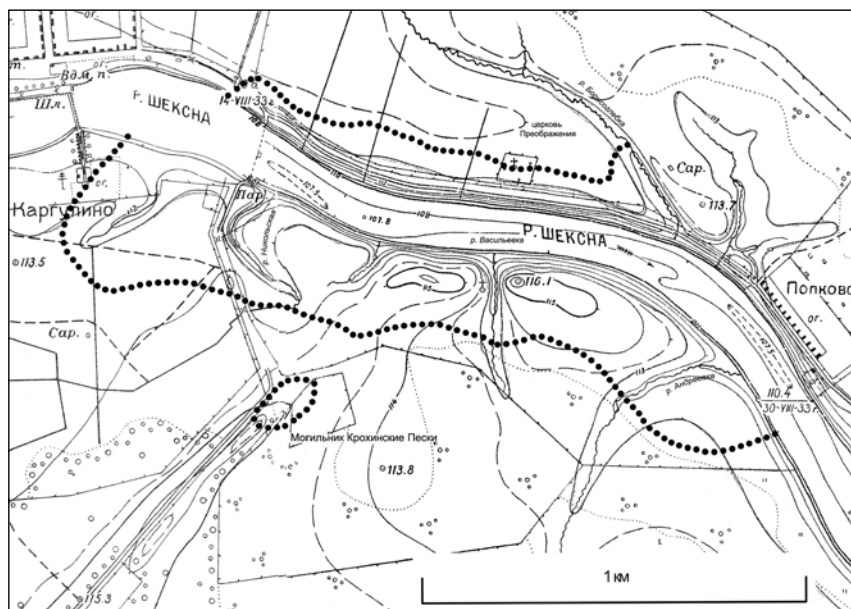

Рис. 1. Белоозеро и его некрополь. Точечной линией показаны границы памятников, установленные по результатам раскопок и сбора подъёмного материала. В качестве основы использован план истока Шексны до затопления 1964 г.

кательностью, поскольку был в той или иной степени обитаем во все исторические эпохи, начиная с мезолита.

Раскопки Белоозера Л.А.Голубевой продолжались в течение 12 полевых сезонов с перерывом. За это время на правом берегу Шексны было заложено 40 раскопов и исследовано свыше 5,5 тыс. кв. м. Почти половина из них приходится на наиболее возвышенную часть правого берега, главным образом между речкой Васильевкой и Безымянным ручьём. Именно здесь в ходе раскопок удалось выявить древнейшие участки городской территории (Голубева, 1973, с. 62–64; Захаров, 2004, с. 15–16). Исследования на левом берегу Шексны, с которым, по мнению Л.А.Голубевой, никогда не связывалось имя Старого Города, практически не велись.

Ситуация изменилась после того, как в начале 1980-х гг. систематические исследования Белоозера были возобновлены Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН под руководством Н.А.Макарова. Основным содержанием новых работ в связи с затоплением большей части городской территории после создания в 1964 г. Волго-Балтийской водной системы стал сбор подъёмного материала по специально разработанной методике. Благодаря этим работам, завершённым в 2001 г., удалось собрать многотысячную коллекцию находок, дающих представление обо всех частях города (Захаров, 2004, с. 19–29). Стало ясно, что Белоозеро занимало оба берега Шексны, а его общая площадь составляла не менее 54 га¹, из которых около 13 га приходилось на левобережное поселение (Захаров, 2004, с. 63–65) (рис. 1).

В ходе раскопок Л.А.Голубевой на территории города было выявлено несколько поздних могильников с безынвентарными ингумациями и одиночный курган, насыпанный в XI в. прямо на остатки сгоревшей постройки (Голубева, 1973, с. 59, 62, 75–77, 87), но обнаружить некрополь Белоозера не удалось. Он был открыт С.В.Ошибкиной в 1969 г. на уже упоминавшейся песчаной гряде примерно в 240 м к югу от границ города (Ошибкина, 1972, с. 65–69). К сожалению, основная часть некрополя оказалась уничтожена карьером при строительстве Волго-Балта ещё до открытия памятника. Помимо С.В.Ошибкиной раскопки на могильнике проводил Н.А.Макаров в 1983 и 1993–1994 гг. Всего здесь удалось изучить 24 погребения по обряду ингумации и не менее трёх погребений по обряду кремации (Макаров, 1990, с. 108; Макаров, Новикова, 2001).

¹ Благодаря обнаруженному в последние годы топографическому плану истока Шексны до затопления 1964 г. удалось провести более точные подсчёты площади затопленной части города. Эти данные позволяют полагать, что общая площадь Белоозера была несколько выше указанной цифры и достигала 65 га.

Итоги многолетних раскопок Белоозера, завершённых в 1965 г., Л. А. Голубева подвела в монографии, вышедшей через 8 лет. Анализируя объёмные материалы, полученные в ходе работ, исследовательница убедительно показала, что древнейшие городские напластования связаны с наиболее возвышенной частью правого берега Шексны. При этом, по мнению Л. А. Голубевой, раннее поселение тяготело к р. Васильевке, а не к Шексне, от которой посёлок был отделён полосой леса шириной в 40–50 м (Голубева, 1973, с. 81). Рассматривая в монографии вопрос о начальной дате этого поселения, определённой в ряде предшествующих работ серединой X в. (Голубева, 1965), исследовательница постаралась показать, что оно возникает несколько раньше – в первой половине X столетия (Голубева, 1973, с. 81). С этой целью в вещевом материале из ранних напластований Белоозера были выделены две группы находок, датирующихся, по её мнению, первой половиной X в. и второй половиной X – началом XI в. (Голубева, 1973, табл. 11). Однако детальный анализ всей совокупности ранних материалов заставляет отказаться от предложенной корректировки (Захаров, 2004, с. 65–68).

Наиболее важны в данном контексте находки стеклянных бус, которые, при наличии статистически значимых серий, являются самым надёжным хронологическим индикатором. Всего в древнейших слоях Белоозера Л. А. Голубевой обнаружено 313 бусин, что составляет около 2/3 от всех ранних находок. При этом бросается в глаза типологическая близость наборов бус, отнесённых исследовательницей к разным хронологическим группам. Особенно показательно соотношение различных типов лимонovidных бус (1, 2 и 4 подгруппы VIII группы по типологии З. А. Львовой), наиболее многочисленных в ранней коллекции (209 экз.). В обеих хронологических группах существенно преобладают жёлтые лимонovidные бусы, на долю которых приходится около 70% находок, в то время как лимонки с металлической прокладкой занимают всего 6–10%. В Старой Ладогe – опорном для хронологии раннего периода Древней Руси памятнике – резкое увеличение количества жёлтых лимонков наблюдается в горизонтах *Д нижнее* и *Д верхнее*, нижняя дата которых по современным данным определяется началом второй трети X в. (Львова, 1970, табл. 7: II, 8; Френкель, 2008, с. 245–247). Причём именно в горизонте *Д верхнее*, датирующемся второй половиной X в., жёлтые лимонovidные бусы начинают численно преобладать над остальными типами лимонков (Львова, 1970, с. 99; табл. 5, 7: II, 8), что в точности соответствует ситуации, фиксируемой в древнейшем горизонте Белоозера.

Для уточнения хронологии начальных этапов важно отметить ещё одну группу бус. Это жёлтые и белые лимонovidные

продольно-полосатые бусы с тонкими коричневыми или красно-коричневыми полосками (Голубева, 1965, рис. 65: 1, 9, 11), представляющие позднюю группу полосатых лимонок. В проанализированных З.А. Львовой материалах Старой Ладogi имеется только одна такая бусина, обнаруженная в горизонте *Д верхнее* (Львова, 1968, с. 85). В древнейшем слое Белоозера таких бус около 10, и ещё 6 происходят из напластований, отнесённых Л.А. Голубевой ко второй половине X – началу XI в. (Голубева, 1973, табл. 11). Я.В. Френкель полагает, что находка двух таких бусин на Сясьском городище может свидетельствовать об их появлении в обиходе в 920-е гг., но обычно они встречаются в комплексах второй половины X – первой половины XI в. (Френкель, 1997, с. 125, 129). Датировка сясьских бус зависит от определения верхней даты этого поселения, на котором отсутствует круговая керамика. Я.В. Френкель в своих построениях опирается на факт появления гончарной посуды в Старой Ладoge не позднее 920–930-х гг. О.И. Богуславский, напротив, учитывая общепринятую датировку полосатых лимонок позднего варианта, резонно полагает, что кружальная керамика проникает на Сясьское городище позже, чем в Ладogu. Прекращение жизни на поселении исследователь относит ко времени не ранее середины X в. (Богуславский, 2007, с. 107). Временем не ранее середины X в. указанные типы полосатых лимонок датируются в Скандинавии (Callmer, 1977, типы E161, E162, с. 89, цв. табл. III). Сходная ситуация отмечается и на материалах пойменной части Гнёздовского селища, где подобные бусы присутствуют в комплексах и слоях второй половины X – первой половины XI в. (Френкель, 2007, с. 82, 115–117, типы III-9-2 и III-9-3). В некрополях Мининской группы памятников, возникшей на Кубенском озере в середине X в., жёлтые и белые полосатые лимонки происходят из захоронений с широкой датой: вторая половина X – начало XI в. При этом они отсутствуют в четырёх древнейших погребениях, датированных в более узких рамках второй половины X в. и содержащих многочисленные находки бус иных типов (Захаров, Кузина, 2008, с. 196, табл. 86, типы 15–17).

Не углубляясь в детальный анализ остальных категорий находок, который уже публиковался (Захаров, 2004, с. 65–68), отмечу, что в древнейших слоях из раскопок Белоозера нет материалов, надёжно датируемых первой половиной X в. Важно подчеркнуть, что и появление новой многотысячной коллекции находок, происходящей теперь с территории всего города и в несколько раз превосходящей по объёму собрание из раскопок, также не принесло вещей, позволяющих говорить о более ранней дате возникновения Белоозера (Захаров, 2004, с. 38–45). Однако новые материалы, благодаря широкому территориальному охва-

ту, позволили составить более детальное представление о динамике развития Белоозера на ранних этапах. Выяснилось, что не позднее конца X в. происходит заселение возвышенных участков правого берега к востоку от р. Васильевки, а в первой половине XI в. городская территория существенно увеличивается, распространяясь и на левый берег Шексны (Захаров, 2004, с. 69–73).

Рассматривая проблему начальной даты Белоозера, нельзя не коснуться вопроса о хронологии городского некрополя. Раскопки, проведёнными в 1993–1994 гг. на ближайшем к городу участке могильника, исследовано погребальное сооружение, безусловно, относящееся к его древнейшей части. Оно представляет собой небольшой по высоте курган диаметром около 9 м с мощным кольцевым ровиком. На дне и внутренних склонах ровика размещались в виде компактных скоплений два или три погребения по обряду сожжения на стороне. По центру курган был прорезан углежогной ямой XV–XVI вв., разрушившей ещё одну кремацию (Макаров, Новикова, 2001, с. 285–290). Вещевой набор из этого своеобразного сооружения также необычен. Скандинавская овальная фибула и наконечник ремня, возможно, связанный своим происхождением со Скандинавией, соседствуют здесь с подковообразной фибулой с многогранными головками, пряжкой, отлитой по наборной восковой модели, шумящей подвеской со щитком из трёх волют и обломком втульчатого височного кольца или гривны. Но в хронологическом плане полученный набор достаточно компактен и надёжно датируется второй половиной – концом X в. (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 83, 303–304). Привлекает внимание присутствие в нём полосатой лимонки, идентичной рассмотренным выше экземплярам (Макаров, Новикова, 2001, рис. 122: 30).

Следовательно, анализ всего комплекса древнейших находок, происходящих с территории города и из его некрополя, убеждает в том, что начало развития Белоозера относится к середине X в. При более осторожном подходе, учитывая датирующие возможности археологии, время возникновения города можно определять в рамках второй трети X в., но никаких реальных данных для удревнения этого события и отнесения его не только к 862 году, но даже к началу X в. в нашем распоряжении нет. Можно, конечно, предполагать, что самые ранние участки слоя не были обнаружены в ходе раскопок Л. А. Голубевой, оставшись за пределами вскрытой площади. Но подобное предположение не согласуется с планом размещения раскопок Белозерской экспедиции. Возвышенная часть правобережного поселения была достаточно полно исследована Л. А. Голубевой, видевшей одну из важнейших задач как раз в выявлении самых ранних отложений. Их удалось обнаружить на двух участках – у берегов р. Васильевки и Безымянного ручья. Следует

подчеркнуть, что раскопы, заложенные вокруг этих участков, дали лишь относительно более поздние материалы (рис. 2). Поэтому весь комплекс собранных к настоящему времени археологических материалов позволяет достаточно уверенно констатировать тот факт, что хронологический разрыв между датой первого упоминания города в летописи и реальным возникновением Белоозера составлял не менее 3/4 века.

После публикации монографии Л. А. Голубевой вывод об отсутствии на Белоозере напластований IX в. был принят научным сообществом и вошел в обобщающие работы по археологии Руси (Археология СССР, 1985, с. 89). Лишь И. В. Дубов, вначале выразивший своё недоумение по поводу отсутствия ранних слоев, позднее перешёл к утверждениям, что «начиная с IX в. Белоозеро было протогородским центром» (ср.: Булкин, Дубов, Лебедев, 1978, с. 128–131 и Дубов, 1990, с. 64). Впрочем, это не мешало исследователю при необходимости настаивать на отсутствии на Белоозере достоверных слоёв IX в. (Дубов, 1982, с. 122).

Очевидная нестыковка между письменными и археологическими источниками требовала дальнейших поисков решения этой проблемы, и рядом исследователей было предложено идентифицировать Белоозеро эпохи Синеуса с каким-нибудь другим поселением края. В первую очередь внимание привлёк Киснемский куст деревень на северном берегу Белого озера, где местные предания локализовали древнейший город. Об этих преданиях было известно В. И. Татищеву, Н. М. Карамзину, Н. Богословскому и другим историкам (Голубева, 1961, с. 201–202). А. А. Шахматов, анализируя Сказание о призвании варягов, отметил присутствие в летописце XVI в. Кирилло-Белозерского монастыря приписки о том, что «Синеус сидел у нас на Кистеме» (Шахматов, 1904, с. 53). Безуспешные попытки поиска здесь поселения, помимо Я. М. Лазаревского, предпринимали А. Я. Брюсов, Л. А. Голубева, Н. В. Тухтина, что было связано не только с преданиями, но и с наличием здесь средневекового могильника, обнаруженного М. Е. Арсаковой в 1925 г. (Голубева, 1961).

Поселения в Киснеме удалось открыть в 1982 г. Н. А. Макарову (Макаров, 1988). Детальное их обследование проводилось в 1982–1983, 1992 и 1997 гг. (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 139–145). В результате было выявлено 9 селищ, общая площадь которых составляла 16,4 га – необычная величина для северных территорий. Эта группа поселений, вместе с Маэксинско-Белозерским кустом селищ, расположенным на противоположном – южном – берегу Белого озера, составляют две древнейшие и крупнейшие по площади сельские агломерации центрального Белозерья (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, рис. 36). Однако анализ собранного в Киснеме вещевого и керамического материала показал, что

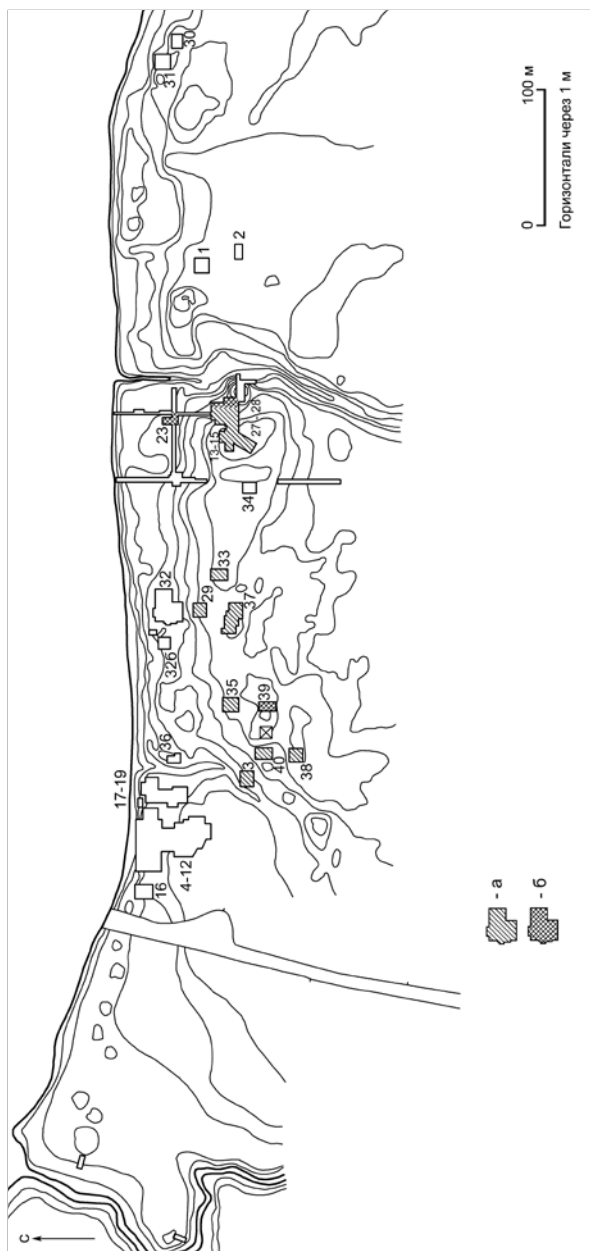

Рис. 2. Белоозеро в конце X – начале XI в. по результатам раскопок Л. А. Голубевой:
а – раскопы, где обнаружены напластования этого периода;
б – раскопы, где обнаружены древнейшие напластования

максимальных размеров группа достигает в XII–XIII вв. – в период расцвета всего Белоозерья. А начиналась она с двух миниатюрных селищ, возникших во второй половине X в. Площадь одного из них оценивается в 0,1–0,2 га, размеры второго также были небольшими. Значительный рост числа и размеров поселений в Киснеме происходит в XI в. Этим же временем датируются и древнейшие из 10 исследованных погребений Киснемского могильника (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 139, 362). Учитывая, что поселение в истоке Шексны к концу X в. уже занимало площадь не менее 1,4 га, небольшие киснемские селища, возникшие одновременно с ним или чуть позже, не могут рассматриваться ни как предшественник Белоозера, ни как город, в котором «сидел» Синеус.

С Киснемой связано ещё одно, уже археологическое, предание, обусловленное необычной для Белоозерья топографией киснемских селищ. В ходе безуспешных поисков древностей в Киснеме Я. М. Лазаревский зафиксировал рассказ местных жителей о том, что озеро размыло берег более чем на 40 м, и с тех пор в прибрежном песке перестали находить различные древние вещи (приводится по: Голубева, 1961, с. 202). Эта информация породила предположение, периодически встречающееся в популярных изданиях, о том, что «город Синеуса» был поглощён озером. Оценить достоверность такого предположения сложно, но в нашем распоряжении есть данные, позволяющие пролить свет на эту «загадку». Белое озеро имеет в основном низкие, плавно поднимающиеся от уреза воды берега. Лишь на северном его берегу высокая коренная терраса подходит близко к воде. Древнейшие участки селищ в Киснеме (Монастырское и Троицкое VI) были привязаны к обоим берегам небольшой речки Киснемки, прорезавшей коренной берег, и располагались на достаточно большой высоте – от 2 до 6 м над современным уровнем воды в озере. Ещё одно небольшое пятно раннего слоя выявлено на самой террасе, на высоте до 13 м (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, рис. 60, с. 139, 361–362) (рис. 3). В настоящее время между коренной террасой и берегом озера существует полоса местами подболоченной низины шириной 100–130 м (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, рис. 16: 2). При этом надо иметь в виду, что уровень озера в 1964 г. был поднят и сейчас его превышение над средним многолетним составляет 1,4–1,6 м (Гусаков, Дружинин, 1983, с. 53). Безусловно, в результате строительства Волго-Балта часть береговой полосы была затоплена и размыта. Несмотря на это, в ходе разведок непосредственно на озёрном берегу удалось зафиксировать остатки двух селищ, культурный слой которых был полностью переотложен водой, но вещевой материал сохранился. Одно из них, имевшее небольшие размеры и примыкавшее к устью Киснемки (Троицкое VIII), по керамическому материалу датируется XI в. Второе, вытя-

нутое вдоль озера на 260 м (Троицкое VII), находится на месте деревни Рыбный Двор, отмеченной на карте Генерального межевания 1798 г. (т.е. за 60 лет до работ Я. М. Лазаревского) практически непосредственно на озёрном берегу. Древнейшие находки здесь относятся к XIV–XV вв. (Макаров, Захаров, Бужилова, рис. 59, 60, с. 139, 144, 361–362). Есть все основания полагать, что те «древние вещи», о которых крестьяне рассказывали Я. М. Лазаревскому, связаны именно с этими селищами, размыв которых начался задолго до 1964 г.

Отсутствие в Киснеме напластований и находок, соотносимых с эпохой призвания варягов, побуждало исследователей к продолжению поисков древнейшего Белоозера. Поэтому, когда работами Л. А. Голубевой на Крутике впервые в регионе были выявлены слои, надёжно датированные второй половиной IX в. (Голубева, Кочкуркина, 1991, с. 43), это поселение также стало рассматриваться в качестве претендента на роль раннего Белоозера (Белецкий, 1996, с. 15–16; Башенькин, 1997, с. 23). Поселение Крутик, открытое П. А. Суховым в 1939 г. (Сухов, 1941), находится в верхнем течении р. Шексны примерно в 25 км к югу от Белоозера. В ходе раскопок,

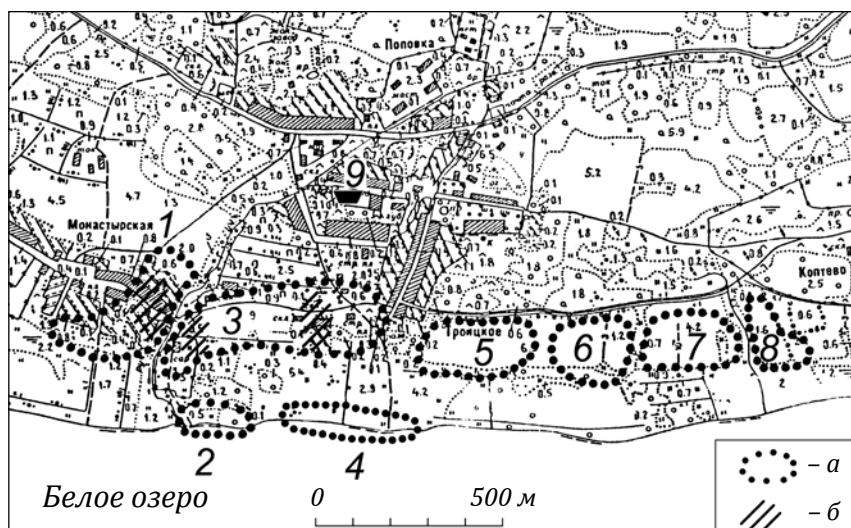

Рис. 3. Локальная группа средневековых памятников в Киснеме: а – границы поселений; б – участки с культурным слоем Х в.
1 – поселение Моностырское; 2 – поселение Троицкое VIII;
3 – поселение Троицкое VI (Киснема); 4 – поселение Троицкое VII (Рыбный Двор); 5 – поселение Троицкое II–III; 6 – поселение Троицкое IV; 7 – поселение Троицкое V – Коптево II; 8 – поселение Коптево I; 9 – могильник Троицкое I

проведённых Л.А.Голубевой в 1974–1981 гг., было исследовано 1589 кв. м памятника из примерно 0,4 га, занятых жилой застройкой (Голубева, Кочкуркина, 1991, с. 39). Уникальная сохранность культурных напластований, содержащих чрезвычайно яркий и обильный вещевой материал и богатейшие палеоэкологические остатки, позволили обоснованно отнести этот памятник к числу важнейших для изучения начальных этапов освоения Белозерья в Средневековье. Опираясь на результаты раскопок, Л.А.Голубева датировала Крутик второй половиной IX – третьей четвертью X в. и сопоставила с поселениями, получившими в археологической литературе название торгово-ремесленных, или «протогородских» (кавычки Л.А.Голубевой) (Голубева, Кочкуркина, 1991, с. 43, 118–119).

Публикация ярких материалов из раскопок Крутика привлекла к этому памятнику повышенное внимание исследователей. Особый интерес вызвали две находки скандинавского облика, расцененные как свидетельство присутствия на поселении скандинавских купцов (Голубева, 1982; Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986, с. 207). В дальнейшем И.В.Дубов охарактеризовал Крутик как важнейший торгово-ремесленный раннегородской центр (Дубов, 1989, с. 95), тем самым поставив его в один ряд с Ладогой, Рюриковым городищем, Гнёздово и Шестовицей. С.В.Белецкий предложил считать Крутик городским центром, непосредственным предшественником Белоозера, которое сменяет его во времени и пространстве (Белецкий, 1996, с. 15–16). При этом исследователей совершенно не смутили скромные размеры этого поселения, на котором в период расцвета могло одновременно разместиться лишь 6–10 жилых построек, практически полное отсутствие здесь предметов вооружения и странный для крупных протогородских центров выбор местоположения (Захаров, 2004, с. 108–109). Крутик занимает моренный останец с крутыми склонами высотой 7–10 м, находящийся не на Шексне, а на берегу небольшой речки Конки, напоминающей по размерам ручей и являющейся притоком Шексны второго порядка. По прямой Крутик отстоит от Шексны всего на 2,7 км, но большая часть этого пути проходит по болотам. Для того чтобы попасть на поселение по извилистым руслам двух небольших речек, необходимо было преодолеть около 7,5 км. Особый, осознанный, подход к выбору места для поселения подчеркивается и тем фактом, что непосредственно в долине Шексны, изобилующей в окрестностях Крутика старицами, имелось не менее десятка различных по форме и размерам всхолмлений высотой от 8 до 27 м. Причём многие из них по высоте и крутизне склонов были аналогичны Крутику, а три существенно превосходили его².

² На одном из них позже располагался известный Федосьин городок.

Учитывая ключевую роль Крутика в воссоздании ранней истории региона, в 2008 г. стационарные раскопки этого памятника были возобновлены. Новые работы ведутся с полной промывкой напластований на мелкоячеистых ситах, поэтому общая вскрытая площадь невелика – за 4 сезона на поселении изучено всего 95 кв. м, но полученная за это время коллекция индивидуальных находок приближается к 4,5 тыс. предметов. Кроме того, в окрестностях Крутика удалось выявить два принадлежащих ему могильника с погребениями по обряду кремации (Захаров, Меснянкина, 2011). На некрополях к настоящему времени исследовано 158 кв. м с остатками не менее 18 погребений.

Новый цикл исследований на Крутике и его могильниках принёс новые данные о финальных этапах существования этого памятника. Выяснилось, что поселение продолжало активно функционировать во второй половине X в., когда началось формирование обширной сети расселения и становление основного политического и экономического центра края – города Белоозера. При этом жизнь на Крутике продолжалась и в начале XI в., т.е. в начале следующего исторического этапа, связанного с распространением древнерусской государственности и культуры на Северо-Востоке Руси. В свете новых данных более отчётливо проступило единство ритмов развития Крутика и таких знаковых для начальной истории Руси памятников, как Гнёздово, Ладога и Рюриково городище, также исчезающих, или претерпевающих значительные изменения в начале XI в. Это единство однозначно свидетельствует о том, что Крутик являлся частью системы ранних торгово-ремесленных поселений. Однако, пытаясь найти место Крутика в этой системе, необходимо признать, что по наличию и выраженности целого ряда важнейших признаков он существенно уступал протогородским центрам и вряд ли может считаться одним из них. Это далеко не центральное, а, вероятно, одно из начальных звеньев всей цепочки ранних торговых связей. Тех звеньев, благодаря которым на международные рынки поступали разнообразные продукты лесного промысла, в первую очередь меха, приносившие, очевидно, наиболее высокие доходы на всех стадиях продажи. При этом жители Крутика изначально являлись непосредственными добытчиками пушнины, что наглядно отразилось в составе остеологической коллекции памятника (Андреева, 1991). Вероятно, по мере развития самого Крутика и появления в его окрестностях новых поселений, он стал приобретать черты локального центра, обитатели которого не только добывали меха своими руками, но и концентрировали продукты лесного промысла с определённой территории. Основанием для такого предположения служит факт значительного развития на

поселении ремесла, в первую очередь – бронзолитейного, выпускавшего продукцию в количествах, явно превышающих местные потребности. Важно подчеркнуть, что Крутик не являлся единственным поселением такого рода в центральном Белозерье. Здесь существует, по крайней мере, ещё один памятник, чрезвычайно близкий Крутику по основным характеристикам – поселение Васютино, расположенное на р. Мегре в 16 км от берега Белого озера (Макаров, 1988, с. 60–61, 73; Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 377; Захаров, 2004, с. 111).

Таким образом, после масштабных археологических исследований на территории вокруг Белого озера в нашем распоряжении не появилось каких-либо данных, позволяющих говорить о существовании в Белозерском крае города более древнего, чем Белоозеро. Ни одно из выявленных здесь ранних поселений по своим размерам, характеру материальной культуры и другим важнейшим признакам не может претендовать на городской или протогородской статус. Начало урбанизации Белозерья, безусловно, связано со становлением поселения в истоке Шексны.

Возвращаясь к вопросу о соотношении летописных и археологических данных, стоит отметить, что Повесть временных лет, как известно, является многокомпонентным источником, очень сложным по своему характеру и истории формирования. По мнению А. А. Шахматова, одного из наиболее авторитетных исследователей русского летописания, Сказание о призвании варягов, связанное происхождением с новгородским источником, попадает на её страницы лишь в середине XI в. (Шахматов, 1904). Детальные и многолетние археологические исследования, проведенные в Белозерье, являются ярким подтверждением этого положения. По археологическим данным активное заселение территории вокруг Белого озера начинается в середине X в. В конце X – первой половине XI в. фиксируется резкая интенсификация жизни в регионе, наглядно отразившаяся в значительном увеличении количества и размеров поселений. Поэтому присутствие Белоозера в Сказании можно рассматривать как отражение той значительной роли в истории Руси, которую этот край и город играли уже в XI в. – во времена включения Сказания в летопись, роли, позволившей Белоозеру занять достойное место на первых страницах русской истории.

Источники и литература

Андреева Е. Г., 1991. Фауна поселения Крутик (по остеологическому материалу из археологических раскопок) // Голубева Л. А., Кочкуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.

Археология СССР, 1985. Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука. (Археология СССР. Т. 15).

Башенькин А. Н., 1997. Вологодская область в древности и средневековье // Вологда: краеведческий альманах. Вологда. Вып. 2.

Белецкий С. В., 1996. Начало Пскова. СПб.

Богуславский О. И., 2007. Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь в системе синхронных северо-европейских древностей // Северная Русь и народы Балтики. СПб. (Тр. ИИМК. Т. XXIV).

Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1978. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л.

Голубева Л. А., 1961. Могильник X – середины XI в. на Белом озере // Советская археология (далее – СА). № 1.

Голубева Л. А., 1965. О дате поселения веси на Белом озере // Краткие сообщения Института археологии (далее – КСИА). Вып. 104.

Голубева Л. А., 1973. Веси и славяне на Белом озере, X–XIII вв. М.

Голубева Л. А., 1982. Новые скандинавские находки в Белозерье // СА. № 3.

Голубева Л. А., Кочкуркина С. И., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.

Гусаков Б. Л., Дружинин Г. В., 1983. Белое озеро. Л.

Дубов В. И., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л.

Дубов В. И., 1989. Великий Волжский путь. Л.

Дубов В. И., 1990. Новые источники по истории Древней Руси: учеб. пособие. Л.

Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.

Захаров С. Д., Кузина И. Н., 2008. Изделия из стекла и камня // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере/ отв. ред. Н. А. Макаров. М. Т. 2: Материальная культура и хронология.

Захаров С. Д., Меснянкина С. В., 2011. Крутик: новые открытия // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород.

Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1986. Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М.

Лазаревский Я. М., 1860. Об археологических разысканиях в окрестностях Белозерска // Архив ИИМК. Ф. 1. № 15.

Львова З. А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. Вып. 10.

Львова З. А., 1970. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. II // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. Вып. 12.

Макаров Н. А., 1988. Средневековые памятники Белозерской округи (археологическая карта и комментарий) // Проблемы из-

учения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М.

Макаров Н. А., 1990. Население Русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников Восточного Прионежья. М.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.

Макаров Н. А., Новикова Г. Л., 2001. Могильник Крохинские Пески – некрополь Белоозера X–XIII вв. // Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М.

Носов Е. Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.

Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В., 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.

Отчёт Императорской археологической комиссии за 1860 год. СПб, 1862. Ст. XII.

Ошибкина С. В., 1972. Могильник Пески в Вологодской области // КСИА. Вып. 129.

ПВЛ – Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. Л., 1926–1928. Т. I: Лаврентьевская летопись.

Сухов П. А., 1941. Славянское городище IX–X столетий в Южном Белозерье // Материалы и исследования по археологии СССР (далее – МИА). № 6. М; Л.

Френкель Я. В., 1997. Стекланные бусы Сясьского Городища (раскопки 1987–89 и 1996–97 гг.) // Ладога и религиозное сознание: III чтения памяти Анны Мачинской. СПб.

Френкель Я. В., 2007. Опыт датирования пойменной части Гнёздовского поселения на основании анализа коллекции стекланных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнёздово: результаты комплексных исследований памятника. М.

Френкель Я. В., 2008. Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

Шахматов А. А., 1904. Сказание о призвании варягов. СПб.

Шумаков С., 1900. Обзор «грамот коллегии экономии». М. Вып. 2: Тексты и обзор белозерских актов.

Callmer J., 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. Bonn; Lund.

Памятники IX – начала XI в. в бассейне р. Шексны и Белого озера: возможности для реконструкции историко-культурных процессов в регионе¹

Исторический период, к которому мы обращаемся в данной статье, имеет особое значение. К IX в. относят первые летописные упоминания местности на Шексне и Белом озере, а также веги – финно-угорского племени, которое вместе со своими соседями принимало участие в создании Древнерусского государства. Изучение средневековых памятников на данной территории началось в XIX в. и продолжается до наших дней. Особенно активно их поиски и изучение проводятся с середины XX в. В этой работе принимали участие Л. А. Голубева, Н. В. Тухтина, А. В. Никитин, а с рубежа 70–80-х гг. изучение памятников Средневековья продолжили Н. А. Макаров, А. Н. Башенькин и другие исследователи. К концу XX в. в бассейне р. Шексны и Белого озера было обнаружено несколько сотен памятников этого времени, несколько десятков из них подвергалось раскопкам. Выявленных и раскопанных памятников IX–X вв. среди них оказалось сравнительно немного. Исследователями был сделан вывод об очень слабом заселении всей берегов Белого озера в исторический период, предшествующий древнерусской колонизации (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 188–198).

---

¹ Примечание редактора:

В связи с публикацией данной статьи считаю необходимым обратить внимание читателей на два важных момента.

1. Многолетние исследования, ведущиеся в Белозерье, позволили выделить на этой территории несколько регионов, существенно различающихся между собой по историческим особенностям и динамике развития. Наиболее значимые отличия фиксируются между центральным и юго-западным Белозерьем. Территориально к юго-западному Белозерью относятся бассейны Средней Мологи и Суды вместе с нижним и средним течением притока Суды – р. Андоги. Здесь, начиная с первой половины I тыс. н. э., фиксируется непрерывное развитие самобытной финской культуры, ярким проявлением которой можно считать своеобразный обряд погребения – «домики мёртвых». К территории центрального Белозерья относятся берега Белого озера, бассейны впадающих в него речек, включая связанные с ними озёра, и верхнее течение р. Шексны. Здесь, в отличие от юго-западного Белозерья, в середине – третьей четверти I тыс. н. э. отмечается существенный спад в заселённости, особенно чётко видимый на фоне значительного количества памятников предшествующей эпохи. Различаются эти регионы и по другим важным археологическим критериям, таким как наличие городищ, сопков и сопковидных насыпей и распространён-

К началу XXI в. в регионе к памятникам, датирующимся IX–X вв., кроме поселений и могильников р. Суды, открытых и частично исследованных А. Н. Башенькиным, относили поселение Крутик, могильник Усть-Ситское VI. К группе памятников, существовавших с X в., относились древнее Белоозеро, а также ряд других поселений на р. Шексне – Луковец в устье р. Суды, Октябрьский мост, Соборная горка в Череповце, поселение Шексна 1 в устье р. Углы, Минино 5 на р. Большой Юг и другие. Все они подвергались археологическим раскопкам. Раскапывались также небольшие могильники, датируемые X веком: Минино 7 на р. Большой Юг и Девичья Гора 4 в бассейне Андозера. Небольшим раскопкам подвергались также поселения в центральном Белозерье – Васютино, Никольское V, существовавшие в это время. Поселения, материалы которых датировались X в., обнаружены практически по всей территории региона, они известны на берегах Шексны, на Андоге и Андозере, на больших и малых озёрах. Следует признать, что небольшие по размерам, удалённые от основных магистралей селища редко подвергаются раскопкам. Предпочтение в большинстве своём отдаётся крупным торгово-ремесленным центрам, изучение которых, на взгляд исследователей, сразу может дать максимальную информацию о территории. Вместе с тем, как выясняется, некоторые лесные селища, расположенные в глубине региона, могут таить в своём слое те самые средневековые материалы, которые с трудом, по крупицам собирают археологи, изучающие ранний, «дославянский» период существования округа.

ность курганного обряда погребения. Поэтому привлечение материалов таких памятников, как Чёрный Ручей и Ступолохта, находящихся в нижнем течении Андоги, в качестве доказательства раннего заселения центрального Белозерья вызывает вопросы.

2. Проблемы хронологии являются одними из наиболее сложных и важных при изучении раннего периода Древней Руси. Раскопками ключевых памятников центрального Белозерья было установлено, что отчётливо фиксируемые следы появления новых (после отмеченного запустения) поселений в этом регионе относятся к середине – второй половине IX в. Причём по результатам проведённых работ можно выделить всего четыре памятника, где имеются надёжно датированные напластования второй половины IX – рубежа IX–X вв. Резкий рост количества поселений в центральном Белозерье происходит в X в., и, как показывают результаты раскопок, середину или вторую треть этого столетия можно считать важным рубежом, знаменующим наступление нового этапа в развитии региона. Автор статьи, говоря о большом количестве поселений IX в. в центральном Белозерье, оперирует материалами с широкой датой (IX–X вв.), априори относит начало функционирования всех памятников к IX в. Однако каких-либо новых памятников с чётко датированными материалами IX в. автор не называет.

Новые поиски и исследования памятников IX – начала XI в., которые были продолжены автором в первое десятилетие XXI в., несмотря на то, что обследованиям подвергались изучавшиеся ранее районы Белозерья, принесли свои результаты. Так, на территории региона Средней Шексны, включающего в себя не только Шексну и Андогу, но и их междуречье, в результате поиска памятников последней четверти I тыс. их количество выросло более чем на три десятка. В ходе этих работ удалось обнаружить и исследовать поселения и могильники в комплексах Чёрный Ручей и Ступолохта на р. Андоге, сохранившиеся также и материалы VII–VIII вв.

Стоит отметить, что на нескольких вновь открытых памятниках обнаружены, кроме лепной керамики, и вещевые находки: бронзовые украшения-подвески, в том числе и шумящие, перстни, бусы и другие вещи, которые могут быть датированы. К числу таких новых памятников относятся селища Куколохта, Клюково 3 на Ухтомъярском озере; Веромень 3, Подосиновик на Андозере; Потанино, Елино 3 а на Лозско-Азатской озёрной системе; Палкино 1, Усть-Кукшевка 1, Сосновец 2, Усть-Илоса 1, 2 на Ворбозомском озере и другие.

Новые открытия в последнее время сделаны и на других территориях региона. К числу ранних памятников относятся открытые и исследуемые С. Д. Захаровым могильники, принадлежавшие поселению Крутик – Кладовка 1, Кладовка 2 (Захаров, Меснянкина, 2011, с. 32–33).

Таким образом, на сегодняшний день в бассейне р. Шексны и Белого озера имеется определённое количество поселений и могильников, относящихся к последней четверти I тыс. н. э., изучение которых позволит пролить свет на историко-культурные процессы, происходившие здесь в это время.

В регионе известны памятники, относящиеся к VII–VIII вв. К ним можно отнести поселение и могильник Чёрный Ручей 2, 4; поселение и могильник Ступолохта 1, 2 на р. Андоге, а также могильник Пугино на р. Суде, который расположен вблизи устья Андоги (рис. 1). На поселении Чёрный Ручей 2, а также в могильнике Чёрный Ручей 4 с погребениями по обряду кремации обнаружены многочисленные вещевые находки, имеющие аналогии с древностями Прикамья и Поволжья. Среди них наиболее яркими находками являются металлические детали неволинских поясов, которых обнаружено несколько десятков. В числе их – поясные пряжки, наконечники ремней, накладки разных видов, относящиеся к разным типам неволинских поясов: ж-образные, с приострѐнным краем разных видов, квадратные накладки с фигурными прорезями, полуовальные с прорезями, кольцевидные накладки с орнаментированными вставками, свыше десятка

Рис. 1. Памятники в бассейне Шексны и Белого озера VII–VIII вв.

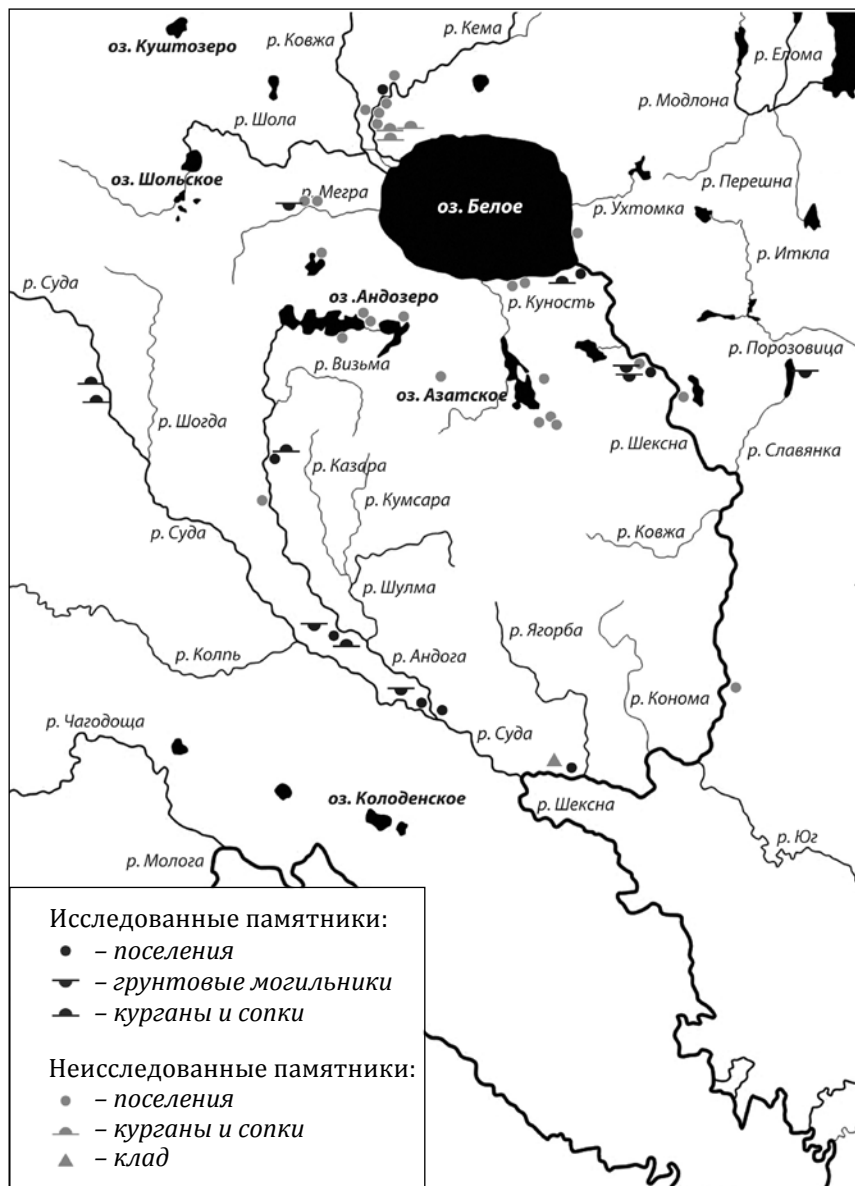

Рис. 2. Памятники в бассейне Шексны и Белого озера IX–X вв.

Рис. 3. Памятники в бассейне Шексны и Белого озера X – начала XI в.

тиснёных накладок с изображением оленя с большими рогами, накладки-тройчатки, накладки полуовальные с прорезями, калачевидные, роговидная и другие (рис. 4) (Голдина Р. Д., 1985; Голдина Р. Д., Водолаго, 1990). Накладки с изображениями оленей известны также в раннеболгарских древностях среднего течения Волги (Матвеева, Богачев, 2000, табл. 7: 16, 17). Здесь же найдены массивные дротовый и прямоугольного сечения бронзовые браслеты, стеклянные прозрачные бусы с красными глазками, буса с выпуклыми глазками, имевшие широкое распространение среди неволинских и ломоватовских древностей (группы бус IV 24, IVБ 33 по Е. В. Голдиной) (рис. 4: 2, 3, 9, 12) (Голдина Е. В., 2010, с. 48–68). На поселении найдены фрагменты гладкостенных сосудов с мелкими примесями в тесте и с закруглённым дном, а также фрагменты сосуда с налепом и верёвочным орнаментом, имевшие аналогии среди керамики Прикамья. На могильнике и на поселении обнаружены также и другие украшения, относящиеся к этому времени. Аналогии этим изделиям обнаруживаются не только среди древностей ломоватовской и неволинской культур, но и других финно-угорских народов Поволжья и Прикамья. Погребения этого времени в могильнике Чёрный Ручей 4 помещались в округлые ямки диаметром 0,35–0,5 м, глубиной в материке от 0,2 до 0,45 м, в ямы овальной формы больших размеров, а также в большие котлованы, в заполнении которых прослежены прослойки кальцинированных костей, содержавших золу, угли, оплавленные вещевые находки. В результате радиоуглеродного анализа угля, происходившего из погребальных ям, были получены соответствующие, в большинстве своём, вещевым материалам даты: 1310±45 лет назад (ЛЕ-7688); 1310±80 лет назад (ЛЕ-7691); 1300±50 лет назад (ЛЕ-7193); 1215±20 лет назад (ЛЕ-7693); 1160±55 лет назад (ЛЕ-7194). Одна из ям, исследованная в могильнике, датируется по углю временем 1200±35 лет назад (ЛЕ-7695).

На поселении Чёрный Ручей 2 были также обнаружены детали поясов неволинского типа, бусы, аналогичные бусам неволинской и ломоватовской культур. В раскопе 1 на поселении в 2003 г. были обнаружены остатки построек – полуземлянок подпрямоугольной формы, которые датированы по радиоуглероду: одна – временем 1100±70 лет назад (ГИН-12528), другая – временем 1180±70 лет назад (ГИН-12529). На поселении Чёрный Ручей 1, являющемся частью археологического комплекса Чёрный Ручей, уголь из одной из ям датирован временем 1330±40 лет назад (ЛЕ-7696). Интересно, что на могильнике Чёрный Ручей 4 часть могильных ям имела размеры и форму, близкие размерам и формам котлованов полуземлянок, изученных на поселении Чёрный

Ручей 2. В одном из таких котлованов, содержащем остатки погребений, в центре сооружения на дне стоял небольшой лепной сосуд.

В комплексе Ступолохта на верхней Андоге при раскопках двух курганов X–XI вв. также были обнаружены раннесредневековые предметы. Среди них: пластинчатый браслет с отогнутыми концами, браслет дрововой, браслет с гранчатыми концами с кружковым орнаментом, перстень литой с овальной печаткой, ранние бусы, в том числе мозаичные красно-жёлто-зелёные бусы, близкие к бусам неволинских типов V Б 36 и VII Б 5, буса глазчатая тип IV Б 29а по Е. В. Голдиной (рис. 4: 1, 7, 8, 11) (Голдина Р. Д., 1985, рис. II, IV; Голдина Е. В., 2010, рис. 32).

Данные предметы также имеют близкие аналогии с вещевым инвентарём, относящимся к неволинской и ломоватовской культурам. Здесь же обнаружены фрагменты сосудов средних и больших размеров с валиками-налепами по венчику, имеющие аналогии среди керамики Прикамья и Приуралья (Голдина Р. Д., 1999, рис. 140; Могильников, 1987, табл. LXXXVI). Присутствие на Ступолохте ранних материалов подтверждают две радиоуглеродные даты, полученные в результате исследования угля, обнаруженного в неглубоких ямах на погребальной площадке кургана при его раскопках. Первая проба угля датировалась временем 1290 ± 50 лет назад (ЛЕ-8333); вторая – 1370 ± 40 лет назад (ЛЕ-8334). По всей вероятности, при сооружении кургана были разрушены более ранние комплексы, вероятно, грунтовый могильник. Предметы, относящиеся к VII–VIII вв. были обнаружены и А. Н. Башенькиным на могильнике Пугино на Нижней Суде (Башенькин, 1995, с. 3–29).

Памятники IX века в регионе представлены уже бóльшим количеством, чем предшествующие. Материалы этого времени обнаружены на поселениях Крутик и могильниках Кладовка 1, 2; на поселении и в могильнике Чёрный Ручей 2, 4, в могильнике Пугино, в могильниках Суды у с. Никольского, исследованных А. Н. Башенькиным (Никольское XI, Никольское XIII, Никольское XVI). Кроме того, находки ранних типов лепной керамики, отдельные находки вещевого инвентаря и радиоуглеродные даты угля, происходящего с селищ, открытых в регионе во время разведок, также позволяют отнести их предварительно к IX–X вв. Древности IX–X вв. обнаружены также в комплексах Чёрный Ручей и Ступолохта. Так, в урочище Чёрный Ручей на поселении Чёрный Ручей 2 найдены арочная подвеска в виде медведя в «жертвенной позе», имеющая аналогии в прикамских древностях IX века (Голдина Р. Д., 1985, рис. XV: 16). Возможно, к этому времени относится необычная подвеска из железа, изображающая лошадь

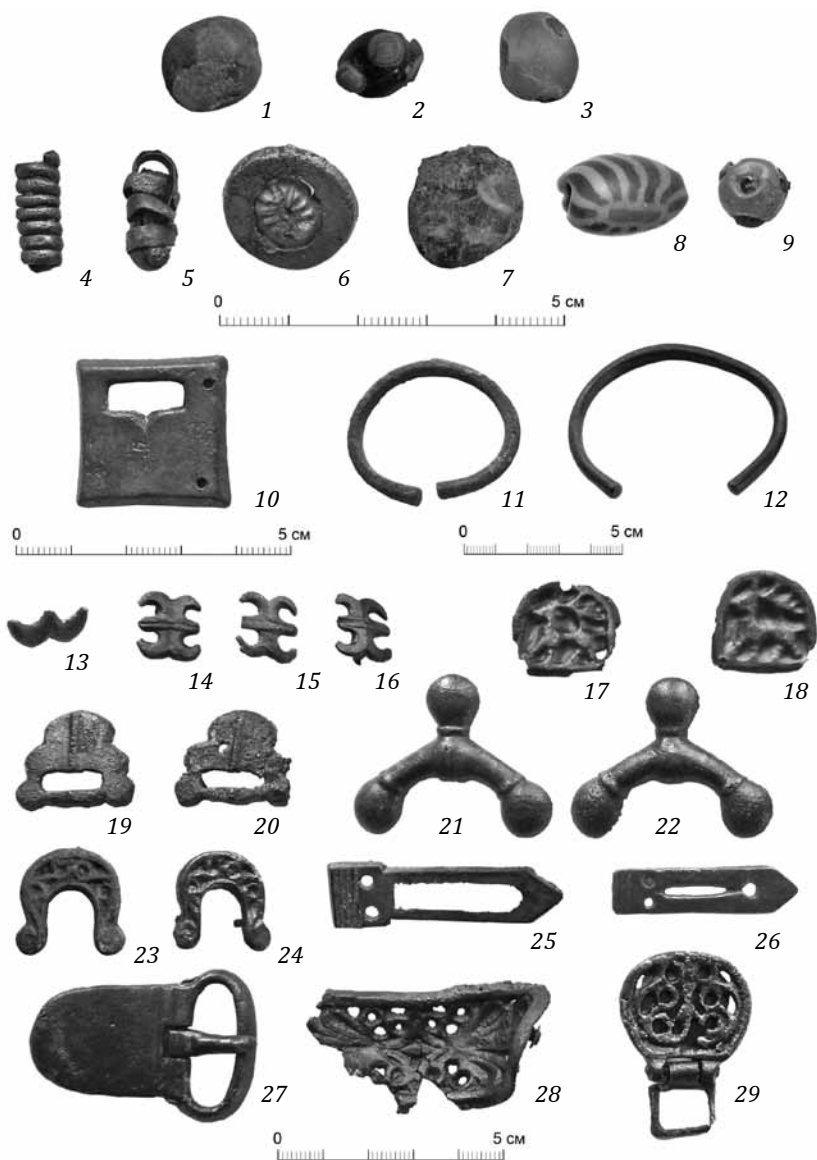

Рис. 4. Вещевой инвентарь с памятников VII–VIII вв.
1–3, 7–9 – стекло; 4, 5, 10–29 – сплавы цветных металлов.
1, 7, 9, 11 – могильник Ступолохта; 2, 3, 10 – поселение Чёрный Ручей 2;
4–6, 12–29 – могильник Чёрный Ручей 4

(рис. 5: 1, 3). На поселении обнаружена оригинальная подтреугольная подвеска с петлёй и тремя бугорками, окаймлёнными «косоплёткой», аналогичная подвеске, найденной в Муроме (рис. 5: 2) (Курганные древности и клады... , 1897, с. 91). Здесь же найдены привески-лапки ромбовидной формы с петлями для подвешивания, украшенными волютами, ножи с прямыми спинками, инструменты – лопаточки, фитильные трубки и другие вещи, которые имеют аналогии среди древностей прикамских и поволжских финнов.

Подобные находки обнаружены также и в могильнике Чёрный Ручей 4. Среди них можно отметить орнаментированную накладку из серебра, получившую в литературе название «вайнага» (рис. 5). Аналогии этому изделию, которое является деталью головного убора, имеются не только в Ладогe и на Крутике, но и у древней мордвы (Голубева, 1987, табл. XLV: 27; Голубева, Кочкуркина, 1991, с. 78, рис. 38: 10). На могильнике найдены также ножи с прямой спинкой, шумящие подвески, в том числе одна целая с цилиндрическим щитком с привесками, подвески-лапки и другие изделия. Кроме того, по углю, взятому на поселении и в могильнике, были получены радиоуглеродные даты, относящиеся к этому времени. Так, на поселении Чёрный Ручей 2 уголь из ямы в раскопе 7 датирован временем 1120 ± 40 назад (ЛЕ-7700). На могильнике также имеются образцы угля, давшие близкую дату: погребение в раскопе 2 в квадратах И-5, И-6 датируется по обнаруженному углю временем 1070 ± 120 лет назад (ЛЕ-7687).

В могильнике Чёрный Ручей 5 X в. обнаружены наконечники стрел, в том числе срезни, бронзовая пронизка, льячка и другие вещи. На поселении Чёрный Ручей 2 и в могильнике Чёрный Ручей 5 также обнаружено большое количество фрагментов керамики. Среди лепной керамики, относимой к IX–X вв., имеются фрагменты сосудов, имеющих аналогии в керамике мери, в том числе лощёные изделия. Имеются здесь также керамические сосуды, близкие местной белозерско-шекснинской керамике, классифицированной Н.А. Макаровым (Макаров, 1991, с. 129–165). Очень важной отличительной чертой лепной керамики могильника Чёрный Ручей 5 и поселения Чёрный Ручей 2 является то, что данная керамика не орнаментирована. Среди множества фрагментов лепной керамики, обнаруженной в комплексе Чёрный Ручей, имеется лишь один, орнаментированный гребенчатым штампом.

Необходимо оговориться, что часть находок, обнаруженных на памятниках IX в. Шексны и Белого озера, продолжала существовать и в X веке, поэтому чётко разграничить время бытования некоторых из них иногда очень трудно. К таким изделиям относятся обнаруженные на Ступолохте шумящие подвески с цилиндрическими

Рис. 5. Вещевой инвентарь с памятников IX-X вв.
1, 10, 14 – железо; 2-8 – сплавы цветных металлов; 9 – серебро.
1-4 – поселение Чёрный Ручей 2; 5, 7, 9 – могильник Чёрный Ручей 4;
11-14 – могильник Ступолохта

щитками и бутылковидными подвесками и привесками-лапками, аналогичные вышеупомянутой подвеске из могильника Чёрный Ручей 4 (рис. 5: 7). Подобные изделия найдены на памятниках Суды (Никольское XI) (Башенькин, 2007, с. 37–47). Аналогии данным изделиям известны среди древностей ломоватовской культуры в Прикамье, среди древностей VIII–X вв. муромы и мордвы (Голдина Р. Д., 1985, рис. XVIII: 1–4; Голубева, 1987, л. XXXIV: 13, 15, табл. XLVI: 9). К подобным вещам относятся также крупные бутылковидные подвески, ложновитые массивные гривны так называемого глазовского типа с замками и некоторые другие вещи, обнаруженные в значительном количестве в могильнике Ступолохта.

Необходимо отметить, что в то время в регионе господствовал обряд сожжения (кремации). Погребальные сооружения IX–X вв., в которые помещались остатки кремации, представлены на Суде и Андоге курганами, в том числе сопковидными насыпями (Никольское XI, Никольское XVI, Чёрный Ручей 3); домиками мёртвых (Пугино), грунтовыми могильниками на Андоге и Шексне (Чёрный Ручей 4, Чёрный Ручей 5, Кладовка 1, Кладовка 2).

Следующая группа характеризующихся в данной статье памятников относится к X – началу XI в. Количество памятников этого времени по сравнению с предшествующими периодами резко возрастает. Наиболее информативными, конечно, являются памятники, которые подвергались широкому раскопкам. К таким памятникам относятся, в первую очередь, поселение Крутик и его могильники, которые продолжают исследоваться; комплекс памятников на Средней Суде у с. Никольского – поселение Никольское VI, могильники Никольское IV, Никольское V, Никольское XI, Никольское XIII, Никольское XVI; комплекс памятников Чёрный Ручей, включающий поселение Чёрный Ручей 2, могильники Чёрный Ручей 3, 4, 5; комплекс Ступолохта – поселение и могильник, упомянутые выше город Белоозеро, поселения Луковец, Октябрьский мост и другие памятники, содержащие материалы этого периода. При рассмотрении данных материалов выясняется, что среди местных украшений доминируют изделия, происхождение которых связано, как и прежде, с финно-угорским миром Востока – Прикамьем, Средней Волгой, Волго-Окским междуречьем (Голубева, 1987; Леонтьев, 1996). Шумящие подвески, которые происходят с исследованных памятников, представлены изделиями со щитками прямоугольной, треугольной, округлой и овальной, а также арочной форм. Имеются изделия, щитки которых образованы волутами, чаще всего тремя. Щитки прямоугольной формы выполнены в наборной технике, украшены зернью, деталями с «кошплеткой». Имеются подвески, щиток которых образован тремя спиральками (рис. 6). В качестве привесок к шумящим подвескам

используются лапки, бутылковидные, конические подвески, подвески-бубенчики. Среди других бронзовых украшений имеются многочисленные спиральки, обоймочки, пронизки, бронзовые бусы, проволочные височные кольца, в том числе втульчатые. Значительный удельный вес среди бронзовых изделий, происходящих с памятников X–XI вв. бассейна Шексны и Белого озера, имеют детали поясов – пряжки, разнообразные поясные накладки (рис. 6: 6, 11, 13, 15–19). Для многих из них имеются аналогии в древностях бассейнов Камы и Волги. Из этих регионов происходят и другие вещи – гривны, зооморфные подвески-коньки мерянско-го типа, бутылковидные, воронковидные, трапецевидные подвески. Также значительной остаётся в местной лепной посуде доля сосудов восточно-финского происхождения.

Столь обильно представленная в среде местного населения материальная культура народов Прикамья и Поволжья в VIII–X вв. свидетельствует о тесных связях его с восточно-финским миром, которые существовали и сохранялись, скорее всего, благодаря непрерывной подпитке местного финно-угорского сообщества импульсами миграции из юго-восточных пределов, осуществляющейся по Волге.

Вместе с тем, начиная, очевидно, с X века в материальный мир местного населения начинают проникать элементы прибалтийско-финской культуры. Эти элементы ярче всего проявляются в виде обнаруженных здесь вещей, происхождение которых связано с Приладожем, Прибалтикой, Скандинавскими странами. К числу вещевых маркеров этой культуры можно отнести встречающиеся у местного населения массивные ладьевидные браслеты разных типов, зооморфные украшения-уточки полые, а также пластинчатые «приладожского типа» и другие предметы, сосуды прибалтийско-финских типов. О влиянии приладожских и прибалтийско-финских традиций на культуру местного финно-угорского населения свидетельствуют также некоторые элементы погребального обряда, которые прослеживаются в местных погребальных обрядах, например, помещение в курганы очагов, сооружение прямоугольных погребальных площадок, ярусность погребений. Некоторые исследователи связывают проникновение в Белозерье элементов прибалтийско-финской культуры с развернувшейся древнерусской колонизацией бассейна Шексны и Белого озера (Башенькин, 1989, с. 11).

Если следовать известному представлению о том, что река Суда оставалась до XII–XIII вв. закрытой для проникновения славяно-русского населения с Шексны и даже с заселяемой этим населением Колпи (Башенькин, 1989, с. 18, 17), то получается, что прибалтийско-финское влияние на культуру местного финно-угорского населения могло распространяться только сверху, по

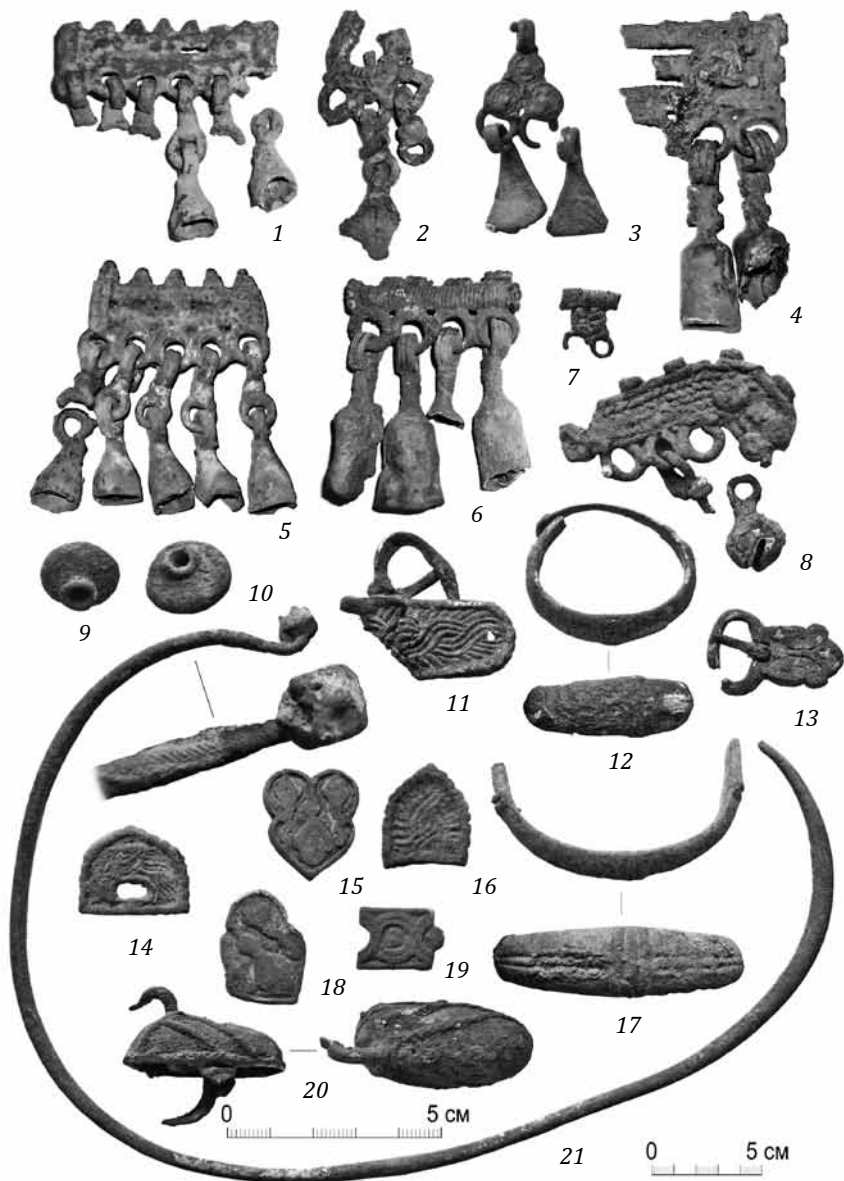

Рис. 6. Вещевой инвентарь могильника Ступолохта.
Изделия из сплавов цветных металлов

Суде. Это позволяет установить наличие более тесных контактов населения Приладожья с финнами Суды и возможное переселение части приладожского населения, теснимого в нижних течениях Паши, Ояти и других рек Волхово-Ладожского бассейна славяно-русской колонизацией, на Суду и в целом в западное Белозерье. Подтверждением этому являются, например, находки ладьевидных браслетов на памятниках Верхней Суды (раскопки Н. В. Тухтиной, А. Н. Башенькина), в комплексе Ступолохта на Андогера (рис. 6: 12, 17), в могильнике Девичья Гора 4 в бассейне Андозера. Представляется, что по мере изучения региона Западного Белозерья количество обнаруженных здесь прибалтийско-финских материалов конца I тыс. увеличится. И.И. Муллонен в своих очерках по топонимике Белоозера пишет о широком распространении в регионе Белозерья топонимики верхневолжского происхождения и слабом присутствии в центральной и восточной его частях прибалтийско-финских топонимов. В западной же части бассейна Шексны и Белого озера количество прибалтийско-финских топонимов, по мнению исследовательницы, значительно больше, чем в центре и на востоке Белозерья. Она считает, что прибалтийско-финское население осваивало эту часть Белозерья как промысловую территорию, а позднее здесь появилось оседлое прибалтийско-финское (вепское) население (Муллонен, 1994, с. 123–133).

Подводя итоги обзора древностей бассейна Шексны и Белого озера последних веков I – начала II тыс., необходимо отметить, что количество памятников IX – начала XI в. в регионе Шексны и Белого озера не так уж и мало, как кажется на первый взгляд. При интенсификации их поисков в регионе, количество этих памятников, без сомнения, вырастет, что будет хорошей базой для продолжения исследований важной исторической эпохи на Севере России.

При анализе местных материалов, относящихся к последней четверти I тыс., выясняется, что основой культуры местного населения в VII–VIII вв. являются компоненты культур финно-угорских народов Прикамья. Вместе с тем, мы далеки от того, чтобы связывать проникновение в регион этих древностей с простым механическим перемещением их в Белозерье с берегов Камы и из Предуралья. В данном случае можно наблюдать культуру сложного по своему составу населения, которое использовало вещевые материалы неволинского и ломоватовского населения, а также народов Поволжья, в то же время хоронило своих умерших по обряду кремации, помещая остатки этих кремаций в большие и малые грунтовые ямы, что отличалось от традиций прикамского и поволжского населения, у которого в то время существовала другая погребальная обрядность. На поселении Чёрный Ручей 2 и в

погребальных комплексах в урочище Чёрный Ручей наряду с небольшим количеством качественной круглодонной посуды явно прикамского происхождения помещалась и грубая лепная неорнаментированная посуда поволжско-финских и местных типов.

Следующий этап формирования местного населения относится к IX–X вв. По-прежнему в культуре местных финно-угров прослеживается прикамский «след», при росте в ней доли культурных компонентов финно-угорских народов Ветлуги, Волги, Оки. Основная часть имевшихся у них бронзовых украшений происходит из среды древних марийцев, мордвы, муромы, мери. В это время, очевидно, появляются и свои местные типы украшений, которые сегодня большинство исследователей связывают с культурой веси – это массивные литые браслеты с глубокими желобами-каннелюрами. По поводу других вещевых маркеров культуры веси имеются разные мнения.

В X – начале XI в. наблюдается значительный рост населения в бассейне Шексны и Белого озера. Количество культурных компонентов, связанных с материальной культурой Поволжья, не уменьшается. Появляются новые типы украшений – шумящие подвески с треугольными, прямоугольными, круглыми щитками и другие вещи. В это же время в культуру местных финно-угров начинают проникать прибалтийско-финские элементы, в первую очередь, это происходило в западном Белозерье, а затем на Шексне и Белом озере. Это связано, очевидно, с начавшейся славяно-русской колонизацией северных территорий, ускорившей продвижение на Суду и в целом в Белозерье представителей прибалтийско-финского населения Восточного Приладожья, культурные элементы которых органично вошли в культуру веси белозерской.

Весь, которая на рубеже I–II тыс. пережила мощные притоки пришлого, хотя и родственного населения, не представляла, очевидно, в это время единого целого. Она, по последним наблюдениям, уже в X в., а может быть и ранее, распадалась на несколько территориальных групп, которые различались по особенностям погребальной обрядности при сохранении в целом трупосожжения как основного вида погребального обряда, по разнообразиям женского костюма, по составу и особенностям керамического комплекса и другим признакам. Эти группы, очевидно, могут быть представлены территориально Верхней и Средней Судой, Андогой с Андозером, средним и верхним течениями Шексны, центральным Белозерьем, может быть, регионом Шолы и Иводы и другими.

Перед исследователями этого важного региона стоят задачи дальнейшего изучения его раннесредневековой истории на новом уровне и совершенствования методик поиска новых и изучения известных памятников последней четверти I тыс.

Источники и литература

Башенькин А. Н., 1989. Некоторые общие вопросы культуры веси, V–XIII вв. // Культура Европейского Севера России. Вологда.

Башенькин А. Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. С. 3–29. Вып. 3.

Башенькин А. Н., 2007. Сопковидная насыпь у деревни Никольское на реке Суде // Археология: история и перспективы. Третья межрегиональная конференция: сб. статей. Ярославль.

Голдина Е. В., 2010. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск.

Голдина Р. Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.

Голдина Р. Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск.

Голдина Р. Д., Водолаго Н. В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.

Голубева Л. А., 1987. Весь. Муром. Мордва // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. (Археология СССР).

Голубева Л. А., Кочкуркина С. И., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.

Захаров С. Д., Меснянкина С. В., 2011. Крутик: новые открытия // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великой Новгород – Старая Русса, 2011 г. СПб.; М. Т. 2.

Курганные древности и клады домонгольского периода // Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1897.

Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери. М.

Макаров Н. А., 1991. Лепная керамика поселения Крутик // Голубева Л. А., Кочкуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.

Матвеева Г. И., Богачев А. В., 2000. Памятники раннеболгарского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.

Могильников В. А., 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. (Археология СССР).

Муллерен И. И., 1994. Очерки вепсской топонимики. СПб.

Цветной металл поселений Крутик и Никольское V в Белозерье: состав сплавов, пути поступления

За последние 15 лет в результате широкого распространения компьютеров с их возможностью быстрой обработки больших массивов информации у археологов, занимающихся изучением средневековых металлических украшений и вопросами их производства, вновь возрос интерес к составам сплавов, из которых эти украшения изготовлены, и путям поступления металлического сырья в различные регионы Древней Руси. Поскольку Древняя Русь не имела собственных источников сырья цветных металлов, представляется достаточно важным установить динамику и пути, по которым шли потоки металлического сырья к ювелирам конкретных регионов, а также определить наличие или отсутствие специфики использования сплавов мастерами определённых территорий.

Решение этих задач – достаточно протяженный по времени процесс, связанный с необходимостью осуществления большого количества анализов металла как готовых изделий, так и производственных находок, из возможно большего числа памятников, расположенных в разных местах Древней Руси и на сопредельных территориях. Сейчас уже можно говорить о том, что в этом направлении благодаря усилиям многих специалистов имеется большое продвижение вперёд. Собранные сведения, насчитывающие около 8000 проб, относятся к периоду от VIII в. до позднего Средневековья. В рамках этой базы данных накоплен значительный фонд результатов анализов химического состава предметов из цветных металлов с памятников IX–XI вв., расположенных в разных частях обширной территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси (Енисосова, Митоян, Сарачева, 2008).

С возобновлением комплексного археологического изучения поселения Крутик в Кирилловском районе Вологодской области экспедицией под руководством С. Д. Захарова были поставлены задачи исследования состава цветного металла памятников Белозерья, ранее изученного на большой серии проб только для Мининского археологического комплекса на Кубенском озере (Зайцева, 2003, с. 53–70; Зайцева, 2009, с. 155–166). Раскопками Л. А. Голубевой в 1970–1980-х гг. на поселении Крутик были выявлены участки с остатками комплексов по обработке цветных металлов. В специальных работах исследовательница детально рассмотрела предметы, связанные с цветной металлообработкой,

и охарактеризовала этот вид ремесла на Крутике (Голубева, Кочкуркина, 1991, с. 63–80; Голубева, 1991, с. 148–164). За рамками анализа осталось изучение химического состава металла, как готовых изделий, так и находок, связанных с обработкой цветных металлов. Новый цикл комплексных исследований на Крутике позволил вернуться к работе с цветными металлами на этом поселении и охарактеризовать состав металлов и сплавов, использовавшихся местными мастерами. К работе были привлечены новые находки, полученные экспедицией С. Д. Захарова, и материалы из раскопок Л. А. Голубевой, хранящиеся в фондах Музея археологии Череповецкого музейного объединения¹. Исследование проводилось по двум направлениям:

1) Н. В. Ениосовой в лаборатории кафедры археологии исторического факультета МГУ методом качественного рентгенофлюоресцентного анализа был изучен элементный состав остатков металла на стенках 32 глиняных тиглей и в полостях 2 глиняных литейных форм из раскопок Крутика;

2) оптико-эмиссионным спектральным анализом металла по методу трёх эталонов А. Н. Егорьковым в лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры в г. Санкт-Петербурге проведено исследование 107 проб, отобранных с предметов, изготовленных из сплавов на основе меди: 83 образца получены из материалов Крутика, относящихся к концу IX – началу X в., и 24 пробы взяты с предметов из селища Никольское V на р. Кеме, датирующихся X – началом XI в.²

Для сопоставления использованы синхронные находки из погребений по обряду кремации Мининского археологического комплекса, территориально наиболее близко расположенного к Крутику, материалы из Городка на Ловати (Горюнова, 1988), Приладожских курганов, Сарского городища, Старой Ладоги и Рюрикова городища (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008), а также с сельских поселений Суздальского ополья (Зайцева, 2008, с. 36–55).

В итоге классификации результатов анализов по заранее определённым параметрам (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008, с. 125–132) было установлено, что основными легирующими компонентами в меди являются олово, свинец и цинк. Выделены типы сплавов, впоследствии объединённые в большие группы: медь, бронзы, латуни, смешанные сплавы (рис. 1). Рассмотрим кратко полученные группы.

---

¹ Автор благодарит директора Музея археологии Череповецкого музейного объединения к. и. н. А. В. Кудряшова за постоянную помощь в работе и радушное внимание.

² Датировка образцов произведена С. Д. Захаровым.

Медь. Из «чистой» меди и из меди с примесью свинца и на Крутике, и в Никольском V изготовлены преимущественно сырьевые предметы. Они составляют около 10% изученной выборки на Крутике и около 20% в Никольском V. На обоих памятниках преобладает «чистая», не загрязненная свинцом медь. Из меди сделаны пластины и полосы металла, прутки, обрывки проволоки. Использование «чистой» меди в местной цветной металлообработке доказывается фиксацией этого металла на стенке глиняного тигля. Из готовых изделий в этой группе оказалась только пластинчатая трапезиевидная подвеска.

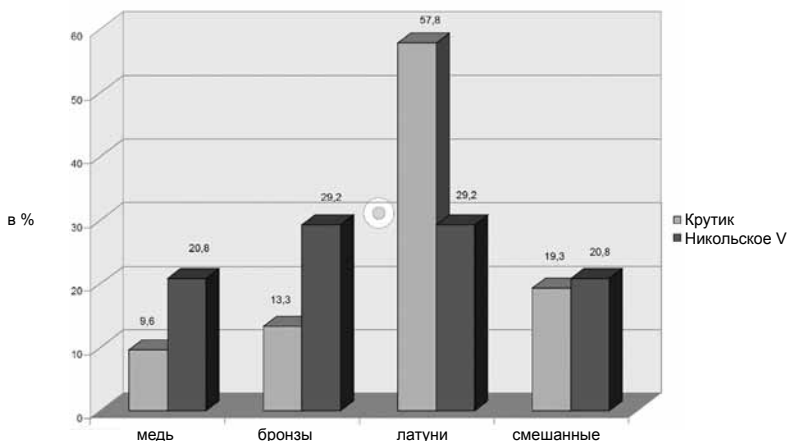

Рис. 1. Основные группы сплавов Крутика и Никольского V

Бронзы. Бронзы представлены большим числом образцов. Их доля в материалах Крутика составляет около 13 %, в Никольском V – около 30 %. Находок сырья нет, все пробы взяты с изделий. Оловянные и цинковые бронзы практически отсутствуют в исследованной выборке. Преобладают предметы из оловянно-свинцовой бронзы с содержанием олова 10 % и выше, свойственные финно-угорской ремесленной традиции. Из бронзы сделаны литые украшения, относимые исследователями к «весским»: круглые бляхи, перстень с валиками, а также шумящие подвески и привески к ним. Интересен обломок бракованного литого по восковой модели браслета с циркульным орнаментом. Вероятно, при его изготовлении был неправильно подобран температурный режим, поэтому металл не успел заполнить полость литейной формы, сильно исказив контур предмета (рис. 3: 93). Половинную пуговицу и три поясные накладки из Никольского V, отлитые из оловянно-свинцовой бронзы и морфологически сходные с накладками из

Волжской Болгарии, вероятно, можно отнести к импортным предметам, так как большинство поясных накладок этого времени из Волжской Болгарии изготовлено именно из этого сплава.

Латуни. Самую представительную группу составляют латуни (около 58 % на Крутике, около 30 % в Никольском). Несмотря на то, что оловянные латуни очень немногочисленны, именно из этого сплава изготовлен сырьевой прутки в виде обломанной палочки прямоугольного сечения из Крутика. Больше всего предметов сделано из свинцовой латуни. Концентрация цинка довольно высокая: в двух третях образцов она составляет 10 % и более, что свидетельствует о непосредственном поступлении сырьевых материалов к мастерам Крутика. По наблюдениям Н. В. Ениосовой, на древнерусской территории в это время преобладают латуни с низким и средним содержанием цинка, маркирующие работу с ломом, например, в Новгороде в слоях X – начала XII в. его концентрация в изделиях колеблется в пределах от 1 до 7 % (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008, с. 134).

Среди находок из двойной, свинцовой и многокомпонентной латуни много обрывков проволоки, дрота, обрезанных сырьевых прутков в виде палочек прямоугольного сечения. Эта черта сближает Крутик с Городком на Ловати и выделяет оба поселения на фоне других синхронных памятников, где латунное сырьё представлено, как правило, малым числом находок.

Привлекает внимание откованная из свинцовой латуни, обломанная с обеих сторон прямая, несколько сужающаяся полоса металла трапецевидного сечения длиной 90 мм, шириной 10,5 мм, толщиной 2,4 мм. Лицевая сторона полосы на треть длины размечена резцом, по разметке нанесен орнамент «волчий зуб». Значительная толщина предмета не позволяет считать его украшением, скорее всего, это обломок штампа для изготовления восковых моделей пластинчатых браслетов. Пластинчатые браслеты с подобным орнаментом хорошо известны в материалах древнерусских памятников (Левашева, 1967, с. 230). Обрубленноконечные и завязанноконечные экземпляры таких браслетов обнаружены в курганах X – начала XI в. в Южном Приладожье (Кочкуркина, Линевский, 1985, с. 66, рис. 28: 2, 3). Их технологическое изучение показало, что многие экземпляры отлиты в двустворчатых разъёмных формах: в одной створке располагалась полость для браслета, а другая служила крышкой (Левашева, 1967, с. 231). Подобные формы как раз и могли быть получены при использовании такой модели. Металлические модели для оттиска в пластичном материале периодически встречаются в материалах комплексов ювелирных мастерских.

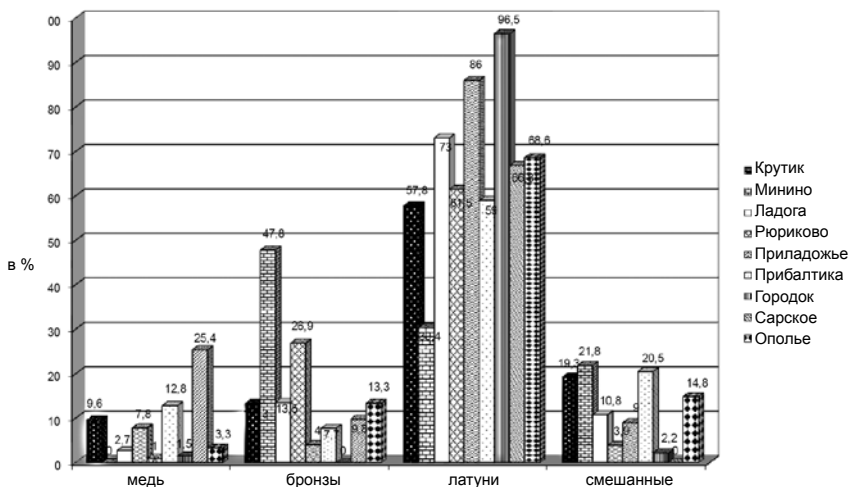
Активное использование латуней в цветной металлообработке Крутика подтверждается и качественным анализом состава ме-

талла, сохранившегося на стенках глиняных тиглей и в полостях глиняных литейных форм. На большинстве обломков стенок тиглей и на обеих формах зафиксирован цинк, на стенках четырёх тиглей имеются олово в высокой концентрации и свинец в меньшей, но всё же достаточно ощутимой концентрации. В одном тигле плавили низкопробное серебро.

Большинство готовых изделий из свинцовой латуни получено способом пластической деформации. Это 8 находок из проволоки, в том числе 4 височных кольца, а также трапециевидная подвеска, усатый перстень, 3 пластинчатых браслета, заготовка браслета, ленточная спиральная пронизка, два сырьевых прутка. Есть в этой группе и литые изделия: рукоять кресала, пуговица, наконечник гривны, подковообразная фибула.

К импортным латунным предметам относится подковообразная фибула с дугой шестигранного сечения и многогранными головками, а также поясной наконечник скандинавского типа, в металле которого содержится 13% цинка. Скорее всего, этот предмет был произведён непосредственно в Скандинавии.

Из *перемешанного сплава*, полученного в результате многократных переплавов вышедших из моды или сломанных украшений, изготовлено около одной пятой части изделий на обоих памятниках. В этой группе значительно преобладают готовые изделия, к сырьевым материалам можно отнести только небольшой обрывок тонкой проволоки и кусок дрота прямоугольного сечения.

Рис. 2. Основные группы сплавов предметов из разных памятников Восточной Европы

Если сравнить наборы сплавов, использовавшихся мастерами Крутика, со сплавами с других памятников этого времени, расположенных на территории Древней Руси, в Поволжье и в Прибалтике (рис. 2), становится очевидным, что Крутик входил в зону господства латуней, преимущественно свинцовых, существовавшую в это время на обширных пространствах Северной Европы, включавших и Северную Русь. На всех памятниках этой зоны количество латунных предметов близко или превышает 60 %. Бронзы представлены малым числом проб: везде, за исключением Рюрикова городища, их количество не больше 14 %. Не так много и изделий из полностью перемешанного металла, полученного в результате многократных переплавок. Возможно, однажды изготовленные украшения служили своим хозяевам и не подвергались частой переработке.

Известные отличия можно видеть, сравнивая бинарные и тройные латуни с многокомпонентными. По этому показателю выделяются пункты с широкомасштабным ремесленным производством, так называемые «ремесленные центры» (Горюнова, 1985, с. 56), мастера которых имели налаженные каналы получения сырья и рынки сбыта готовой продукции. Это в первую очередь Городок на Ловати, где собрано большое количество глиняных тиглей, литников, выплесков металла, обрывков проволоки, слитков, незаконченных изделий. Подавляющее большинство проб из этого памятника показало работу с высокоцинковой свинцовой латунью (Горюнова, 1988, с. 191–209).

Своеобразные характеристики имеет металл Сарского городища, в котором преобладают образцы из двойной латуни с небольшим содержанием цинка (1–5 %). По мнению А. Н. Егорькова, возможно, этот факт указывает на наличие особого иного источника поступления металла на городище, в мастерских которого недостаточно выдержанно соблюдался технологический цикл получения латуней, из-за чего содержание цинка в сплаве получалось низким (Егорьков, 2008, с. 160). В небольшой выборке проб из Старой Ладogi преобладают многокомпонентные латуни с высоким содержанием цинка. Из этого же сплава изготовлено три четверти проанализированных металлических сосудов из погребений Готланда (Trotzig, 1991, р. 183–272), около 60 % исследованных предметов с территории Латвии (Daiga, 1962, р. 64–65) и более трети находок этого времени из Суздальского ополья.

На Крутике, где «литейное дело – одна из ведущих отраслей производства на поселении» (Голубева, Кочкуркина, 1991, с. 63), наряду с горнами, огромным количеством тиглей, литейными формами и железными инструментами собрано много сырьевых материалов ювелиров – полосы металла, слитки-брусочки пря-

моугольного сечения, пруты прямоугольного сечения, проволока и дрот. Получаемое местными мастерами сырьё было преимущественно медным и латунным (свинцовые и двойные латуни). Концентрация цинка также достаточно стабильна: у большинства предметов она составляет 6–14 %. Из латуни с высокой концентрацией цинка сделана проволока, что наблюдается и на других памятниках Восточной Европы в это время (Зайцева, 2009, с. 165). Рассмотренные факты свидетельствуют о стабильности цепочки связей «поставщик – мастер – сбытчик».

Вместе с тем на поселении, наряду с явно нацеленным на продажу изготовлением изделий из латуни, в рамках тех же комплексов существовала ещё одна производственная традиция. Это отливка изделий так называемого «весского» круга из бронз и многокомпонентных сплавов: шумящих украшений, круглых блях, перстней с валиками и др. Эта традиция находит прямое соответствие в металле украшений из синхронных погребений грунтовых могильников Миныно II и Владышнево II, территориально расположенных наиболее близко к Крутику. Почти половину всех проб здесь представляют бронзы, в том числе и многокомпонентные. Латуней, также преимущественно многокомпонентных, меньше – всего 30 %.

Таким образом, наблюдаемая нами ситуация использования цветных металлов на Крутике выглядит двояко: при наличии медного и латунного сырья в мастерских Крутика украшения местного костюма делаются из многокомпонентных или бронзовых сплавов. На одном памятнике существуют как бы две параллельные традиции – одна, вписывающаяся в круг северовосточноевропейской металлообработки, связана с работой с латунями; другая, местная финно-угорская, нацелена на обработку бронз и перемешанных сплавов. Возможно, эти традиции имеют некоторые хронологические различия, однако диагностировать это на данном этапе исследований пока не удаётся.

Вопрос, откуда поступал металл к мастерам-ювелирам Белозерья, остаётся на сегодняшний день всё ещё не решённым. Предполагаем, что создатели украшений для традиционного регионального костюма ориентировались на восточное направление связей: Прикамье и Поволжье. Это направление достаточно хорошо маркируется деталями поясной гарнитуры и поясными сумочками, сопровождающими ранние погребения Миныно и Владышнево. Мастера Крутика, вовлеченные в систему широких восточноевропейских связей, вероятно, получали металл из нескольких источников. Его состав практически ничем не отличался от металла, имеющегося в распоряжении мастеров большинства других ремесленных центров Северной Руси.

Источники и литература

Голубева Л. А., 1991. Литейное дело на поселении Крутик в Белозерье // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.

Голубева Л. А., Кочкуркина С. И., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.

Горюнова В. М., 1985. Цветной металл Городка на Ловати (X–XII вв.). Спектральный анализ и технология // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.

Горюнова В. М., 1988. Городок на Ловати X–XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси) // Архив ИИМК РАН. Ф. № 35, 2-Д, арх. № 409.

Егорьков А. Н., 2008. О цементационном получении бронзы и латуни в древности // Археологические вести. № 15. СПб.

Енисова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.

Зайцева И. Е., 2003. Сплавы цветных металлов сельских памятников северо-восточных окраин Древней Руси // Российская археология. № 4. С. 53–70.

Зайцева И. Е., 2008. Сплавы цветных металлов селищ Суздальского ополья // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. М. Вып. 2.

Зайцева И. Е., 2009. Сплавы цветных металлов сельских памятников северо-восточных окраин Древней Руси // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / отв. ред. Н. А. Макаров. М. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура.

Кочкуркина С. И., Линевский А. М., 1985. Курганы летописной веси X – начала XII века. Петрозаводск.

Левашева В. П., 1967. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Труды ГИМ, вып. 43).

Daiga J., 1962. Krāsaino metalu ķīmiskas sastāvs Latvijā 6.–13. gs. // Arheologija un etnogrāfija. IV. Rīgā.

Trotzig G., 1991. Craftsmanship and function. The museum of national antiquities / Stockholm. Monographs 1. Stockholm.

По ряду организационных и финансовых причин существует практика передачи коллекций из раскопок одного археологического памятника в фонды разных музеев. Так, коллекции из Белоозера находятся на хранении в Вологодском и Кирилло-Белозерском государственных музеях-заповедниках, Музее археологии Череповецкого музейного объединения, в Государственном Историческом музее, Белозерском областном краеведческом музее.

В Вологодский государственный музей-заповедник поступило 25 коллекций из Белоозера, содержащих 6274 предмета, что составляет 7,8% общего числа средневековых предметов в фондах музея. Из них 22 коллекции (4591 предмет) были приняты в основной фонд, а 3 коллекции керамики (1683 предмета) поступили в научно-вспомогательный фонд. На сегодняшний день это одна из крупнейших коллекций материала из раскопок средневековых памятников в Вологодском музее-заповеднике. Данная статья является начальной стадией систематизации коллекций города Белоозера из фондов Вологодского государственного музея-заповедника.

№№ раскопов глубина в м	южные			центр			западные			
	XXV	XXVI	XXVII	III	XIII-XI	XII	XIII-XI	XXV	XXVI	XXVII
0,2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
0,4	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
0,6	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
0,8	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
1,0	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
1,2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
1,4	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
1,6	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
1,8	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■

1

№№ раскопов века	южные			центр			западные			
	XXV	XXVI	XXVII	III	XIII-XI	XII	XIII-XI	XXV	XXVI	XXVII
XIII-XIV	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
XIII	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
XII	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
XI	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
X	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■

2

Рис. 2. Сводные таблицы с характеристикой раскопов (заштрихованы исследованные участки):
 1 – глубина раскопов,
 2 – хронология
 (по Л. А. Голубевой).
 Представлены данные по раскопам, материалы которых хранятся в Вологодском государственном музее-заповеднике

Таблица 1

**Нумерация коллекций из раскопов Л. А. Голубевой
на Белоозере в собрании Вологодского государственного
музея-заповедника**

№	№№ по книге поступлений	Годы раскопок	№№ раскопов, траншей, шурфов	Принадлежность к группам раскопов (по Л. А. Голубевой)	Общая датировка (по Л. А. Голубевой)
1	ВОКМ 218/1-8	1951-1952	не указано в описи		
2	ВОКМ 219/1-4	1951-1952	не указано в описи		
3	ВОКМ 220/1	1951-1952	не указано в описи		
4	ВОКМ 221/1-6	1951-1952	не указано в описи		
5	ВОКМ 534/1-251	1951	р. VI, VIII	северная	XII-XIV вв.
6	ВОКМ 700/1-354	1952	тр. 1, 3; р. V, VI, VIII, X, XV	северная, центральная, южная	X - нач. XIII в.; X - нач. XIII в.; XII-XIV вв.
7	ВОКМ 9910/1-376	1950	р. III, III а, V-XIII	северная, центральная, южная	XII-XIV вв.; X - нач. XIII в.; X - нач. XIII в.
8	ВОКМ 12223/1-1214	1959	тр. 1, р. XV, XX-XXIV, XXVII, XXVIII	центральная, южная	X - нач. XIII в.; XII-XIV вв.; XIII-XIV вв.
9	ВОКМ 12633/1-354	1960	р. XXVIII, XXIX	центральная, южная	X - нач. XII в.; X-XI вв.
10	ВОКМ 12634/1-982	1959	не указано в описи		X-XIII вв.
11	ВОКМ 12788/1-6	1961	не указано в описи		
12	ВОКМ 12789/1-603	1961	р. XXVIII, XXXII	северная, центральная	X - нач. XII в.; XII-XIV вв.
13	ВОКМ 13179/1-3	1959	не указано в описи		
14	ВОКМ 13180/1	1961	списан		XII в.
15	ВОКМ 13181/1-269	1962	р. VIII, XXIV, XXXIII-XXXV; тр. 1; Каргулино, ш. 1	северная, центральная, южная	X-XII вв.; XII-XIV вв.; X - сер. XIII в.
16	ВОКМ 13500/1-15	1959, 1961, 1962	р. XXXII-XXXV	северная, южная	X-XII вв.; XII-XIV вв.
17	ВОКМ 15575/1-18	1957	не указано в описи		X-XIII вв.

№	№№ по книге поступлений	Годы раскопок	№№ раскопов, траншей, шурфов	Принадлежность к группам раскопов (по Л. А. Голубевой)	Общая датировка (по Л. А. Голубевой)
18	ВОКМ 15576/1-20	1958	не указано в описи		X-XIII вв.
19	ВОКМ 15577/1-54	1959	не указано в описи		X-XIII вв.
20	ВОКМ 15578/1-19	1960	не указано в описи		X-XIII вв.
21	ВОКМ 15579/1-27	1961	не указано в описи		X-XIII вв.
22	ВОКМ 15580/1-6	1962	не указано в описи		
	всего 4591 ед.				
23	б/н керамика	1957	не указано в описи		
24	б/н керамика	1958	не указано в описи		
25	б/н керамика	1959	не указано в описи		
	всего 1683 ед. б/н				

Следует отметить, что первые предметы с Белоозера поступили в Вологодский областной краеведческий музей в августе 1952 г. от Н. И. Калаева, в то время заведующего отделом истории Белоозерского музея, который принимал участие в работе Белозерской экспедиции. Это небольшая подборка вещей из разных материалов: ВОКМ 218 – кричное железо, ВОКМ 219 – сваи, ВОКМ 220 – донце сосуда, ВОКМ 221 – фрагменты кожи.

С 1952 по 1963 г. коллекции в музей поступают от Л. А. Голубевой. Ряд коллекций из раскопов этих лет поступает намного позднее – в 1965 и 1971 гг., при этом часть материалов повторно ставится на музейный учёт. В 1983 г. в результате проведённой сверки часть ошибочно дважды поставленных на учёт предметов и несколько утраченных (преимущественно из органических материалов) были списаны по ордеру № 4012 от 05.08.1983 года, а 6 предметов переданы в профильные коллекции дерева и нумизматики.

В настоящее время коллекции с Белоозера насчитывают 4188 предметов и 3 коллекции керамики. Только 50 наиболее выразительных находок представлены в постоянной экспозиции музея. В таблице 2 отражены сведения обо всех категориях находок (названия приведены по коллекционной описи) с подсчётом их количества по коллекциям. «Звёздочкой» отмечены единичные списанные предметы; через дробь указана численность предметов из разных материалов (например, в строке 39: кость / металл) или

различающихся по названию предметов (например, в строке 23: гвоздь / гвоздь от подковы).

В 1985 году от сотрудника музея И. Ф. Никитинского поступает небольшая коллекция подъёмного материала с территории города Белоозеро. В ней всего 18 предметов: железный нож, небольшое пряслице, часть оселка, тигелёк и четырнадцать фрагментов разновременной лепной и гончарной керамики с традиционными для Белозерья орнаментами, в том числе фрагменты ямочно-гребенчатой неолитической керамики каргопольского типа (рис. 3). Со слов И. Ф. Никитинского, неолитическая керамика собрана им на протяжении 70 м вдоль берега. Ещё один предмет с территории города Белоозеро передан частным сдатчиком. Это костяная накладка с орнаментом в виде листьев и яблок (рис. 4).

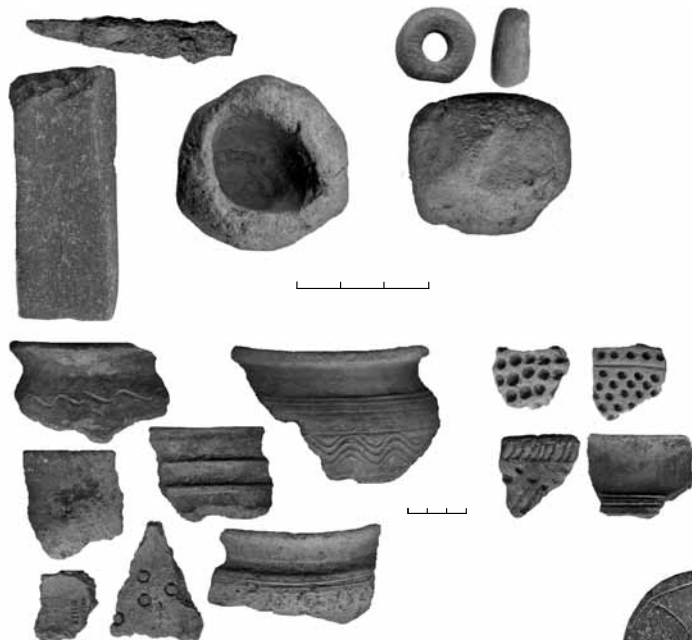

Рис. 3. Белоозеро. Подъёмный материал: орудия, керамика (ВХ ФЗК 558/1-18)

Рис. 4. Белоозеро. Подъёмный материал. Костяная накладка с орнаментом (ВОКМ 35011)

Таблица 2

**Находки из раскопов Л. А. Голубевой на Белоозере
в собрании Вологодского государственного музея-заповедника**

№ п/п	Название предмета	Материал	ВОКМ 534	ВОКМ 700	ВОКМ 9910	ВОКМ 12223	ВОКМ 12633	ВОКМ 12634	ВОКМ 12789	ВОКМ 13181	ВОКМ 13500	ВОКМ 15575
1	амфора (фрагмент амфоры)	глина				1*				1		
2	астралгал с ямкой	кость							1			
3	береста	береста	1	1	2							
4	бирка	дерево		1	3				2			
5	бляшка	металл				1			2			
6	браслет	стекло	4	26	31	63	14		63	9		
7	браслет	бронза				1			4			
8	брусок с выемкой	дерево				1						
9	брусок; оселок; точильный круг; точило	камень	5	2	5	33	13		8	5		
10	бубенчик	бронза				2	1		1	2		
11	булавка	железо				1						
12	бусина, бисер, пронизка	стекло	19	9	4	163	144		131	25		3
13	веретено	дерево							1			
14	весло	дерево	1						3			
15	весы (чаша; коромысло)	бронза				2						
16	вешало	дерево	1									
17	вилка	свинец, олово	1			2						
18	височное кольцо с украшением на конце	бронза									1	

19	войлок	органика					3					
20	вставка для перстня	стекло					1					1
21	вток	железо					1					
22	гарпун	железо					2		2			
23	гвоздь / гвоздь от подковы	железо	9	14	18	25	1		1	50/1		
24	гвоздь-кольшечек из сучка	дерево		2	1	1						
25	гребень, часть гребня	рог, кость, медь	1	3	6	30	2		2	17	9	
26	грузик дисковидный с отверстием в центре	камень						1				
27	грузик ткацкого станка	глина							2			
28	грузило	глина	2	9	4	24	3		3	29	2	
29	грузило	береста, камень	2				1					
30	грузило	береста, камень, дерево	5	3	3	3				9		
31	грузило	камень	1	1	1	14				10		
32	грузило (пряслице?) дисковидное	глина								23		
33	дерево с бронзой	дерево, бронза					1*					
34	доска	дерево	1				1					
35	дощечка	дерево	1				1					
36	замок, детали замка	железо		1	1	12				11	6	
37	земля с зёрнами	органика					1*					
38	зубило	железо								1	3	
39	игла	кость / металл		1/	1/	/2			/1		/1	
40	игрушка	глина							1			
41	изделие	береста	1							1		

№ п/п	Название предмета	Материал	ВОКМ 534	ВОКМ 700	ВОКМ 9910	ВОКМ 12223	ВОКМ 12633	ВОКМ 12634	ВОКМ 12789	ВОКМ 13181	ВОКМ 13500	ВОКМ 15575
42	изделие	кожа	2	2		8			1			
43	изделие	янтарь				4	1		1			
44	изделие	медь		2		1	8		2	1		
45	изделие	глина		1					2			
46	изделие (поделка)	дерево	10	2	2	11			11			
47	изделие (предмет, инструмент)	металл	13	23	4	44	8		11	7		
48	изделие (предмет, поделка)	кость, рог		3	4	9	4		9	3		
49	иконка	камень				1						
50	иконка-складень	медь					1					
51	камень для прачи	камень		1		1				1		
52	керамика	глина	86	50	224	5		982	7			2
53	кинжал	железо				1						
54	клеши	железо							12			
55	кльк	кость	1		1	1			1			
56	ключ (кольцо от ключа)	металл		3	3	21	5		2	4		
57	кожаные ножны	кожа							1			
58	кол, колышек	дерево	2		1							
59	колечко	медь		1								
60	колокольчик (ботало)	бронза							1			
61	колотушка	дерево							2*			
62	колышек	дерево	1		1	1						
63	кольцо	глина				1						
64	кольцо замкнутое	железо			1							

65	кольцо, колечко	железо	1	2	1	14	4	4	5	1	
66	кольцо, колечко	бронза, медь, металл	1	1		4	4	4	12	3	
67	копьё	1*				2			1		
68	коробочка с крышкой на петлях, обтянутая кожей	дерево							1		
69	коса	железо				2	2	2	2		
70	костыль от цепи	бронза					1	1			
71	костыль	железо	4	4			1	1			
72	кость кальцинированная	кость			1						
73	кость обработанная	кость	1	1							
74	кочедык	кость				4	1	1	1	1	
75	кресало (овальное, калачевидное, оковка)	железо			1	5	2	2	2		
76	крестик	глина			1				1	1	
77	крестик	камень							2		
78	крестик	металл	1			1				2	
79	крестик	янтарь				6	1	1			
80	крица	крица				1*			1		
81	круг	камень		1							
82	кружок из бересты	береста	3						1		
83	кружок, круг, кольцо	рог, кость	1		1	1			2		
84	кружочек плоский	кость		1							
85	крышка	металл					1				
86	крюк, крючок	железо		2	1	7			1	3	
87	крючок	кость				1					
88	крючок рыболовный	железо				5	2		1		

№ п/п	Название предмета	Материал	ВОКМ 534	ВОКМ 700	ВОКМ 9910	ВОКМ 12223	ВОКМ 12633	ВОКМ 12634	ВОКМ 12789	ВОКМ 13181	ВОКМ 13500	ВОКМ 15575
89	лампады(?) донце	бронза									1	
90	литейная форма	камень				1	1		1			
91	ложка	рог, кость	2			4	1					
92	ложка	металл				1						
93	лопаточка	кость				1						
94	лунница	белый металл					1			1		
95	лячка	глина					1					
96	минеральная краска	минерал				3						
97	монета	металл				2					2	
98	мрамор	минерал							1	1		
99	мутовка	дерево		1					1			
100	муфта торцевая	кость							12			
101	навершие	рог		1		2			2	1		
102	навершие в виде фигурки птички	бронза				1						
103	накладка	металл				1	1					
104	накладка (круглая, в виде пластины с орнаментом, с отверстиями, фигурная)	рог, кость	1			9	1		1			
105	наконечник ремня	бронза				1			1			
106	наконечник стрелы	железо	2			21	6		3	6	1	
107	наконечник стрелы	кость					2		1			
108	напёрсток	металл				2						
109	напильник	железо				2						

110	нож (складной нож, косярь, тесак или обломок косы, заготовка, деревянный нож)	металл, дерево	3	17	9	94	9	31	16	10
111	нож с роговой рукоятю	металл	1	2		1			1	
112	ножницы	железо				1		1		
113	обмазка печная	глина			1					
114	обод	дерево		2		1				
115	обойма со знаками	рог					1			
116	обоймица	кость		1		2	1	2	2	
117	образок пластинчатый	бронза								1*
118	обрезок кожи	кожа	3	30					1	
119	обруч	дерево				2				
120	обруч (дужка?) ведра	железо			1					
121	ожерелье из 5 синих бусин	стекло					1			
122	орех лесной	органика	1			3				
123	рудие каменное	камень			1	4	2	2		
124	острие	железо		3						
125	острие	рог, кость					1	2		
126	палочка, пластина	дерево	2	13		2				
127	перстень	янтарь				1				
128	перстень	бронза		1		3				
129	перстень (пластинчатый и др.)	металл цветной		1		7	2	5	1	1
130	перстень, кольцо	янтарь				8				
131	перстень, кольцо	стекло	3	1		15	5	5	1	
132	петля	металл			2				1	
133	печать с изображением двузубца	рог								

№ п/п	Название предмета	Материал	ВОКМ 534	ВОКМ 700	ВОКМ 9910	ВОКМ 12223	ВОКМ 12633	ВОКМ 12634	ВОКМ 12789	ВОКМ 13181	ВОКМ 13500	ВОКМ 15575
134	пешня	железо					1					
135	писало	железо							1			
136	пластина; полоса	металл	3	16	2	35	4	3	3	12	1	
137	дломба (монетовидная бляшка)	металл					1					
138	подвеска	стекло					1*					
139	подвеска	кость				1			2	1		
140	подвеска	бронза				2	1	1	1	1	2	
141	подвеска сверлёная	камень			1				1			
142	поделка	камень				1				1		
143	поделка	камень		1		1						
144	подкова	железо								1		
145	подсвечник (1959 г. - изделие колпачок с полями)	*	1			1						
146	позвонок рыбы	кость								1*		
147	половинка хомута	дерево							1			
148	полукольцо круглого сечения (дрот?)	свинец, олово					1					
149	полый цилиндр	бронза		1								
150	поплавок	кора	1	1		3				1		
151	поплавок	береста	5			6			25			
152	поплавок	дерево	5			4						
153	посох	дерево				1						
154	посох (?) с резной рукоятью	дерево									2	
155	предмет	стекло					2					

156	предмет («гирья-пуговица»)	глина										1		
157	предмет (пест)	дерево	1											
158	привеска монетовидная	металл										1		
159	пробка	медь					1*							
160	пробка (затычка)	дерево	3									1		
161	пробой (с кольцом, петля)	железо	1	3	8							8	2	
162	пробой сундучный (?)	железо						1						
163	проволока	медь						1				11	1	
164	проколка	кость			2								3	
165	проколка	бронза			1									
166	пронизка	бронза			1			1						
167	пряжка (прямоугольная, круглая, язычок от пряжки)	металл			8							3		
168	пряслице	шифер / глина	5/	16/	9/	268/	47/					56/9	21	3
169	псалии	железо				1								
170	пуговица	металл					1							
171	пуговица	кость	1		4									
172	резец	железо	1											
173	рог	рог	1	1	3								1	
174	рукоять	железо				1								
175	рукоять ножа	кость	3	2	1	8	2					2		
176	ручка	железо				1								
177	ручка	дерево	2		2									
178	санный полоз	дерево										12		
179	сверло	железо				1	2							
180	светец	железо			1	3	2					2	1	

№ п/п	Название предмета	Материал	ВОКМ 534	ВОКМ 700	ВОКМ 9910	ВОКМ 12223	ВОКМ 12633	ВОКМ 12634	ВОКМ 12789	ВОКМ 13181	ВОКМ 13500	ВОКМ 15575
181	свистулька-птичка	глина	1			1						
182	серп	железо		1					1			
183	серьга	бронза			1							
184	скоба	железо	2	3	12					3		
185	скоба лодочная	железо		1		4				13		
186	скобель	железо			1							
187	сковорода	железо				1*			1*			
188	скульптура		1*						1			
189	солло горна	глина		1								
190	сосуд	стекло		1	2	4			1			
191	сосуд (плошка, блюде, чаша)	дерево			2				3			
192	сосуд (чашечка, блюдо, котёл)	металл			5				3	1		
193	сошник	железо			1							
194	стамеска	железо			3				1			
195	стекло	стекло	2		3				1			
196	стерженёк с головкой (тыльник ножа?)	кость							2			
197	стержень (фигурный, с кольцом, со стеклянным глазком*, кручёный, четырёхгранный)	металл	3	11	6	40	4		6	13		1
198	тигель	глина			1	1	1					
199	ткань, верёвка	волокно	1*	2*					1*			
200	топор	железо			5				1			
201	трубка	медь			1							

202	трубка курительная	глина				4								
203	туес, часть туеса	береста	4	16		3				2				
204	удила (кольцо)	железо			1	1								
205	фибула	бронза					1							
206	фрагменты обуви	кожа	9	21		4								
207	цепь	металл				3								
208	цилиндр	кость				1				1				
209	часть котла, ведра / (дужка, ушко)	железо	1	1/1	1	3/4				3/2	1/2			
210	черенок	железо				1								
211	череп животного	кость	1											
212	шайба от колеса	железо					1							
213	шарик	глина / известняк			2	2/1				1/	1/			
214	шашка	кость								1				
215	шило	железо				1				1	2			
216	шип	железо	1			5								
217	шишка еловая	дерево	1			2								
218	шлак	шлак	1	6		2					2			1
219	шлак / выплеск стекла ный	стекловид ный	2	4	2	2/1								
220	шпилька	железо				1								
221	шпора, шип от шпоры	железо	1			1				1	1			
222	штамп	бронза								1				
223	щеп с зёрнами конопля	органика					1*							
224	энколпион	бронза	1										1	
225	яичко-писанка	глина					1*	1*			2			
226	янтарь	янтарь	2											

Изучение древнерусских городов – одно из важнейших направлений славяно-русской археологии. С появлением новых форм, способов изучения, новых технических возможностей расширяются знания о процессах возникновения и развития древнерусских городов. В последние десятилетия активно продолжается изучение не только самого Белоозера, но и Белозерской округи. Современный этап исследований города Белоозера отражает фундаментальная монография С. Д. Захарова (Захаров, 2004), вводящая в научный оборот результаты работы Белозерского отряда Онежско-Сухонской археологической экспедиции, работавшей на территории памятника, начиная с 1990 г. С использованием новых методов и типологических построений, с опорой на результаты работ последних десятилетий автором уточнено функциональное назначение ряда категорий вещей и их датировка. В связи с затоплением значительной части города Белоозера, ведущиеся на современном этапе полевые исследования отличаются от предшествовавших им традиционных раскопок как по задачам, так и по методике.

Для Вологодского государственного музея-заповедника ценность результатов исследований Белоозера обусловлена следующими факторами: с позиции экспозиционно-выставочной работы – имеется оценка историко-культурной ситуации в регионе и научно достоверная и теоретически обоснованная характеристика Белоозера как одного из крупнейших древнерусских населённых пунктов Севера, через призму истории которого возможно осветить широкий круг вопросов, связанных с процессами развития городов Древней Руси в период Средневековья; с позиции фондовой работы – предметы коллекции являются эталонными для определения новых поступлений в фонды музея.

Несомненна и научная значимость коллекции Белоозера. Интерес исследователей в дальнейшем могут вызвать как отдельные вещи из коллекции, не вошедшие в публикацию и не представленные в виде прорисовок в полевых отчётах Л. А. Голубевой, так и не во всех аспектах изученные категории предметов: керамика, предметы языческого и христианского культа, украшения, орудия ремесла и промыслов, импортные и остающиеся до сих пор не атрибутированными вещи и пр.

Источники и литература

- Голубева Л. А., 1973. Весь и славяне на Белом озере, XI–XIII вв. М.
Захаров С. Д., 2004. Древнее Белоозеро. М.

Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX – первая половина XI в.)

Смоленское Поднепровье и Подвинье – это особый историко-культурный регион, занимающий северо-запад современной Смоленской области. В XI–XIV вв. здесь находилось территориальное и политико-административное ядро Смоленского княжества, а в предшествующий период (конец IX – начало XI в.) регион являлся одним из главных очагов формирования Древнерусского государства. В конце I тыс. по этой территории проходил стратегически важный и очень трудный в эксплуатации участок пути «из варяг в греки», названный в Повести временных лет (далее – ПВЛ) «волоком», здесь же расположен знаменитый Гнёздовский археологический комплекс X – начала XI в., представляющий собой остатки первоначального Смоленска. Тем не менее, письменные источники крайне скупо освещают историю Смоленска и его округи в эпоху образования Древнерусского государства. Поэтому археологические и нумизматические данные становятся основными источниками для решения проблем раннего политогенеза в Смоленском Поднепровье и Подвинье и политической истории этого региона в конце I и на рубеже I–II тыс.

Смоленское Поднепровье и Подвинье в IX в.

Вначале охарактеризуем в общих чертах этнокультурную и социально-экономическую ситуацию в изучаемом регионе накануне древнерусской эпохи. В IX в. эта территория выглядит однородной в этнокультурном отношении, представляя собой восточную часть основного ареала культуры смоленских длинных курганов VIII–X вв. (далее – КСДК). Исследователи отождествляют носителей этой археологической культуры с кривичами средневековых письменных источников, поскольку ареал КСДК хорошо вписывается в рамки той территории, на которой жили кривичи по данным ПВЛ и сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей» (Шмидт, 1968, с. 224; Енуков, 1990, с. 3–4, 151). По нашему мнению, носители КСДК (кривичи) – это группировка восточных славян, расселившаяся на территории северо-восточной Белоруссии и северо-западной Смоленщины не позднее 1-й половины VIII в. В IX в. в Смоленском Поднепровье и Подвинье существовала

устойчивая система расселения, основанная на ранних формах пашенного земледелия (Нефёдов, 1996). Её элементарной ячейкой является комплекс типа «селище – курганный могильник».

В Смоленском Поднепровье и Подвинье пока не удаётся уверенно выделить какой-либо «племенной центр» или «центры» носителей КСДК, особенно если понимать под таковыми археологические комплексы, включающие укрепленные поселения. Выразительных материалов КСДК на многочисленных городищах Смоленщины не обнаружено, хотя есть данные об эпизодическом использовании этим населением некоторых «городков» более ранних эпох, вероятно, в качестве убежищ. В частности, нет никаких оснований утверждать, что Смоленск возник как «племенной центр» кривичей (понимая под ними носителей КСДК), поскольку ни в Гнёздове, ни тем более в историческом центре современного города нет культурного слоя или отдельных комплексов, относящихся к этой культуре. Гнёздовский археологический комплекс всецело связан с ранним этапом древнерусской культуры и не имеет прямого отношения к КСДК. К сказанному следует добавить, что материалы погребений КСДК не позволяют охарактеризовать кривичское общество как стратифицированное. Тем не менее, некоторая имущественная дифференциация внутри общин, по-видимому, имела место: на общем фоне выделяется ряд сравнительно «богатых» погребений с редкими привозными украшениями и даже изделиями из серебра – например, погребение в кургане 2 могильника Цурковка (Шмидт, 1958; Нефёдов, 2000, с. 192–195).

В VIII–IX вв. Смоленское Поднепровье и Подвинье отнюдь не было изолированным регионом. Выделяется два основных направления внешнеэкономических связей местного населения. Одним из них, вероятно, являлось «широтное», которое связывало Смоленщину через Среднее Подвинье (где жило то же самое население) с Юго-Восточной Прибалтикой, прежде всего с Латгалией. По этому, условно говоря, двинскому пути к смоленским кривичам, как можно предполагать, привозили различные украшения из медных сплавов, особенно массивные литые гривны, браслеты и пр. Не исключено, что эта торговля распространялась и дальше на восток, в бассейн Оки. Другим важным направлением внешней торговли было «юго-восточное», которое связывало Смоленское Поднепровье с северными районами Хазарского каганата (Нефёдов, 2002). Оттуда на территорию Смоленщины (возможно, при посредничестве родственного носителям КСДК роменского населения) поступали различные украшения, детали костюма и конской сбруи из медных сплавов, а также стеклянные бусы и, возможно, в небольшом количестве серебро. Можно утверждать, что территория северо-западной Смоленщины яв-

лялась периферией зоны экономических интересов Хазарского каганата.

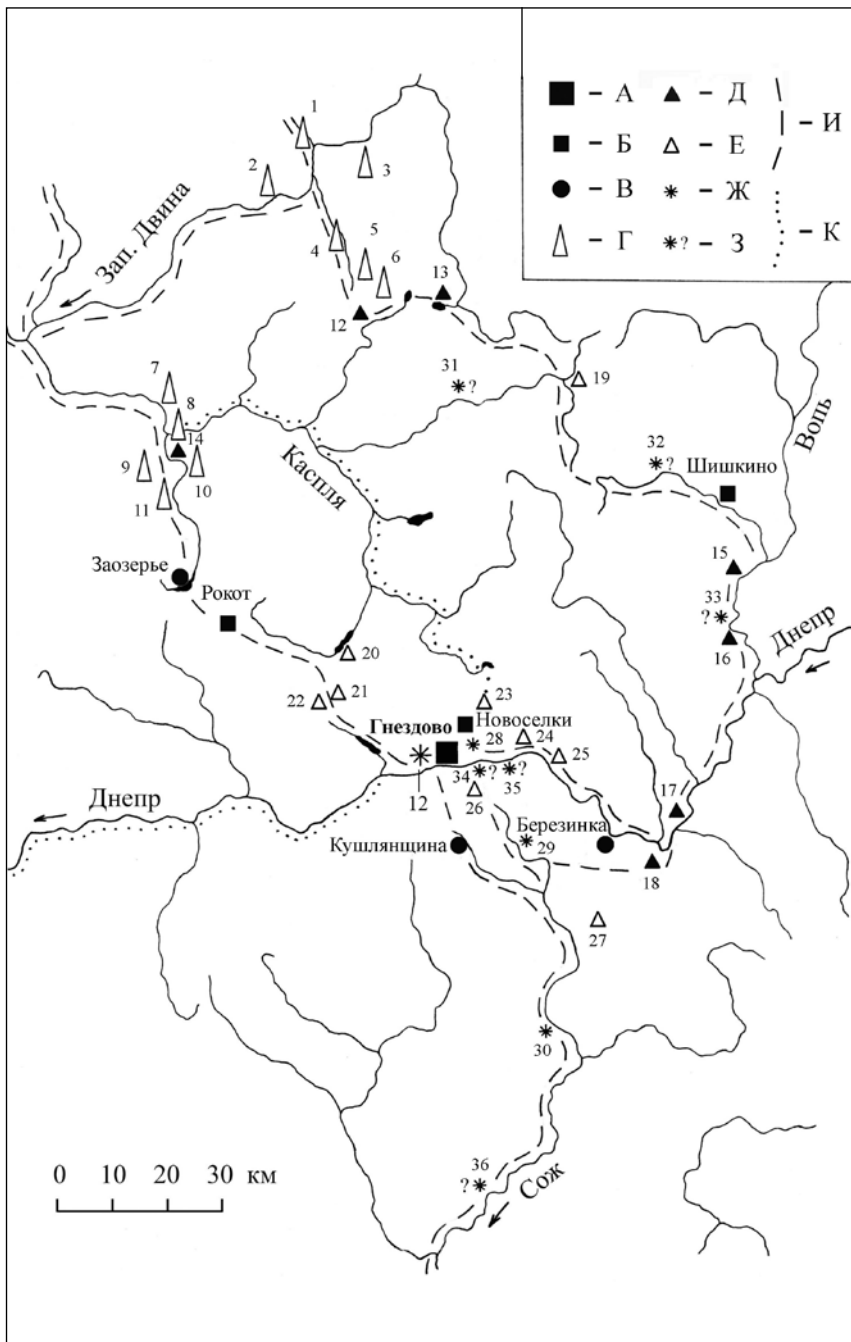
Материалы раскопок смоленских длинных курганов показывают, что привозные изделия распространены в изучаемом регионе повсеместно и довольно равномерно. Это свидетельствует о существовании уже во 2-й половине VIII – 1-й половине IX в. развитой сети внутренних путей сообщения и о тесных связях между поселениями смоленских кривичей.

Имеются единичные, но достаточно надёжные данные, позволяющие утверждать, что скандинавы проникли в Днепро-Двинское междуречье (но не на левобережье Днепра) и начали там селиться уже в IX в. Известно по крайней мере одно достоверное скандинавское погребение IX в., раскопанное в курганном могильнике Шишкино (Городок) на р. Царевич в бассейне Днепра. Найденные в нём равноплечая фибула, бронзовые пуговицы салтовского круга и набор стеклянных бус подтверждают именно такую датировку комплекса (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 502, 505). Ещё одним важным источником является широко известный клад у д. Кислая, найденный на селище, культурный слой которого сохранил в том числе керамику КСДК. В состав клада с младшей монетой 837/838 г. входил так называемый полубрактеат Хедэбю (Шмидт, 1969; Нахапетян, Фомин, 1994, с. 146, 184), что указывает как минимум на участие скандинавов в формировании этих сокровищ, которые, очевидно, поступили в бассейн р. Каспля откуда-то с севера. На сегодняшний день это единственный клад IX в., известный в изучаемом регионе. Можно предположить, что первые группы скандинавов, проникавшие в Днепро-Двинское междуречье и пытавшиеся (иногда успешно) закрепиться там надолго, привлекала не столько перспектива дальнейших вояжей на юг Восточной Европы и в Византию, сколько возможность включиться в торговлю местного славянского населения с Хазарским каганатом.

Первый этап политогенеза: конец IX – середина X в.

В конце IX – начале X в. в Смоленском Поднепровье и Подвинье начала формироваться археологически фиксируемая инфраструктура транзитных военно-торговых коммуникаций, которые входили в систему «волокового» участка пути «из варяг в греки». Несомненно, эта сеть коммуникаций складывалась на основе внутренних путей сообщения, существовавших в VIII–IX вв.

При реконструкции конкретных маршрутов водно-волоковых путей необходимо учитывать несколько признаков (Лесман, 2003, с. 55–57). Во-первых, маршруты должны быть органично

вписаны в синхронную систему расселения, т.е. на них должны находиться археологические памятники конца I тыс., расположенные не реже чем в 20–30 км друг от друга (расстояние, не превышающее дневного перехода). Не менее важно, когда населённые пункты маркируют наиболее трудные участки путей: концы сухопутных «волоков», порожистые участки рек и т.д. Во-вторых, археологические материалы поселений и могильников, расположенных на путях, должны содержать свидетельства участия жившего там населения в международной торговле и/или присутствие в его составе инокультурных компонентов. В-третьих, маршруты путей должны маркироваться не только археологическими, но и нумизматическими источниками – кладами и отдельными находками монет.

Учёт указанных признаков в их совокупности позволяет выделить три основных маршрута военно-торговых путей конца IX – начала XI в. в Смоленском Поднепровье и Подвинье: два в Днепро-Двинском междуречье и один на левобережье Днепра. Ниже приводим их краткое описание с севера на юг.

1. Р. Усвяча – р. Западная Двина – р. Каспля – р. Рутавечь – волок – р. Клёц – р. Удра – р. Лелеква – волок – оз. Купринское – р. Катынка – вверх по Днепру до Гнёздова. На этом пути находятся, в частности, крупные скопления памятников конца I тыс. н.э. в районе впадения Рутавечи в Касплю и по берегам оз. Купринско-

Рис. 1. Смоленское Поднепровье и Подвинье в конце IX – середине X в.:

А – раннегородской центр;

Б – древнерусские локальные центры 2-го ранга;

В – гипотетические локальные центры 3-го ранга;

Г – сопковидные курганы: 1 – Горяне, 2 – Смоленский Брод, 3 – Мальёв Оступ, 4 – Балбаи, 5 – Чёрная Грязь, 6 – Бакланово, 7 – Шарки, 8 – Силуяново, 9 – Боярщина, 10 – Бор, 11 – Заики;

Д – селища / могильники КСДК: 12 – Шугайлово, 13 – Слобода (Пржевальское), 14 – Ковали, 15 – Михайково, 16 – Сельцо (Ярцево), 17 – Лопино (Шутовка), 18 – Арефино;

Е – древнерусские селища / могильники: 19 – Русаново (Буризы), 20 – Пичички, 21 – Волоковая, 22 – Гончаренки, 23 – Дивасы, 24 – Вязовенька, 25 – Колодня, 26 – Боровая, 27 – Ямполье;

Ж – клады с датированными монетами: 28 – Дубровенка (954–961 гг.), 29 – Сож (952–955 гг.), 30 – Борисково (940/941 г.);

З – клады восточных монет не датированные: 31 – Городище (Вержавск), 32 – Жигулино, 33 – Ярцево, 34 – Верхне-Ясенная, 35 – Смоленск, 36 – Стайки;

И – главные маршруты военно-торговых путей;

К – второстепенные маршруты военно-торговых путей

го – р. Катынка, древнерусские курганы с трупосожжениями на р. Лелеква (Волоковая, Гончаренки), а также известные археологические комплексы Заозерье и Рокот, расположенные на концах волога из оз. Большая Рутавечь к верховьям р. Клёц.

2. Р. Западная Двина – р. Сертейка – «цепочка» озёр и мелких речек в верховьях рек Половья, Ельша и Гобза – волок – р. Царевич – р. Вопь – вниз по Днепру до Гнёздова. Этот путь изобилует памятниками конца IX – начала XI в. Отметим скопления памятников в Смоленском Поозерье и верховьях Гобзы (в т.ч. Шугайлово, Слобода (Пржевальское), Рибшево, Русаново (Буризы)), археологический комплекс Шишкино (Городок) на р. Царевич, несколько крупных могильников этого времени по нижнему течению р. Вопь (Михейково, Сельцо, Мизиново) и на Днепре между устьем Вопи и Гнёздовым (Лопино (Шутовка), Маркатушино, Колодня и др.). С этим же маршрутом связаны находки кладов восточных монет: Жигулино, Ярцево, Смоленск, Верхне-Ясенная (не датированы).

3. Р. Днепр – р. Сож с несколькими вариантами перехода из одной реки в другую. Два из них начинались на Днепре в районе Гнёздова: а) Днепр – р. Лубня (впадает в Днепр напротив Ольшанского комплекса в Гнёздове) – волок – р. Мошна – р. Сож; б) Днепр – р. Боровая или р. Ясенная – волок – р. Сож. Эти маршруты маркируются, в частности, такими памятниками в верховьях Сожа и при переходе из Сожа в Днепр, как Боровая, Кушлянщина, Сумароково, Горяны, Кошино, Княжое, Светлое и др., а также кладами восточных монет: Сож (952–955 гг.), Борисково (940/941 г.), Барсуки (990-е гг.), Стайки (не датирован). Очевидно, существовал ещё один переход из Днепра в Сож, начинавшийся значительно выше Гнёздова: в) Днепр – р. Ливна или р. Арефинка – волок, примерно совпадавший с трассой Ельнинского тракта XVIII–XIX вв. – р. Сож в районе Сумарокова. На этом маршруте известно несколько памятников конца I тыс., среди которых Плескачи (Станьково), Арефино, Акулы (Путятинки), Яново, Березинка. Возможно, эта дорога шла от верховьев р. Ливны не только на запад, к Сожу, но и на восток, к истокам рек Десна и Угра.

Кроме перечисленных маршрутов, по территории Смоленского Подвинья уже в X в. проходил Двинский путь, шедший в широтном направлении собственно по р. Западная Двина. Его существование выше г. Витебска недавно достаточно надёжно обосновал И.И. Еремеев (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 348–352), хотя достоверные памятники конца I тыс. на этом участке реки единичны. Что же касается традиционно фигурирующих в литературе путей по Каспле (от оз. Каспьянское вниз по течению реки) и по Днепру ниже впадения в него р. Катынки, то их ста-

бильное функционирование в конце I тыс. вызывает серьёзные сомнения по причине практически полного отсутствия на них памятников этого времени. Незаселённость верхнего и среднего течения Каспли, а также бассейна р. Березины и примыкающего поречья Днепра в Смоленской обл. в VIII–X вв. объясняется наличием там обширных водно-ледниковых равнин с неплодородными почвами, неблагоприятными для ранних форм пашенного земледелия. Ситуация осложнялась тем, что, например, среднее течение Каспли изобиловало различными препятствиями для судоходства – порогами, каменными грядами и т.д., большинство из которых было ликвидировано только в 1825 г. при расчистке русла реки (Военно-статистическое обозрение... , 1852, с. 28). Вместе с тем, несмотря на отсутствие археологически фиксируемой инфраструктуры обоих упомянутых маршрутов, они всё же могли эпизодически использоваться в качестве второстепенных транзитных коммуникаций. В частности, о наличии дороги, проходившей к Гнёздову с северо-востока, свидетельствует скопление памятников конца I тыс. в верховьях р. Дубровенки, включая археологический комплекс Новосёлки и клад у д. Дубровенки (954–961 гг.). Вероятно, они могут маркировать путь: р. Каспля – р. Жереспя – р. Луценка – волок – р. Дубровенка – р. Днепр; вариант: р. Дубровенка – волок – Гнёздово. Именно на этом гипотетическом маршруте (на р. Жереспя) был найден упоминавшийся клад IX в. у д. Кислая.

Судя по имеющимся данным, в процессе формирования инфраструктуры транзитных коммуникаций, начиная с конца IX – начала X в. в Смоленском Поднепровье и Подвинье постепенно сложилась особая раннегосударственная структура, которая имеет определённые археологические признаки. Кратко охарактеризуем основные из них.

1. Система расселения в изучаемом регионе уже в 1-й половине X в. приобрела иерархическую структуру, содержащую как минимум три или четыре уровня. Верхний уровень иерархии занимает древнерусское раннегородское поселение в восточной части Гнёздовского археологического комплекса – так называемый Центральный комплекс памятников, представляющий собой остатки первоначального Смоленска. Именно с Центральным Гнёздовским городищем уместно связывать упоминание «крепости Милинска» в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» (Константин Багрянородный, 1991, с. 45). На протяжении X – начала XI в. это было единственное поселение городского типа в Смоленском Поднепровье и Подвинье. В системе основных путей сообщения и их инфраструктуры особая роль Гнёздовского комплекса заключалась в первую очередь в том, что он являлся

главным узлом этих путей. Этим обстоятельством определялись не только важнейшее значение Гнёздова как главного регионального центра древнерусского населения, но и особенности его собственной структуры и топографии. Действительно, весь комплекс вытянут примерно на 6 км вдоль Днепра как главной коммуникационной артерии и одновременно вдоль сухопутной дороги, шедшей по его правому берегу. Входящее в состав комплекса Ольшанское поселение, по-видимому, контролировало переправу через Днепр к устью р. Лубня, по которой можно было легко попасть в бассейн р. Сож.

Следующий (второй) уровень представлен ранними древнерусскими торгово-ремесленными и военно-административными центрами меньшего масштаба, известными пока только в Днепро-Двинском междуречье. Это археологические комплексы Новосёлки, Рокот и Шишкино, каждый из которых состоит из городища, селища (в Рокоте это укрепленный «окольный город») и курганного могильника (Шмидт, 2005; Нефёдов, 2001; 2004; 2012; Нефёдов, Мурашева, 2008, с. 98–101). Во всех трёх случаях городища возникли в более ранние эпохи, причём в Новосёлках и Шишкине, в отличие от Рокота, они использовались в конце I тыс. только как убежища и наблюдательные пункты, а население жило у их подножий в неукрепленных поселениях. Площадь селища в Новосёлках составляет около 0,5–0,6 га (возможна корректировка в сторону увеличения), городища Рокот и селища Шишкино – около 1,5 га. Материалы исследований этих археологических комплексов дают возможность охарактеризовать их население как полиэтничное, включавшее носителей КСДК и ярко выраженную военизированную скандинавскую элиту, а их культуру как очень близкую культуре раннего Гнёздова. Отсутствие на этих памятниках круговой керамики (при наличии в Новосёлках и Рокоте лепных подражаний ей) как будто не позволяет датировать прекращение их существования временем позднее середины – третьей четверти X в.

Возможно, удастся выделить третий уровень иерархии, который могут составлять такие комплексы памятников, как Заозерье, Кушлянщина и Березинка (Шмидт, 2008; Ширинский, 2001, с. 114–133; Ляўданскі, 1930, с. 281). Эти памятники, в отличие от упомянутых выше, возникли (в рамках последней четверти I тыс.) в VIII–IX вв. как поселения КСДК и продолжали существовать в этом качестве в X в. (про Заозерье и Кушлянщину это можно утверждать определённо). Но, вероятно, уже в 1-й половине X в. на них появляется древнерусское население, включая скандинавов, что получило отражение в материалах соответствующих некрополей. Можно предположить, что какое-то время в X в. кривичи и древне-

русское население проживали там совместно. По-видимому, к этим археологическим комплексам могут быть отнесены не только селища и курганные могильники, но и городища-убежища 2-й половины I тыс. со слабо выраженным культурным слоем, расположенные неподалёку от неукреплённых поселений, но не вплотную к ним (Археологическая карта... , ч. 1, с. 73–74, 113; ч. 2, с. 217). К сожалению, эти комплексы, за исключением входящих в них могильников, пока плохо изучены. Не исключено, что первоначально именно они являлись своего рода локальными центрами в системе расселения КСДК.

На нижнем уровне иерархии находятся рядовые сельские памятники, масштабы которых, впрочем, неодинаковы. Их можно разделить на три культурные группы, свидетельствующие о неоднородности славянского населения изучаемого региона в конце IX–X в. Во-первых, это селища КСДК и относящиеся к ним могильники, доживающие до X в. В их числе – Шугайлово, Михайково, Сельцо, Арефино, возможно, также Ковали, Слобода (Пржевальское). Ко второй группе, видимо, относятся наиболее ранние древнерусские сельские поселения, сопровождаемые так называемыми полусферическими курганами с трупосожжением. Появление «сельских» древнерусских курганов в Смоленском Поднепровье принято датировать концом IX – началом X в. (Белоцерковская, 1975, с. 62; Енуков, 1990, с. 115), а к наиболее ранним обычно относят те, в которых найдена только лепная керамика – Вязовенька, Пилички, Колодня, Русаново, Боровая и др. Следует отметить, что лепная керамика в древнерусских курганах Смоленщины не может являться основанием для датировок в пределах десятилетий, однако наличие в этом регионе древнерусского сельского населения в первой половине – середине X в. следует считать весьма вероятным. Наконец, третья группа памятников представлена высокими насыпями, близкими по размерам и топографии новгородским сопкам. Они концентрируются в двух микрорегионах Смоленского Подвинья: в районе впадения р. Рутавечь в р. Каспля (Шарки, Силуяново, Боярщина и др.) и в междуречье Западной Двины и р. Половья, притока Каспли (Горяне, Смоленский Брод, Малый Оступ, Бакланово и др.) (Нефёдов, 1997, с. 225–231; Еремеев, 1999). К сожалению, раскопки этих курганов почти не производились, поэтому их невозможно датировать точнее, чем IX–X вв. Раскопки остатков сопковидного кургана у д. Горяне позволили И.И. Еремееву датировать его возведение IX – началом X в. (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 346–347).

Важно подчеркнуть, что практически все эти населённые пункты в совокупности составляли инфраструктуру транзитных военно-торговых путей в реконструированном нами виде. Они

синхронны в рамках периода от конца IX – начала X в. до середины – третьей четверти X в., причём входящие в эту группу древнерусские памятники являются наиболее ранними на изучаемой территории, а памятники КСДК – самыми поздними на Смоленщине. Наличие наблюдаемой в данном случае сложной иерархии населённых пунктов является одним из важнейших признаков посттарно-политической структуры типа сложного вожества или раннего государства (Крадин, 1995, с. 40–41, 45).

2. Показательно распределение серебряной монеты и изделий из драгоценных металлов между поселениями, занимающими разные уровни иерархии. Всего в Смоленском Поднепровье и Подвинье известно 15 кладов 1-й половины – середины X в. и 6 недатированных кладов восточных монет, как минимум часть которых, скорее всего, относится к тому же периоду. Из 21 клада 12 найдено в Гнёздове, ещё 3 (Верхне-Ясенная, Дубровенка, Смоленск) – в его ближайших окрестностях. Ещё более контрастна ситуация с находками отдельных арабских и византийских монет в погребениях и культурном слое поселений: кроме Гнёздова (по последним данным, там найдено около 380 экз. – см.: Пушкина, Стукалова, 2011, с. 96) они в настоящее время известны только на археологических комплексах второго иерархического уровня (Рокот – около 10, Новосёлки – 2, Шишкино – 1). Разумеется, эти статистические данные не следует принимать буквально, поскольку масштабы раскопок в Гнёздове и на синхронных памятниках региона несопоставимы. Однако обращает на себя внимание тот факт, что раскопки «сельских» могильников конца I тыс., относящихся как к КСДК, так и к древнерусской культуре, пока совсем не дали нумизматических находок.

Серебряные украшения в Гнёздове весьма многочисленны (только в составе кладов их около 200), есть также несколько золотых изделий, в то время как на других памятниках Смоленщины конца I тыс. они представлены единичными находками. В частности, среди инвентаря смоленских длинных курганов конца IX–X в. известно всего 5 серебряных украшений, в основном сделанных из низкопробного серебра, причём в древностях этой культуры их число не увеличилось по сравнению с VIII–IX вв.

Эти данные напрямую доказывают колоссальную степень концентрации материальных ценностей на поселениях высоких рангов, прежде всего в Гнёздове.

3. Рассмотрим некоторые аспекты взаимоотношений раннегородского и сельского населения изучаемого региона в первой половине – середине X в., насколько они могут быть реконструированы по археологическим данным. Несомненно, сельские поселения, занимавшие нижний, базовый уровень иерархии, уже в

силу своей относительной многочисленности играли важнейшую роль в обслуживании транзитных путей сообщения, от стабильного функционирования которых зависело благополучие раннегородского центра в Гнёздове как крупнейшего «перевалочного пункта» на пути «из варяг в греки». Кроме того, гнёздовская раннегородская община, насчитывавшая, как можно предполагать, не менее 1000 человек, вряд ли могла прокормить себя самостоятельно – для сельскохозяйственных угодий необходимой площади вокруг Центрального поселения просто нет места (Кириянова, Пушкина, 2008, с. 176). По-видимому, положение осложнялось ещё и тем, что постоянным жителям Гнёздова приходилось накапливать запасы продовольствия, значительно превышавшие их собственные потребности, чтобы прокормить не только себя, но и тех, кто прибывал в город извне. В связи с этим необходимо обратить внимание и на высокую вероятность сезонных колебаний численности населения Гнёздова (Булкин, Лебедев, 1974, с. 12, 15). Следует подчеркнуть, что география и гидрография военно-торговых путей между средней Ловатью и верхним Днепром практически исключала их использование в летнюю межень и сильно затрудняла таковое даже в половодье (особенно учитывая, что из-за климатических причин и сильной облесенности берегов рек половодья в конце I тыс. были значительно ниже современных). Этот участок пути «из варяг в греки» мог активно функционировать только зимой как сухопутный и (с серьёзными трудностями) весной как водно-сухопутный (ср.: Микляев, 1992). Следовательно, население Гнёздова резко возрастало приблизительно в декабре – апреле, т.е. в самое голодное время года, что делало его особенно зависимым от поставок продовольствия со стороны сельского населения региона. Интересен вопрос о том, насколько вся эта деятельность была выгодна самим сельским жителям и, в частности, носителям КСДК.

Как отмечалось выше, несмотря на резкое увеличение количества серебра в Смоленском Поднепровье в первой половине – середине X в., в погребениях КСДК оно не стало встречаться чаще, чем в VIII–IX вв. Тем не менее, изделий древнерусского и скандинавского происхождения в смоленских длинных курганах найдено довольно много, не менее 70, что указывает на активные связи кривичей с древнерусским населением (Нефёдов, 2011, с. 75–76). Подавляющее большинство этих находок составляют, во-первых, ножи группы IV, по классификации Р.С.Минасяна, и наборные односторонние гребни, во-вторых, такие украшения, как литые трёхдырчатые и ромбовидные подвески, а также плетёные цепочки, на которых носили ромбовидные подвески. Вторая группа изделий составляет около $\frac{3}{4}$ всех определяемых украшений сканди-

навского и древнерусского происхождения в смоленских длинных курганах конца IX–X в. На сегодняшний день известно два центра производства трёхдырчатых и ромбовидных подвесок: Гнёздово и Городок на Ловати (Енисова, 2001, с. 212–215). При этом в материалах Гнёздовского некрополя таких украшений нет, что определённо указывает на их производство специально для населения, соорудившего смоленские длинные курганы.

Другим видом товара, которым Гнёздово торговало с носителями КСДК, по всей вероятности, является стеклянный бисер. При раскопках Центрального Гнёздовского поселения найдены тысячи бисерин, особенно много за последние годы, когда культурный слой стали полностью промывать. В то же время в Гнёздовских курганах бисера мало: по данным В. М. Поповой конца 1970-х гг., бисер присутствовал в 7 из 65 погребений с бусами (эти 7 комплексов отнесены к первой половине X в.), составляя в них несколько более 10% от общего количества бус (Попова, 1980, с. 51–52, 57). В смоленских длинных курганах ситуация иная: бисер присутствует почти во всех достоверных погребениях X в. с бусами, составляя в них от 50 до 99 % всех бус. Складывается впечатление, что бисер был нужен жителям Гнёздова в основном для торговли с сельским населением региона. При этом наиболее сложные в изготовлении и дорогие разновидности стеклянных бус (мозаичные, глазчатые, с металлической прокладкой), а также бусы из полудрагоценных камней, широко представленные в Гнёздове и на некоторых ранних древнерусских памятниках более низкого ранга, к носителям КСДК в X в. почти не поступали.

По-видимому, сельское население северо-западной Смоленщины в первой половине – середине X в. получало товары, которые не могло произвести само, в основном через Гнёздово и менее крупные древнерусские центры региона, причём эти торговые операции, возможно, были каким-то образом регламентированы.

Судя по имеющимся данным, в окрестностях Гнёздова, на расстоянии около 40–50 км по прямой (одного-двух дневных переходов) от него, почти полностью отсутствуют могильники КСДК с погребениями X в., что свидетельствует если не об исчезновении, то о резком сокращении числа населённых пунктов этой археологической культуры вокруг Гнёздова уже в первой половине столетия (Нефёдов, 2011, с. 77). Этот процесс сопровождался древнерусским расселением в окрестностях раннегородского центра. Интерпретировать приведённые факты можно двояко: с одной стороны, как начальный этап ассимиляции носителей КСДК древнерусским населением, с другой стороны, как следствие конфликтов, вызванных военно-административным давлением на местных жителей. В связи с этим примечательно, что на Центральном

поселении Гнёздова к настоящему времени найдено около 100 женских украшений, характерных для КСДК. Хотя в это число входят несомненно бракованные и недоделанные предметы, производившиеся в самом Гнёздове (преимущественно трёхдырчатые и ромбовидные подвески), а также привезённый из округи ювелирный лом, всё же не вызывает сомнений, что кривичи постоянно посещали Гнёздово и даже жили там. Однако в Гнёздовском некрополе не только не найдено достоверных погребений КСДК, но и практически нет отдельных украшений этой культуры. По нашему мнению, такая парадоксальная ситуация может объясняться тем, что носителей КСДК не хоронили в Гнёздове, поскольку они не обладали там полноправным статусом и не входили в состав раннегородской общины.

Приведённые данные косвенно подтверждают наличие на изучаемой территории в X в. монополии древнерусской, преимущественно скандинавской элиты, концентрировавшейся на верхних уровнях иерархии населённых пунктов, на внешнеторговые операции и позволяют предполагать наличие неэквивалентного обмена между нею и сельскими жителями. Такое положение могло существовать только в условиях использования военно-административного аппарата, направленного в том числе на принуждение зависимых групп населения.

4. Материалы наиболее крупных древнерусских памятников (в отличие от памятников КСДК) демонстрируют хорошо выраженную социальную стратификацию. Особенно ярко она видна по материалам Гнёздовских курганов, что многократно отмечалось в литературе. В частности, в некрополе Гнёздова выделяется небольшая группа исключительно «богатых» и сложных по структуре скандинавских погребальных комплексов середины – третьей четверти X в., известных как «большие курганы». С наибольшими основаниями к этой группе относятся шесть курганов, четыре из которых расположены в Центральном могильнике (курган 20 (В.И. Сизов, 1885 г.), курган 74 (С.И. Сергеев, 1900 г.), курган Ц-2 (Д.А. Авдусин, 1950 г.), нераскопанный курган громадных размеров, ныне наполовину разрушенный), один – в Днепровском могильнике (курган 86 (С.И. Сергеев, 1901 г.)), один – в Ольшанском могильнике (курган 24/Оль-1 (В.И. Сизов, 1896 г./И.С. Абрамов, 1905 г./Д.А. Авдусин, 1950 г.)) (Сизов, 1902, с. 8–11; Ширинский, 1999, с. 105–107; Спицын, 1905, с. 46–48, 50–52; Спицын, 1906, с. 191–192; Авдусин, 1957, с. 158–164, 169–174). Кроме необыкновенно больших размеров (высота от 3 до 8 м, диаметр от 25 до 37 м), они характеризуются определённым набором признаков, главные из которых: трупосожжение мужчины в дорогой парадной одежде вместе с одной или двумя женщинами, в том числе в ладье; помещение особенно престижных

и сакрально значимых предметов, взятых с погребального костра, а также не бывших в огне, на краю кострища или рядом с ним (в одном случае – в яме под кострищем) в определённом порядке; в число этих предметов входят, во-первых, представительный набор оружия и доспехов (меч, щит, копьё, скрамасакс, шлем, кольчуга) или только часть его, во-вторых, ритуальная пиршественная посуда – медный котёл с костями и шкурой барана или козла, иногда также фаянсовое византийское блюдо, жертвенный нож. Со времён В.И.Сизова (1902, с. 11) эти исключительные погребальные комплексы совершенно справедливо сопоставляют с аналогичными «большими курганами» Чернигова – Гульбищем и Чёрной Могилой.

Не вызывает сомнений, что в «больших курганах» Чернигова и Гнёздова похоронены люди, обладавшие огромной сакральной и военно-административной властью. Некоторые исследователи считают их русскими князьями или членами княжеского рода (из последних работ см.: Петрухин, 1998, с. 368; 2000, с. 250–251). Действительно, более престижных курганных погребений на Руси неизвестно. Видимо, к середине X в. в Гнёздове оформилась собственная княжеская власть, субъекты которой, как можно предполагать, входили в группу лиц, упомянутых в ПВЛ под 907 г.: «по тем... городом седяху велиции князи, под Олгом суще» (ПВЛ, 1996, с. 17), хотя в данном случае речь может идти скорее о времени правления Игоря и Ольги, а не Олега. Нельзя исключить, что кто-то из смоленских князей упомянут в преамбуле русско-византийского договора 944 г.

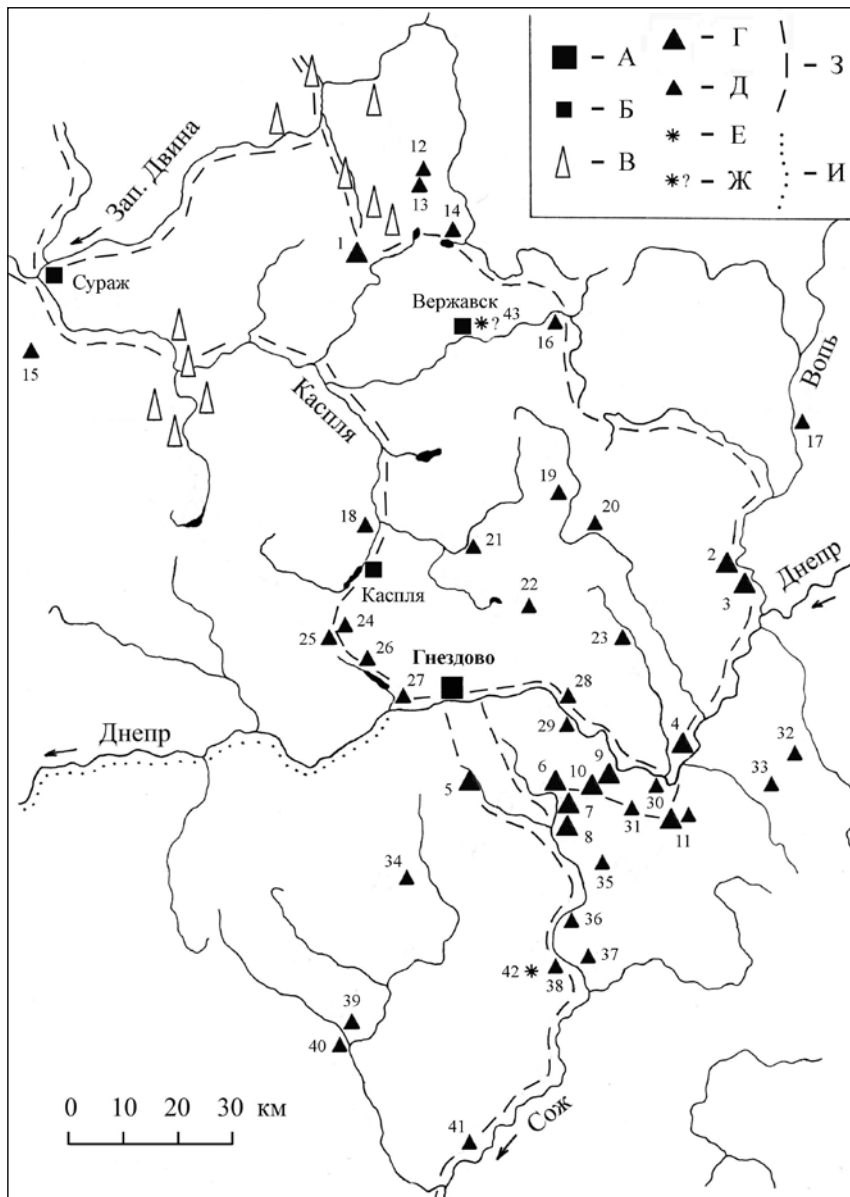
По нашему мнению, археологические и нумизматические данные позволяют утверждать, что в Смоленском Поднепровье и Подвинье в первой половине – середине X в. сложилась раннегосударственная структура, обладавшая некоторой автономией внутри формирующегося Древнерусского государства. Вместе с тем говорить о независимом княжестве (наподобие Полоцка при Рогволоде) в данном случае нет оснований, поскольку это противоречит нашим представлениям об условиях стабильного функционирования пути «из варяг в греки» и о политическом единстве Северной и Южной Руси. Расцвет этого социально-политического организма с центром в Гнёздове (Смоленске), прообраза и территориального ядра будущей Смоленской земли, приходится на середину X в.

Остаётся неясным, контролировало ли Гнёздово и подчинённая ему поселенческая структура поречье Западной Двины и микрорегионы Смоленского Подвинья, которые были заселены людьми, возводившими сопковидные курганы. Относительно остальной рассматриваемой здесь территории (точнее, проходивших по ней транзитных военно-торговых путей) подобные сомнения представляются излишними.

**Второй этап политогенеза:
вторая половина X – первая половина XI в.**

Материалы раскопок Центрального Гнёздовского поселения позволяют сделать вывод о том, что в третьей четверти X в. в раннегородском центре произошло катастрофическое событие. Исследования пойменной части Центрального селища с хорошо стратифицированным культурным слоем X – начала XI в., перекрытым аллювиальными отложениями XVII–XX вв., позволили выделить на раскопе П-8 несколько строительных периодов (этапов). Сооружения этапа III погибли в пожаре, после которого, в начале следующего этапа IV, были произведены нивелировочная подсыпка и перепланировка исследованного участка. В сооружениях и культурном слое этапа IV появляются керамика, детали поясной гарнитуры и пироксилитовые (шиферные) пряслица среднеднепровского происхождения, отсутствующие в более ранних горизонтах (Мурашева, Енисова, Фетисов, 2007, с. 47, 69–70). Я. В. Френкель на основе анализа сочетаний бус, датированных по материалам Старой Ладogi и Рюрикова Городища, отнёс финал горизонта III к 950-м гг. (Френкель, 2007, с. 97–99). Приблизительно в это же время сгорели и затем были перестроены первоначальные дерево-земляные укрепления Центрального городища, сооружённые вскоре после возникновения Гнёздова, т. е., вероятно, во второй четверти X в. (Пушкина, 1974, с. 7–8). Эти данные указывают на то, что в третьей четверти X в. Гнёздово подверглось военному разгрому.

По нашему мнению, датировку этого события можно немного скорректировать. С территории Гнёздовского археологического комплекса происходит 8 опубликованных кладов, содержащих восточные монеты. Т. А. Пушкина разделила эти клады (тогда их было найдено 7) по датам младших монет на три хронологические группы: 920-х, 940–950-х и 960-х гг. (Пушкина, 1999, с. 411–412). Нам представляется более логичным выделить две основные типохронологические группы: а) 3 монетных клада 924/925 – 936/937 гг. (находки 1966/75, 2010, 1973 гг.); б) 5 монетно-вещевых кладов 948/949 – 960/961 гг. (находки 1870, 1993, 1867, 1909, 1885 гг.). При этом, как доказала Т. А. Пушкина, первые гнёздовские клады, найденные в 1867 и 1870 г., являются наименее достоверными по составу, в том числе с заведомо неполным или изменённым набором монет (Пушкина, 1998, с. 373–374, 376). Поэтому, в частности, в кладе 1870 г. с сохранившейся младшей монетой 948/949 г. могли содержаться дирхемы и последующих годов чеканки. Кроме того, отмечалось, что клад 1993 г. с младшей монетой 951/952 г. близок по составу и истории формирования

ния его монетной части Звеничевскому кладу с младшей монетой 957 г. (Фомин, 1996, с. 191–192). Из сказанного следует, что клады второй группы хронологически очень компактны, период их окончательного формирования может охватывать менее десятилетия в 50-х – начале 60-х гг. X в.

Таким образом, клады второй группы, содержавшие литые и филигранные серебряные украшения скандинавского и южно-русского происхождения и, в отличие от кладов первой группы, представляющие собой сокровища высшей гнёздовской аристократии, могли быть сокрыты (точнее, не изъяты из-за гибели их владельцев) в результате одного и того же события. Это катастрофическое событие, по-видимому, и следует понимать как военный разгром Гнёздова, который произошёл в первой половине 960-х гг. и сопровождался уничтожением высшего слоя гнёздовской элиты. Такая военно-политическая акция могла быть осуществлена только по инициативе киевского князя и, вероятно, имела целью прямое подчинение Смоленска и его округа власти Киева. Нетрудно заметить, что, согласно предложенной реконструкции, эта акция приходится на первые годы самостоятель-

*Рис. 2. Смоленское Поднепровье и Подвинье
во второй половине X – первой половине XI в.:*

А – раннегородской центр;

Б – княжеские крепости;

В – сопковидные курганы (названия памятников см. на рис. 1);

Г – древнерусские могильники с «дружинным» и иным социально престижным погребальным инвентарём: 1 – Саки, 2 – Сельцо (Ярцево), 3 – Мизиново, 4 – Лопино (Шутовка), 5 – Кушляница, 6 – Сумароково, 7 – Горяны, 8 – Кошино, 9 – Березинка, 10 – Яново, 11 – Плескачи (Станьково);

Д – древнерусские селища / могильники: 12 – Ярилово, 13 – Шиши, 14 – Слобода (Пржевальское), 15 – Казимирово, 16 – Рибшево, 17 – Капыревщина (Благодатная), 18 – Семёново, 19 – Турье, 20 – Топорово, 21 – Сыр-Липки, 22 – Зыколино, 23 – Мольково, 24 – Волоковая, 25 – Гончаренки, 26 – Старое Куприно, 27 – Катынь, 28 – Колодня, 29 – Маркатушино, 30 – Верхние Немыкари, 31 – Акулы (Путятинки), 32 – Левыкино, 33 – Тимошово, 34 – Васильево, 35 – Ямполье, 36 – Вердихово, 37 – Княжое (Акулинки), 38 – Светлое, 39 – Доброселье, 40 – Петрополье, 41 – Городок;

Е – клад с датированными монетами: 42 – Барсуки (990-е гг.);

Ж – клад восточных монет не датированный: 43 – Городище (Вержавск);

З – главные маршруты военно-торговых путей;

И – второстепенные маршруты военно-торговых путей

ного правления Святослава, не отмеченные в ПВЛ какими-либо событиями. В связи со сказанным обратим внимание на гипотезу Н. И. Платоновой, в соответствии с которой 22 «князя» или «архонта» Руси, чьи представители упомянуты наряду с послами Игоря, Ольги и Святослава в русско-византийском договоре 944 г. и протоколах приёмов Ольги в Константинополе в 946 или 957 г. и, напротив, не упомянутые в русско-византийском договоре 971 г., были устранены с политической сцены в 50–60-х гг. X в. (Платонова, 1997, с. 72–73). Думается, приведённые данные хорошо согласуются с этой гипотезой.

После разорения раннегородской центр в Гнёздове был немедленно восстановлен, на следующие десятилетия приходится (или продолжается) его расцвет, фиксируемый по археологическим данным. По-видимому, новая элита, управлявшая городом и его округой в период господства киевской администрации, представлена погребёнными в камерных могилах, которые в совокупности датируются второй половиной X в. По основаниям столбов из двух камерных погребений Гнёздовского некрополя получены дендродаты 975 и 979 г. (Авдусин, Пушкина, 1989, с. 203).

Большие перемены произошли в это время и во всём регионе. Примерно в 3-й четверти X в. перестал существовать целый ряд населённых пунктов, в том числе таких, которые играли важнейшую роль в инфраструктуре военно-торговых путей. Во-первых, это археологические комплексы Новосёлки, Рокот и Шишкино, занимавшие в предшествующий период второй по значимости уровень в иерархии поселений Смоленского Поднепровья и Подвинья. Во-вторых, это ещё существовавшие поселения культуры смоленских длинных курганов – Заозерье, Шугайлово, Михейково и др. Трудно сказать, погибли все эти населённые пункты одновременно (и одновременно ли с разгромом Гнёздова) или прекратили существование в течение одного-двух десятилетий, но несомненно, что инфраструктура транзитных коммуникаций в Днепро-Двинском междуречье в том виде, в котором она сложилась в конце IX – первой половине X в., была разрушена. Примечательно, что недалеко от Новосёлок, у д. Дубровенка, найден клад, насчитывавший около 200 дирхемов, младшие из которых чеканены между 954 и 961 гг. (Марков, 1910, с. 42).

На смену локальным центрам предшествующего периода в Днепро-Двинском междуречье во второй половине X – начале XI в. приходит система «городков», расположенных в бассейне р. Каспля и, к сожалению, исследованных только разведками. В их число, несомненно, входят Сураж при впадении Каспли в Западную Двину, Каспля при истоке реки из оз. Каспьянское и Вержавск в среднем течении р. Гобзы. Приблизительная площадь этих го-

родищ – соответственно 1300, 1800 и 4500 кв. м. В их культурном слое найдена древнерусская раннекруговая керамика, а на Суражском городище – также лепная, характерная для КСДК, но бытовавшая в изучаемом регионе до XI в. включительно (Нефёдов, 1998, с. 251–252; там ссылки на литературу). Своими масштабами выделяется Вержавск, представляющий собой археологический комплекс, в который входят также селище – остатки древнерусского посада – и курганный могильник. Такая структура комплекса, типичная для более ранних локальных центров, могла сформироваться не позднее конца X – начала XI в. Кроме того, по сведениям Е. А. Шмидта, на Вержавском городище найден клад восточных монет (не датирован). Остатки древнерусских посадов известны также в Сураже и Каспле. Вержавск и Каспля упомянуты в Уставе 1136 г. смоленского князя Ростислава Мстиславича в качестве волостных центров (Древнерусские княжеские уставы..., 1976, с. 141, 143). Вероятно, такой же статус был и у Суража, но в составе Полоцкой земли, хотя в древнерусских источниках он не упоминается. В момент их основания эти укрепленные поселения, по-видимому, были княжескими крепостями, осуществлявшими государственный контроль над важнейшими путями и некоторыми ответвлениями от них. Таким образом, в Смоленском Поднепровье и Подвинье впервые появились населенные пункты, которым предстояло играть важную роль в административно-территориальных структурах XI–XIV вв.

Строительство княжеских крепостей в бассейне Каспли, осуществленное если не одновременно, то максимум в течение нескольких десятилетий, свидетельствует о том, что со второй половины X в. или, вероятнее, с последней трети этого столетия путь по Каспле на всем её протяжении стал одним из основных в регионе. В то же время с исчезновением Рокота и Заозерья путь по рекам Рутавечь и Клёц, очевидно, перестал функционировать. «Восточный» вариант пути между Днепром и Западной Двиной в рассматриваемый период сохранял большое значение. Вержавск благодаря своему местоположению мог контролировать участок этого маршрута в верховьях Гобзы наравне с путём по Каспле в её среднем течении.

Ситуация на левобережье Днепра не претерпела во второй половине X – начале XI в. существенных изменений. Продолжал функционировать путь по Сожу с установившимися ранее вариантами перехода из Сожа в Днепр; такие важные населенные пункты, как Березинка и Кушлянщина, существуют до XI в. включительно, но уже как древнерусские поселения с присутствием в X в. скандинавов. В верховьях Сожа известен единственный на Смоленщине датированный монетный клад конца X в. у д. Барсуки (Лебедев, Галанов, 2005, с. 423–426, 430).

Исчезновение в третьей четверти X в. на изучаемой территории носителей культуры смоленских длинных курганов не привело к демографическому спаду. Наоборот, во второй половине X – начале XI в. резко возрастает количество древнерусских поселений сельского типа. Особенно много их возникло в бассейнах верхнего Сожа и смоленского течения Днепра, что указывает на увеличившийся приток славянского (древнерусского) населения из более южных районов Поднепровья. Древнерусские могильники этого периода, расположенные на военно-торговых путях или рядом с ними, зачастую близки по культуре позднему Гнёздову: Сельцо, Мизиново, Лопино, Березинка, Кушляница, Сумароково, Горяны, Кошино, Яново, Плескачи (Станьково) и др. В некоторых погребениях этих некрополей найдены предметы вооружения, снаряжения всадника, различные привозные изделия (в том числе скандинавские), а также дорогие украшения (Ляўданскі, 1930, с. 281, табл. II; Енуков, 1990, рис. 44, 45; Ениосова, Нефёдов, 1999; Ширинский, 2001). Всё это подчёркивает высокий статус погребённых и не позволяет считать их рядовыми сельскими жителями. Большинство погребений такого рода концентрируется в верховьях Сожа и на переходах с него на Днепр, что демонстрирует особую важность южного направления торговых и политических связей Смоленского Поднепровья в рассматриваемый период. В целом система расселения в изучаемом регионе по-прежнему характеризуется сложной иерархией населённых пунктов.

Вопрос о времени, причинах и обстоятельствах прекращения существования Гнёздова как раннегородского центра остаётся пока трудноразрешимым. Впрочем, исследования пойменной части Центрального селища позволили немного уточнить датировку финала Гнёздова. На раскопе П-2 из нижнего горизонта культурного слоя (горизонт 5), представляющего собой заполнение естественной заболоченной ложбины, получена серия дендродат, самая поздняя (и самая надёжная) из которых – 1002 г. (Мурашева, Авдусина, 2007, с. 12–13, 26). Выше залегало три стратиграфических горизонта общей мощностью до 0,5 м, двум верхним из которых (горизонты 3 и 2) соответствуют два строительных периода непосредственно на исследованном участке. Материалы из этих горизонтов типичны для «классического» Гнёздова и не указывают на какие-либо существенные изменения в культуре и характере поселения по сравнению со второй половиной X в. Постройки горизонта 2 погибли в пожаре, после которого активная деятельность в этом месте прекратилась (Мурашева, Авдусина, 2007, с. 17). Приведённые данные, по нашему мнению, не позволяют датировать финал раннегород-

ского периода истории Гнёздова временем ранее 20–30-х гг. XI в. Безусловно, прав был А.А. Спицын, когда относил его к эпохе Ярослава (Спицын, 1905, с. 8).

В настоящее время нет оснований утверждать, что Центральное Гнёздовское поселение переживало на рубеже X–XI вв. и в начале XI в. период упадка. Имеющиеся данные свидетельствуют, скорее, об очень быстром, возможно, моментальном прекращении существования Гнёздова как раннего древнерусского города. Вместе с тем остаётся неясным, как это произошло: в результате насильственного уничтожения или более-менее мирного «переноса» города на новое место. Финальный пожар, выявленный на раскопе П-2, как будто указывает на вероятность первого сценария, однако неизвестно, был ли этот пожар тотальным. Надеемся, на этот вопрос помогут ответить результаты новых раскопок в пойменной части Центрального селища и на Центральном городище.

Исходя из высокой вероятности того, что финал Гнёздова был всё же событием, а не процессом, было бы заманчиво связать его с какими-то действиями в период междукняжеских войн 1015–1026 гг., тем более что один эпизод этих междоусобиц – убийство князя Глеба в 1015 г. – прямо связывался в конце XI – начале XII в. со Смоленском (ПВЛ, 1996, с. 60). По-видимому, первоначальный Смоленск перестал существовать после 1021 г., когда, согласно Софийской I летописи, Ярослав передал полоцкому князю Брячиславу города Витебск и Усвят (ПСРЛ, т. 5, с. 134). В результате сформировалась восточная граница Полоцкого княжества в Днепро-Двинском междуречье, т.е. к Полоцку отошёл ещё и Сураж вместе с нижним течением Каспли. Возможно, из-за этого стабильное функционирование транзитного пути, проходившего по Усвяче и Каспле, с которым Гнёздово было связано наиболее тесно, оказалось под угрозой, хотя Брячислав с 1021 г. и до конца жизни честно выполнял наказ своего дяди: «Буди же со мною заодин». Нельзя исключать и того, что между исчезновением первоначального Смоленска и возникновением нового (в 12 км выше по Днепру) прошло довольно продолжительное время. На эту мысль наводит резкое несоответствие масштабов и политического значения первого и второго населённых пунктов. Действительно, после учреждения Смоленского княжества в 1054 г. на смоленский стол сажали одного за другим самых младших и быстро умиравших сыновей Ярослава – Вячеслава и Игоря, которые не могли быть самостоятельными политическими фигурами. После смерти Игоря (1060 г.) в Смоленске не менее 15 лет вообще не было князя (Алексеев, 1980, с. 195). Несмотря на интенсивные раскопки в историческом центре современного города, Смоленск середины – 3-й четверти XI в. не удалось обнаружить ни к началу

1990-х гг. (Авдусин, 1991, с. 7), ни сегодня. Очевидно, город того времени (находившийся, надо полагать, уже на современном месте) был довольно скромным поселением, что заставляет сомневаться в его непосредственной преемственности по отношению к раннегородскому центру в Гнёздове.

Судя по всему, в первой половине XI в. система расселения и сложившаяся поселенческая структура в Смоленском Поднепровье и Подвинье не претерпела существенных изменений, что составляет сильный контраст с ситуацией третьей четверти X в. В частности, ранние трупоположения, появившиеся в сельских курганных могильниках, находятся преимущественно на тех же памятниках, что и древнерусские курганы с трупосожжением (Катынь, Саки, Слобода (Пржевальское), Сельцо, Мизиново, Мольково, Маркатушино, Плескачи (Станьково), Березинка, Кушлянщина и др.). Население продолжало концентрироваться к югу от Днепра и в восточной части Днепро-Двинского междуречья, что, возможно, подтверждает уменьшение роли каспьянского пути во второй четверти XI в. Очевидно, к этому времени в целом сформировалась территориальная и демографическая основа центральных районов будущей Смоленской земли.

* * *

В заключение необходимо подчеркнуть, что процесс политогенеза в Смоленском Поднепровье и Подвинье начался, по крайней мере, на полтора столетия раньше «официальной» даты образования Смоленского княжества. Сама дата 1054 г. может рассматриваться только как начало третьего этапа этого процесса. Поэтому невозможно согласиться с мнением Л. В. Алексеева о том, что «по сравнению с соседней, также кривичской Полоцкой землёй, Смоленская земля вышла на арену истории почти на столетие позднее» (Алексеев, 1980, с. 255). Напротив, отчётливо фиксируемая по археологическим данным раннегосударственная структура сформировалась в регионе уже к середине X в. и интенсивно развивалась на протяжении последующего столетия.

Источники и литература

Авдусин Д. А., 1957. Отчёт о раскопках гнёздовских курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск. Вып. 2.

Авдусин Д. А., 1991. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнёздово. М.

Авдусин Д. А., Пушкина Т. А., 1989. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М.

Алексеев Л. В., 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.

Археологическая карта России. Смоленская область. М., 1997. Ч. 1, 2.

Белоцерковская И. В., 1975. К вопросу о полусферических курганах с трупосожжением на территории Смоленской земли // Вестник Московского университета. № 5.

Булкин В. А., Лебедев Г. С., 1974. Гнёздово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л.

Военно-статистическое обозрение Российской Империи. СПб., 1852. Т. VIII. Ч. 2: Смоленская губерния.

Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. М., 1976.

Ениосова Н. В., 2001. Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнёздове // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы науч. семинара, 2000. Псков.

Ениосова Н. В., Нефёдов В. С., 1999. Погребение странствующего ювелира X в. близ д. Лопино под Смоленском // Археологический сборник. М. (Труды ГИМ, вып. 111).

Енуков В. В., 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.

Еремеев И. И., 1999. К вопросу о южной границе области распространения сопки. Сопки Двинско-Ловатского междуречья // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 3.

Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб.

Кириянова Н. А., Пушкина Т. А., 2008. Сельскохозяйственная деятельность населения древнего Гнёздова // Сельская Русь в IX–XVI вв. М.

Крадин Н. Н., 1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.

Лебедев В. П., Галанов В. И., 2005. Два клада куфических дирхемов и их фрагментов из-под Смоленска // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 4.

Лесман Ю. М., 2003. «Из Варяг в Греки»: хронологические варианты пути // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога. Вып. 6.

Ляўданскі А. М., 1930. Археалёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губ. // Працы археалёгічнай камісіі. Мн. Т. 2.

Марков А. К., 1910. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.

Микляев А. М., 1992. Путь «из варяг в греки» (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: тез. науч. конф. Новгород.

Мурашева В. В., Авдусина С. А., 2007. Исследования притеррасного участка пойменной части Гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб.

Мурашева В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А., 2007. Кузнечно-юве-

лирная мастерская пойменной части Гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб.

Нахапетян В. Е., Фомин А. В., 1994. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования, 1991 год. М.

Нефёдов В. С., 1996. Данные о системе земледелия культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Новгород. Вып. 10.

Нефёдов В. С., 1997. О присутствии северо-западного населения в Днепро-Двинском междуречье в конце I тыс. н.э. (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Новгород. Вып. 11.

Нефёдов В. С., 1998. Городища X в. и начало «окняжения» территории Смоленского Подвинья // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Новгород. Вып. 12.

Нефёдов В. С., 2000. О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы науч. семинара, 1996–1999. Псков.

Нефёдов В. С., 2001. Новосёлки и Гнёздово // XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. М.; Архангельск.

Нефёдов В. С., 2002. Салтовские древности в смоленских длинных курганах // Гістарычна-археалагічны зборник. № 17. Мн.

Нефёдов В. С., 2004. Городище Рокот в структуре синхронных поселений Днепро-Двинского междуречья // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. М. Ч. 1.

Нефёдов В. С., 2011. Смоленские кривичи и Русь: североευропейские и древнерусские изделия в смоленских длинных курганах // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. М. Т. II.

Нефёдов В. С., 2012. Археологический комплекс второй половины I тыс. н.э. у д. Шишкино (Городок) в Смоленском Поднепровье // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. Тез. докл. международной науч. конф. М.

Нефёдов В. С., Мурашева В. В., 2008. Модель для изготовления поясных бляшек «восточного» облика с городища Рокот в Смоленской области // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 222. М.

Константин Багрянородный, 1991. Об управлении империей. М. ПВЛ – Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996.

Петрухин В. Я., 1998. Большие курганы Руси и Северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология: традиции и перспективы. М.

Петрухин В. Я., 2000. Древняя Русь. Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М. Т. I.

Платонова Н. И., 1997. Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // Восточная

Европа в древности и средневековье: IX Чтения памяти В.Т.Пашуто: материалы конф. М.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 5: Софийская первая летопись. СПб., 1856.

Попова В. М., 1980. Гнёздовские бусы: дипломная работа на кафедре археологии МГУ. М.

Пушкина Т. А., 1974. Гнёздовское поселение в истории Смоленского Поднепровья (IX–XI вв.): автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М.

Пушкина Т. А., 1998. Первые Гнёздовские клады: история открытия и состав // Историческая археология: традиции и перспективы. М.

Пушкина Т. А., 1999. Нумизматические материалы из раскопок Гнёздова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.

Пушкина Т. А., Стукалова Т. Ю., 2011. Средневековые западноевропейские монеты в нумизматической коллекции Гнёздова // От палеолита до Средневековья. М.

Сизов В. И., 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска // Материалы по археологии России. Вып. 28. СПб.

Спицын А. А., 1905. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 15. СПб.

Спицын А. А., 1906. Отчёт о раскопках, произведённых в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. // Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. VIII. Вып. 1. СПб.

Френкель Я. В., 2007. Опыт датирования пойменной части поселения на основании анализа стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб.

Фомин А. В., 1996. Куфические монеты Гнёздовского клада // Древнейшие государства Восточной Европы, 1994 год. Новое в нумизматике. М.

Ширинский С. С., 1999. Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881–1901 гг. // Гнёздовский могильник. М. Ч. 1: Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ).

Ширинский С. С., 2001. Курганы IX – начала XI в. в верховье р. Сож у дд. Кушлянщина и Кошино // Смоленские древности. Смоленск. Вып. 1.

Шмидт Е. А., 1958. Длинные курганы у д. Цурковки в Смоленском районе // Советская археология. № 3.

Шмидт Е. А., 1968. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М.

Шмидт Е. А., 1969. Раскопки в Смоленской области // Археологические открытия 1968 года. М.

Шмидт Е. А., 2005. Курганный могильник у пос. Новосёлки // Смоленские древности. Смоленск. Вып. 4.

Шмидт Е. А., 2008. Заозерье. Археологический комплекс IV–XII вв. Смоленск.

Культурные перемены у западных славян в контексте исторических процессов IX и X веков

X век – время перемен в Европе. Для Западной Европы говорят даже о «революции рубежа тысячелетий»¹, так как фиксируются глубокие изменения на всех уровнях жизни в масштабах всего континента. Впрочем, исследования последних десятилетий показали, что не всё так просто. Исторические процессы являются сложными, изменения происходят в разных местах далеко не одновременно. Различия существуют как между регионами Европы, так и между центральными поселениями, с одной стороны, и обширными сельскими пространствами – с другой. К тому же значительные изменения, как правило, не происходят одновременно, их предпосылки можно обнаружить уже гораздо раньше.

Как в каждой науке, в археологии существуют разные точки зрения на интерпретацию собранных данных. Одной из причин разнообразия мнений являются разные подходы исследователей, которые отражаются, в частности, в используемой ими терминологии. Например, даже содержание, вкладываемое в наиболее общий термин «Средневековье», отличается не только в разных регионах Европы, но и в разных научных дисциплинах. В то время как историки работают с точными датами, археологическая датировка может достигать в лучшем случае точности одного поколения, т.е. нескольких десятилетий. Время изготовления, использования и потери конкретного артефакта точно определить археологическими методами, как правило, невозможно. Действительность культурных и хронологических шкал может зависеть также от сюжета исследования. Если речь идёт о развитии поселений раннего Средневековья, надо учитывать и тот факт, что жизнь в сельских поселениях заметно отличалась от жизни в элитной сфере. Данные археологии демонстрируют, что для сельского пространства характерно более медленное развитие, в то время как локомотивами перемен являются структуры власти и некоторые отрасли хозяйства. Несмотря на то, что престижные предметы нечасто доходят до села, можно полагать, что в сельском пространстве такие вещи и связанные с ними «модные» стилистические признаки существовали значительно дольше, чем

---

¹ Представления о столь быстрых изменениях на рубеже тысячелетий, которые позволяют говорить о революции, впервые получили распространение в научной литературе во Франции, где состоялась широкая дискуссия по этому поводу. (См.: Duby, 1953; 1980; Bois, 1989; Barthélemy, 1997).

в центральных пунктах. Поэтому на практике трудно сопоставлять известные по письменным источникам исторические процессы с археологическими материалами, тем более когда речь идёт о развитии сельских поселений. К сожалению, археологам и историкам приходится иметь дело с совершенно разными областями исторической реальности: обыденная сельская жизнь, как правило, не получала отражения в письменных источниках.

Внимание автора данной статьи обращено к северным западнославянским территориям, в частности, пространству между реками Эльба и Одер. Мы постараемся рассмотреть крупные исторические процессы и указать общие линии развития региона с опорой на материалы археологических исследований.

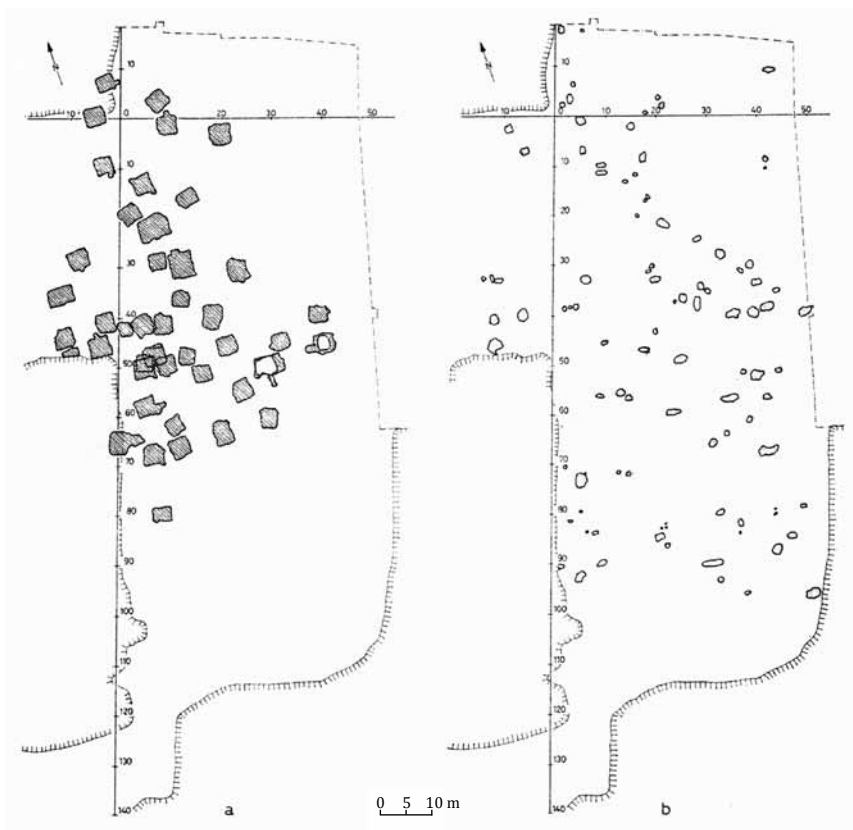

Рис. 1. Памятник Дессау-Мосигкау (земля Саксония-Анхальт). Раскопки славянского поселения VII в. н.э.: а – общий план землянок; б – общий план нерегулярных ям (по: Brather, 2008, S. 111, Abb. 21)

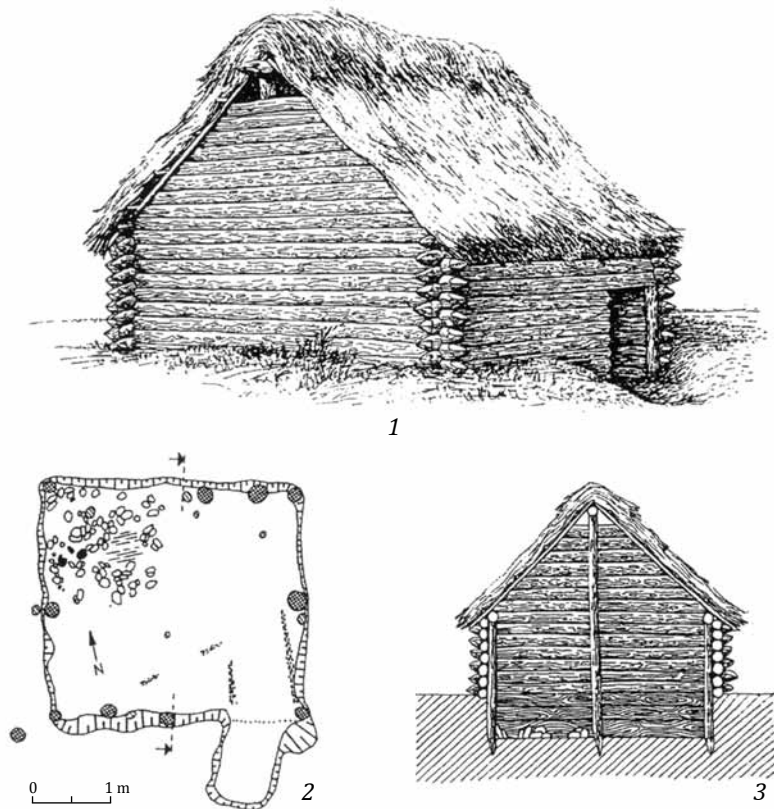

Рис. 2. Памятник Дессау-Мосигкау (земля Саксония-Анхальт).
Реконструкция и план полуземлянки 1
(по: Hermann, 1985, S. 179, Abb. 80)

Большая часть населения рассматриваемой территории жила в сельских поселениях, где жизнь сильно отличалась от жизни в протогородских центрах и торговых поселениях региона. Начиная с VII–VIII вв., здесь существовали небольшие поселения, которые можно связать со славянами. Примерно в это время славяне начали заселять этот регион. Типичными для таких поселений жилищами являются небольшие землянки или полуземлянки без сопровождающих их хозяйственных зданий, которые располагались без особого порядка (рис. 1 и 2). Речь идёт о рядовых сельских поселениях, на материалах которых, к сожалению, можно сделать лишь немногие конкретные выводы. Обычно данных для установления точных размеров жилищ, реконструкции их внешнего вида и датировки недостаточно. В это время, приходящееся на конец эпохи переселения

народов, сельская материальная культура достаточно бедна. Ещё дальше на западе, на левом берегу Эльбы, расселились саксонские племена. Их образ жизни и социальная организация в это время во многом похожи на быт славян на правобережье Эльбы. Материальная культура поселений по обе стороны Эльбы проста и не имеет чёткой хронологической специфики. Имеются и существенные отличия, например, различают два так называемых ландшафта домостроительства, дифференцируемых по основной традиции домостроительства (Brather, 2008). К востоку от Эльбы преобладают землянки и полуземлянки, а к западу – наземные дома столбовой

*Рис. 3. Памятник Варендорф (земля Северный Рейн-Вестфалия).
Общий план западной части раскопок.
Столбовые ямы и землянки (по: Winkelmann, 1984, Tab. 81)*

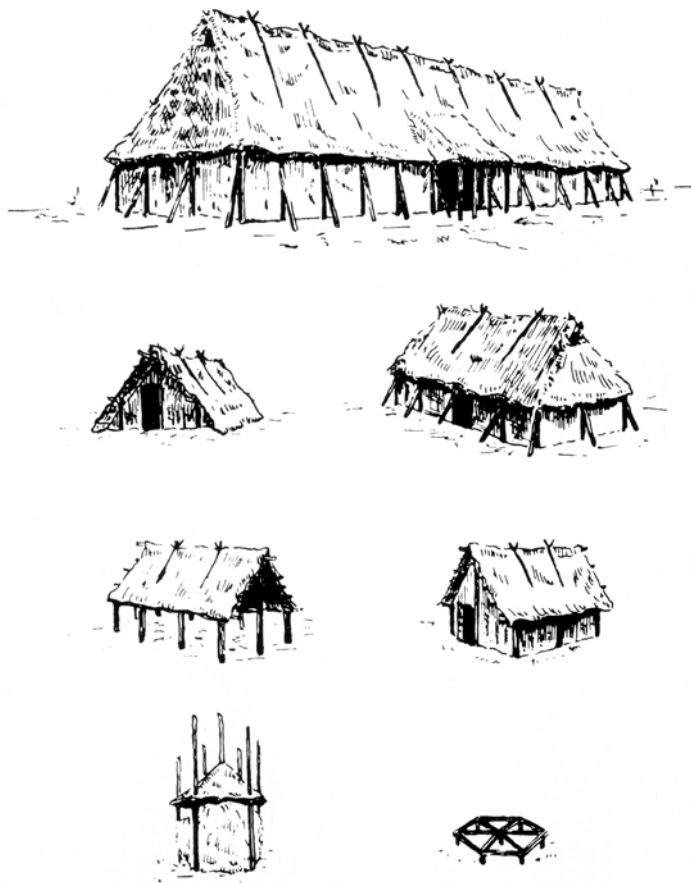
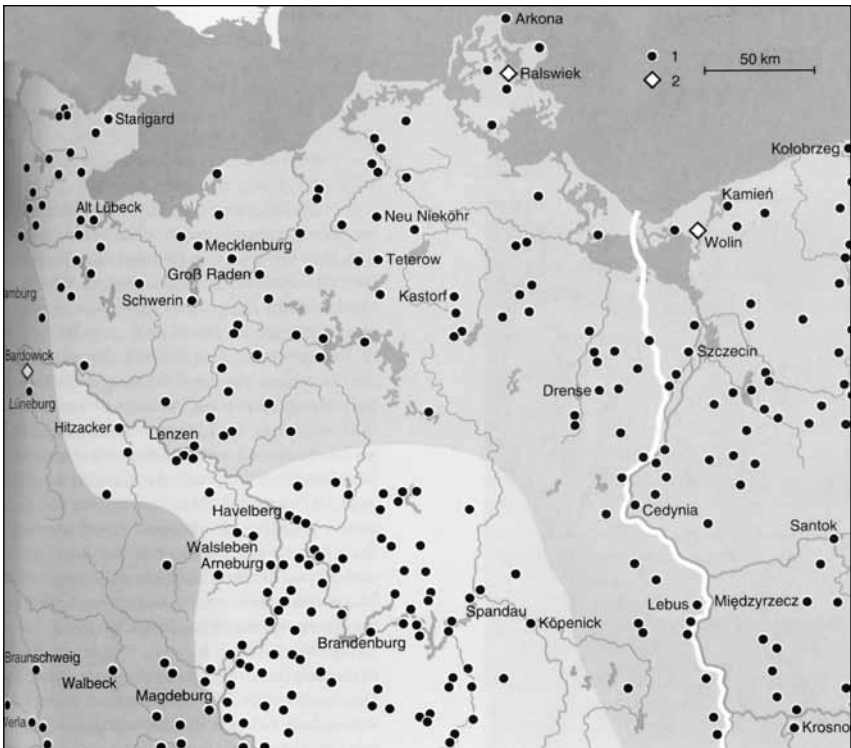

Рис. 4. Памятник Варендорф (земля Северный Рейн-Вестфалия).
Реконструкция некоторых видов сооружений VIII в. н. э.
(по: Winkelmann, 1984, Tab. 28)

конструкции. Для северо-западных сельских поселений характерны хутора (или усадьбы) с главным зданием и некоторыми сопровождающими зданиями, в том числе и землянками, в то время как на восточных поселениях известны в основном жилые землянки и наземные бревенчатые постройки. Хорошо известным примером структурированного поселения на территории Германии является саксонское поселение у дер. Варендорф в Вестфалии, где удалось реконструировать планы нескольких фаз существования поселения (рис. 3 и 4) (Winkelmann, 1954, S. 189–202; Winkelmann, 1958, S. 204–517; Armbrüster, 2005; Grünewald, 2005, S. 71–86).

Изменения поселенческих структур в саксонских районах тесно связаны с христианизацией и включением в IX в. этой территории в каролингскую империю. В славянских районах можно заметить перемены в организации пространства в направлении иерархизации поселенческой структуры. Особенно заметно это проявилось в создании многочисленных небольших кольцевидных городищ, которые строили в конце IX и в X в. (рис. 5) (о датировке городищ см.: Henning, Neußner, 1992, S. 314–324). Они разделяли поселенческий ландшафт на отдельные зоны. Их интерпретируют, как правило, как центры локальных князей (см., например: Henning, 1998). Однако при раскопках сельских поселений невозможно выявить какие-то яркие перемены в их структуре, кроме того, что полуземлянки после рубежа IX–X вв. меньше заглублены и чаще сопровождаются наземными конструкциями. Это явление отмечается сначала в

*Рис. 5. Городища X в. н. э. между реками Эльба и Одер:
1 – городище, 2 – торговый центр
(по: Кеттке, 2000, S. 273)*

центральных поселениях и городищах, а потом распространяется и в небольших рядовых сельских поселениях. В IX в. можно заметить увеличение связей и между иерархически разными поселениями, что связано с ростом населения и развитием инфраструктуры, но сами поселения остаются маленькими и без выраженной структуры – такими же, какими они были и раньше.

Во второй половине X в. ситуация меняется: на славянской территории чувствуется общеевропейская тенденция перемен. Большая часть городищ перестанет функционировать и останется навсегда заброшенной, только единичные центральные поселения развиваются в центры протогородского типа. На западе, вне славянской территории, также происходил процесс перемещения населения и его концентрации в поселениях, которые стали, в конечном счёте, основой для сегодняшних населённых пунктов. Картина расположения малых поселений и единичных хозяйств на славянской территории оставалась динамичной как минимум до XII в. (вновь отметим, что перемены в сельских поселениях фиксируются труднее). В XI в. (собственно, начиная уже с конца X в.) здесь строятся в основном уже наземные бревенчатые дома, умножаются свидетельства распространения продуктов несельского ремесла и торговли. Только в рамках «экспансии на восток», в XII–XIII вв., можно наблюдать фундаментальные перемены в поселенческих структурах (см.: Biemann, 2010). В связи с западным влиянием и на славянской территории начинают распространяться дома на каменных фундаментах и здания столбовой конструкции, капитальные ограды, начинают застраиваться усадьбы.

Река Эльба являлась с IX в. приблизительной северо-восточной границей франкской империи (Hardt, 2005, S. 193–209; Schneeweiß, 2010, S. 117–159; Ernst, 1976). Поселения в западнославянском пространстве за границей империи состояли тогда, как уже показано выше, в основном из небольших жилых землянок или полуземлянок. Западнославянская территория являлась в IX и X в. частью культурной и хозяйственной сферы Балтики и находилась под её культурным и экономическим влиянием. В этой сфере викинги играли особую роль. Благодаря балтийской торговле западнославянские керамические сосуды известны в Скандинавии и на Северо-Западе России. Мир викингов и славян тогда был ориентирован в основном на восток (см.: Steuer, 2004, S. 59–88). Действительно, западную границу славянского мира особенно хорошо маркирует керамика: западнее Эльбы совершенно иная керамика, которая связана с традициями населения регионов, расположенных западнее – по Рейну и у побережья Северного моря.

Как уже было сказано, культурно-хозяйственная сфера Балтики была ориентирована на восточные связи. Эта ориентация, су-

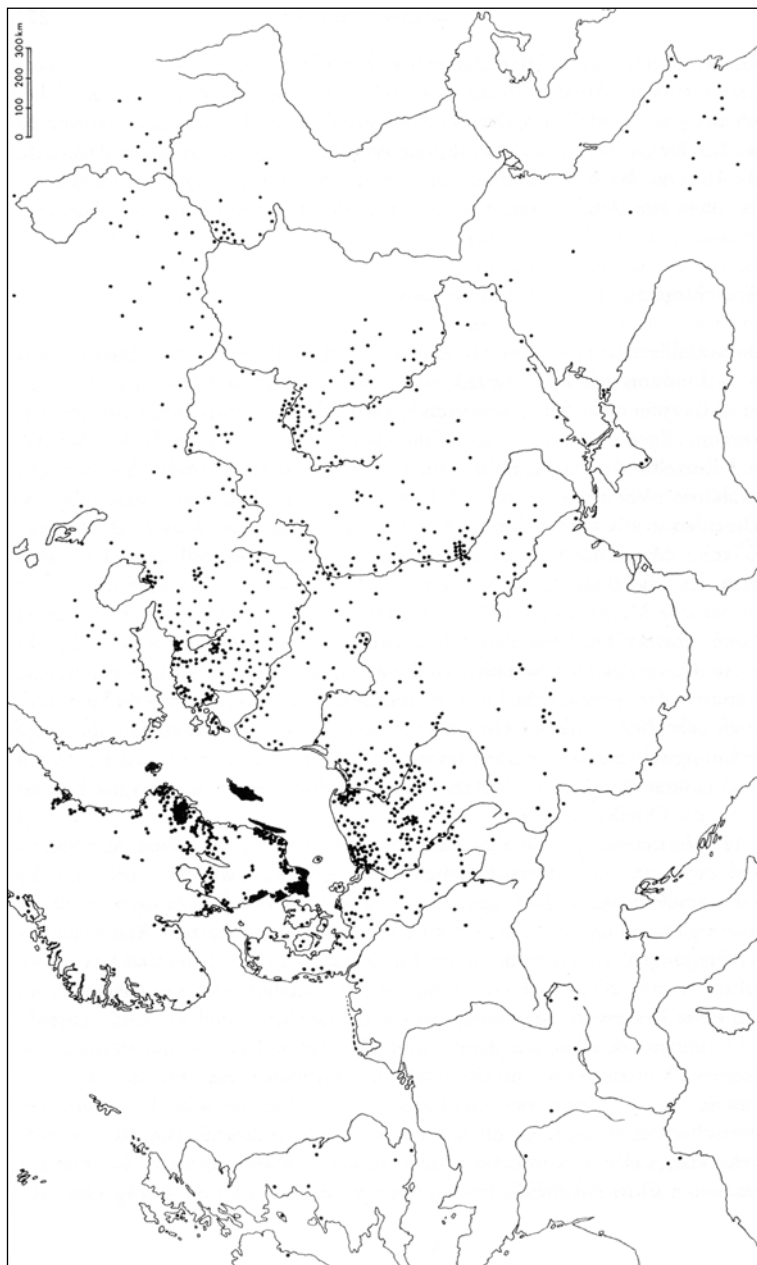

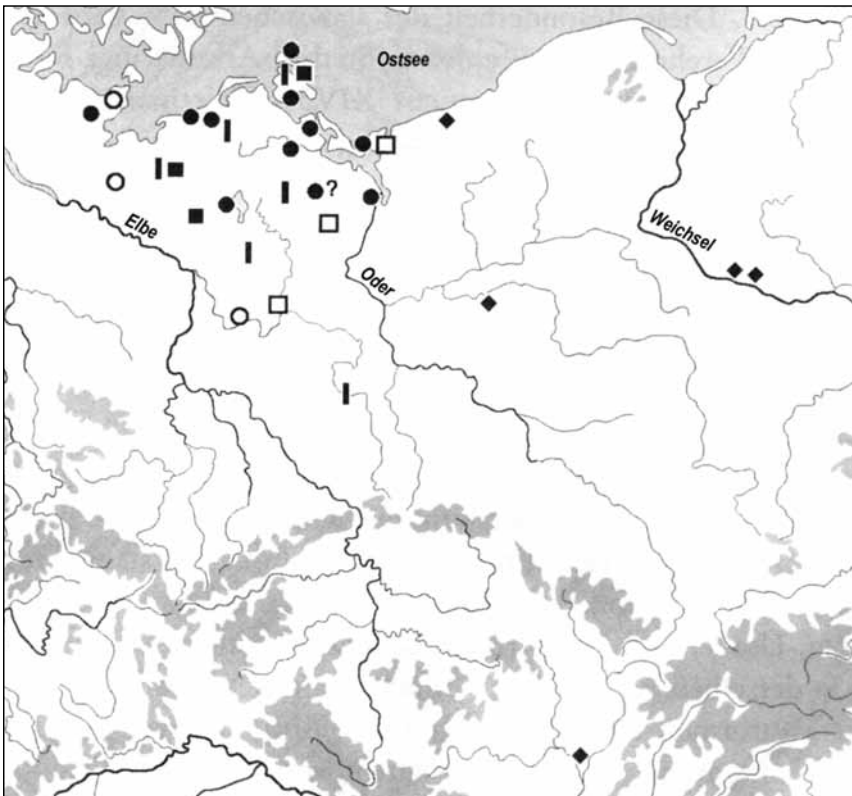
Рис. 6. Распространение арабских монет (дирхемов) VIII–XI вв. н. э. в Европе. Большинство находок (в основном в кладах) обнаружено вокруг Балтийского моря и в Восточной Европе (по: Bräther, 2008, S. 224)

ществовавшая в конце IX и в X в., хронологически соответствовала приходу к власти Саманидов в 864 г. В это время в Европу поступает огромное количество серебра – арабских монет-дирхемов (рис. 6). В условиях господства этого нового направления связей каролингская империя остаётся в стороне, становится периферией (Steuer, 2004, S. 59–88). Крупнейшие каролингские торговые центры Нейстрии и Австразии – Квентовик и Дорестада – потеряли к рубежу IX–X вв. своё былое значение. Дорестада, кстати, последний раз назван в источниках как раз 1150 лет назад, в 862 г. Тесные связи Балтики с Востоком перестали функционировать лишь в конце X в., когда произошла общая перемена ситуации. В это время династия Саманидов прекратила своё существование, вместе с этим истощился и главный источник серебра – базы викингского хозяйства. Последовала переориентация Балтики на Запад, где в X в. уже возникла и развилась новая сильная христианская династия – Оттоны. Восточный путь окончательно потерял значение для Скандинавии после разрушения Ладоги норвежцами в конце X в. В то время как в восточной Европе (то есть и на Северо-Западе России) продолжалось влияние Византии и восточной ветви христианства, Балтика и западнославянская территория попали в дальнейшем из-за роста могущества Оттонов под влияние западной ветви христианской Церкви.

В X в. во многих частях Европы происходили значительные перемены в разных сферах жизни. Распространение новых интенсивных сельскохозяйственных технологий сыграло большую роль в стабилизации местоположения сельских поселений. Зафиксировались земельные владения. Изменяются дорожные системы и другая сельская инфраструктура. Развивается гончарство и, начиная с последней четверти X в., распространяется круговая керамика (Biermann, 2002, S. 61–92). Важнейшими процессами в экономике стали развитие торговли и специализированного ремесла в сельских поселениях. Этот процесс связан и с потребностями, вызванными становлением независимых феодальных государств. Дальняя торговля также менялась, следуя теперь другим закономерностям. Приморские торговые центры постепенно потеряли прежнее значение. Их функции теперь выполняли развивающиеся города, у которых формируется прочно связанная с ними развитая округа – этот процесс крайне важен. Такие некогда крупные и важные торговые поселения, как Хедебю и Бирка, потеряли своё значение: им не хватало теперь, прежде всего, развитой округи и административных функций (Müller-Wille, 2002). Это является, скорее всего, основной причиной того, что им на смену пришли расположенные рядом поселения, обладавшие более подходящими параметрами. В случае Хедебю его место занял развивающийся соседний город Шлезвиг. Переход функции Рюрика на Волхове к соседнему Новгороду происходил, может быть,

по этим же причинам, а тот факт, что Ладога не была восстановлена после её разрушения, может быть расценен как итог того же процесса. Перемены были глубокими, но не такими стремительными, как иногда кажется. Перемены в разных сферах и в разных регионах не происходили одновременно, и развитие новых тенденций в сельских районах, начавшись гораздо раньше на Западе, в течение нескольких столетий прошло через всю Европу.

Вместе со становлением феодальных государств в Европе X века возникли и новые экспансионистские устремления. Военные действия саксонских Оттонов против их славянских соседей известны не только по письменным источникам. Их свидетельства можно найти и в материалах раскопок, например, разрушение нескольких городищ у Эльбы в 929 г. (Schneeweiß, 2012). Об этом писал Видукинд

Рис. 7. Распространение славянских языческих храмов и идолов. Они концентрируются на территории между реками Эльба и Одер (по: Brather, 2008, S. 321)

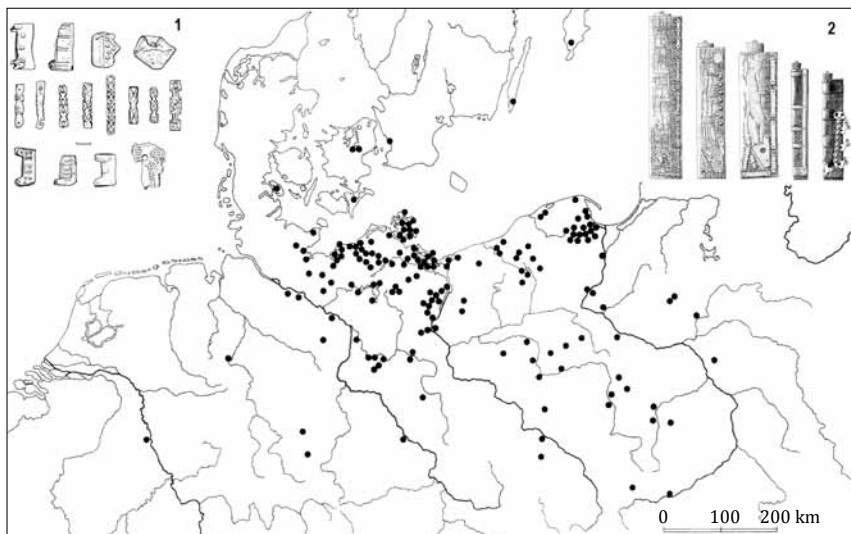

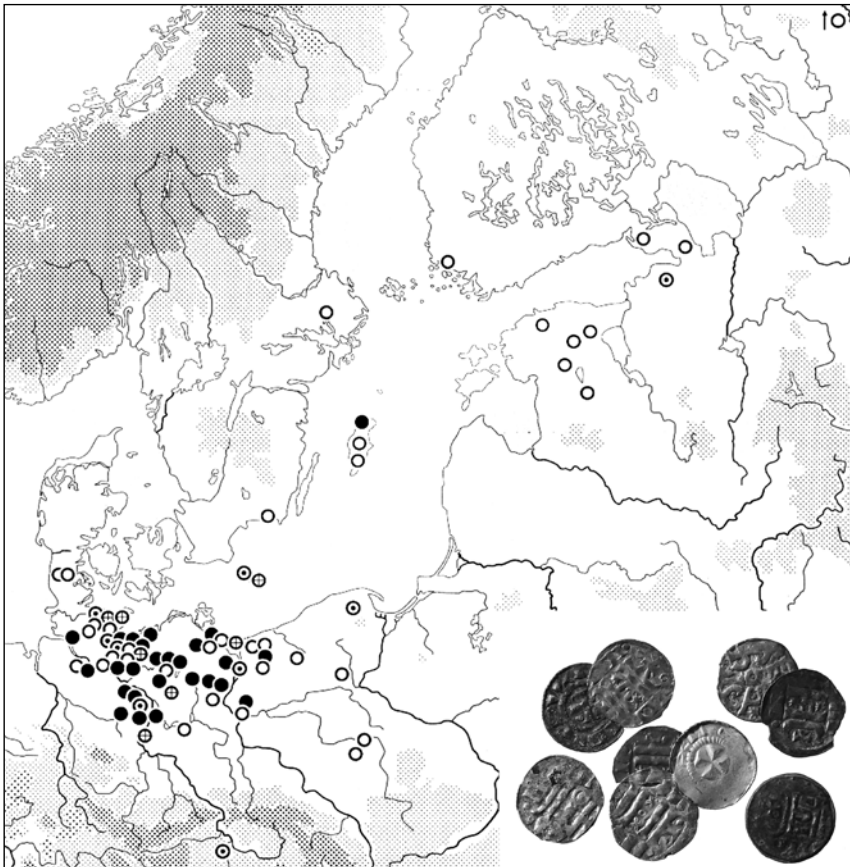
Рис. 8. Распространение бронзовых накладок на ножны в XI в. на западнославянской территории; они являлись символом статуса и концентрируются в южной Прибалтике (по: Brather, 2008, S. 278).

1 – примеры разных типов накладок, найденных на поселениях у реки Эльбы; 2 – виды ножен с разными памятниками (по: Brather, 2008, S. 277)

Корвейский в «Истории саксов», оценивая этот поход как великую победу христианства над славянскими «варварами». «История саксов», созданная в X в. с целью легитимации власти Оттонов, является важнейшим источником сведений об этой территории.

После 929 г. на западнославянской территории создаётся множество церквей и формируются епископства. Но, в отличие от христианизации IX в. в Саксонии, здесь не было разделения между насаждением христианства и насаждением новой власти. Это было, наверное, одной из важнейших причин восстания славян в 983 г. Его итогом стало то, что развитие территории между Эльбой и Одером было прервано. Все новые структуры были разрушены в пользу длившегося почти 200 лет развития в противоположном направлении. Строились языческие культовые центры, главным из которых считается Аркона (Herrmann, 1974, S. 177–209; Herrmann, 1993, S. 136–144). В отличие от всех соседних народов (в том числе и славянских), здесь в XI в. снова развивалось язычество как реакция на экспансию соседей-христиан с запада и востока (рис. 7). Христианство в районе между Эльбой и Одером победило не раньше XII в., когда датчане разрушили языческое святилище на Арконе.

Результаты археологических исследований показывают, что западнославянские территории независимо от прерванной христианизации всё-таки были включены в инновационное общеевропейское развитие. Здесь в начале XI в. быстро распространилось производство керамики с помощью гончарного круга, развивались ремесло и торговля, причём не только в протогородских центрах, где находилась местная элита, но и на рядовых сельских поселениях. Успехи металлообработки и становление местной элиты получили отражение, например, в находках накладок на ножны (рис. 8).

Рис. 9. Распространение монет типа нижнеэльбских Агриппин (XI–XII вв.). Несмотря на то, что их чеканили в Бардовике (Саксония), они в основном распространялись на славянской территории в южной Прибалтике (no: Müller-Wille, 2011, S. 253)

Их производство было, видимо, местным, а использованная технология имела западное происхождение. Подобные предметы, являвшиеся у славян символами статуса, демонстрируют развитие местной элиты. Оттонские монеты использовались, видимо, в основном на западнославянской и балтийской территориях (рис. 9) (ср.: Hatz, 2000, S. 41–96). Что касается погребального обряда, то у славян переход от кремации к ингумации также начал происходить с рубежа IX–X вв., видимо, под влиянием христианских соседей. Картина расположения сельских поселений оставалась в это время динамичной, и вплоть до периода немецкой «экспансии на восток» отсутствуют доказательства постоянства их местоположения. Поселения занимают постоянное место, видимо, только после христианизации и формирования ленной зависимости. В этом отношении можно усматривать некоторые параллели в истории западнославянских земель, Скандинавии и Северо-Запада России, где современная фиксированная поселенческая структура в сельских районах иногда только в XII–XIII вв. окончательно вытесняет предшествующую динамичную модель.

Источники и литература

Armbrüster T., 2005. Haus, Hof und Dorf im Frühmittelalter in den Gebieten nördlich der Mittelgebirge – erläutert am Beispiel einer Siedlung des 7.–9. Jahrhunderts aus Warendorf / Kr. Warendorf (Westfalen). Studienarbeit, Grin.

Barthélemy D., 1997. La mutation de l'an mil a-t-elle eu lieu? Servage et chevalerie dans la France des Xe et XIe siècles. Paris.

Biermann F., 2002. Über das erste Auftreten der spätslawischen Keramik in Ostdeutschland und Polen // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. 43.

Biermann F., 2010. Archäologische Studien zum Dorf der Ostsiedlungszeit. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg 12. Wünsdorf.

Bois G., 1989. La Mutation de l'An Mil. Lournand, village mâconnais, de l'Antiquité au féodalisme. Paris.

Brather S., 2008. Archäologie der westlichen Slawen. Ergänzungsbände des RGA. Bd. 61. Berlin; New-York.

Duby G., 1953. La société aux XIe et XIIe siècles dans la région mâconnaise. Paris.

Duby G., 1980. L'An Mil. Paris.

Ernst R., 1976. Die Nordwestslaven und das fränkische Reich. Beobachtungen zur Geschichte ihrer Nachbarschaft und zur Elbe als nordöstlicher Reichsgrenze bis in die Zeit Karls des Großen. Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung im europäischen Osten 74. Berlin.

Grünewald C., 2005. Archäologie des frühen Mittelalters vom 5. bis zum 9. Jahrhundert in Westfalen. Ein Überblick // Archäologie in Ostwestfalen 9.

Hardt M., 2005. Zur Konzeption der Elbe als Reichsgrenze im frühen und hohen Mittelalter // C. von Carnap-Bornheim, H. Friesinger. Wasserwege: Lebensadern – Trennungslinien. Schriften des archäologischen Landesmuseums, Ergänzungsreihe. Bd. 3. Neumünster.

Hatz G., 2000. Zur Münzgeschichte Bardowicks. Nordisk numismatisk årsskrift 1994/96.

Henning J., 1998. Frühmittelalterlicher Burgenbau in Mittel- und Osteuropa / Bearb. A.T. Ruttkey. Bonn.

Henning J., Heußner K.-U., 1992. Zur Burgengeschichte im 10. Jahrhundert. Neue archäologische und dendrochronologische Daten zu Anlagen vom Typ Tornow // Ausgrabungen und Funde 37.

Herrmann J., 1974. Arkona auf Rügen // Zeitschrift für Archäologie 8.

Herrmann J., 1985. Die Slawen in Deutschland. Ein Handbuch. Berlin.

Herrmann J., 1993. Ein Versuch zu Arkona. Tempel und Tempelrekonstruktionen nach schriftlicher Überlieferung und nach Ausgrabungsbefunden im nordwestslawischen Gebiet // Ausgrabungen und Funde 38.

Kempke T., 2000. Burgwälle des 8. bis 12. Jahrhunderts zwischen Elbe und Oder // Europas Mitte um 1000. Beiträge zur Geschichte, Kunst und Archäologie. Bd. 1. Stuttgart.

Müller-Wille M., 2002. Frühstädtische Zentren der Wikingerzeit und ihr Hinterland. Die Beispiele Ribe, Hedeby und Reric. Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Mainz. Nr. 3.

Müller-Wille M., 2011. Zwischen Starigard/Oldenburg und Novgorod. Beiträge zur Archäologie west- und ostslawischer Gebiete im frühen Mittelalter. Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Bd. 10. Neumünster.

Schneeweiß J., 2010. Neue Überlegungen zur Lokalisierung von Schezla // Archäologische Berichte des Landkreises Rotenburg (Wümme) 16.

Schneeweiß J., 2012. A Wilzis distructum' und Schlacht ohne Schlachtfeld – die Spuren bezeugter Zerstörung der Jahre 810 und 929 an der Elbe im archäologischen Befund // Studien zu Spätantike und Frühmittelalter. Bd. 5.

Steuer H., 2004. Die Ostsee als Kernraum des 10. Jahrhunderts und ihre Peripherien // Siedlungsforschung. Archäologie-Geschichte-Geographie 22.

Winkelmann W., 1954. Eine westfälische Siedlung des 8. Jahrhunderts bei Warendorf, Kr. Warendorf // Germania 32.

Winkelmann W., 1958. Die Ausgrabungen in der frühmittelalterlichen Siedlung bei Warendorf (Westfalen) // Neue Ausgrabungen in Deutschland.

Winkelmann W., 1984. Beiträge zur Frühgeschichte Westfalens. Münster (Westfalen).

**Хедебю и Шлезвиг –
развитие важнейшего перевалочного/транзитного
пункта Северной Европы в XI в. н. э.¹**

Ютландский полуостров разделяет Северное и Балтийское моря. Сложные фарватеры у мыса Скаген и между многочисленными датскими островами с раннего Средневековья бросали серьёзный вызов мореплавателям. Тысячи остовов судов, затонувших у побережья Дании и Швеции, свидетельствуют о больших опасностях, которым подвергались на этом маршруте корабли, люди и товары. Короткий и безопасный проход между морями был обнаружен самое позднее во второй половине VIII в. на Шлезвигском перешейке, в самом узком месте Ютландского полуострова (рис. 1). На этом участке бухта Балтийского моря Шлай вдаётся в полуостров более чем на 40 км. Парусные суда, приходившие со сторо-

*Рис. 1. Шлезвигский перешеек в южной части
Ютландского полуострова*

¹ Авторы сердечно благодарят Я.В.Прасолова (Центр балтийско-скандинавской археологии – ZBSA, Шлезвиг) за перевод публикации.

ны Северного моря, могли следовать по р. Айдер и далее вверх по р. Трене до Холлингштедта. Расстояние между Холлингштедтом, служившим с эпохи викингов до Средневековья пристанью, и бухтой Шлай составляет всего 18 км, которые преодолевались под защитой Даневерка, самого мощного оборонительного вала Северной Европы, на повозках, влекомых тягловыми животными. На небольшом расстоянии от бухты Шлай торговцы могли выезжать и на другой путь, соединявший в меридиональном направлении Скандинавию с континентом, – так называемый Оксенвег или Хервег (Воловий или Войсковой путь, соответственно) (Brandt, 2006; Brandt, 2012; Kalmring, 2010 a, S. 27–40).

Благодаря уникальному географическому положению этого места на «внутреннем» участке бухты Шлай, на западном берегу залива Хаддебюер Ноор, возник крупнейший торговый центр Северной Европы. Он известен как Хаитум (Хайтабю) в датских, Слиесорп (Слиасвич) в немецких и aet Naethum в англо-сакских источниках (рис. 2).

С IX по середину XI в. это поселение было не только торговым и ремесленным центром, свидетельством чего являются сотни тысяч археологических находок и впечатляющие объекты его инфраструктуры, но также центром власти и христианского миссионерства Севера (Jankuhn, 1986).

В 1066 г. поселение было разрушено войском славян, что в современной археологической традиции знаменует завершение эпохи викингов. Но сама гавань вновь возникла уже спустя несколько лет на удалении всего в несколько километров на северном берегу бухты Шлай (рис. 2). Под поверхность современного Старого города в Шлезвиге скрыты остатки протяжённых портовых сооружений и плотной деревянной застройки, расположенные вдоль дорожной инфраструктуры порта.

Шлезвигский перешеек окончательно потерял своё значение в XIII в. со становлением Любека как балтийского порта и «матери Ганзы» (Müller, 2010). Транзитное движение по узкой и местами мелководной Шлай прекратилось.

Тем не менее, гавань на «внутреннем» участке бухты Шлай оставалась важнейшим ключевым пунктом североевропейской торговой сети и воротами между Скандинавией и континентом в течение более чем четырёх столетий. Материальные свидетельства этого являются предметом изучения археологов уже более ста лет.

Несмотря на это, многие вопросы до сих пор остаются без ответа. Это утверждение, в частности, справедливо в отношении конца существования Хедебю и переноса гавани на северный берег бухты – туда, где в конце XI в. возник Шлезвиг (Hilberg, 2007; Radtke, 2009, 151–157). Какие причины привели к тому, что Хедебю после его разрушения славянами не был повторно возведён на старом

месте? Почему причалы Хедебю и Шлезвига отличаются так разительно по конструкции и чем объяснить разницу в ассортименте товаров, найденных в этих портах? Традиционно эти наблюдения объяснялись в науке в первую очередь обмелением гавани Хедебю, а также увеличением вместимости и посадки торговых судов. Но как объяснить тот факт, что лежащий в гавани Хедебю кнорр, одна из наиболее крупных известных находок торговых судов, датируется исследователями первой половиной XI в. (Kalmring, 2010 а, S. 90, 122–125, 190–194, 454)?

Изучению этих вопросов посвящён стартовавший в январе 2012 г. трёхгодичный совместный исследовательский проект Ар-

*Рис. 2. Аэрофотоснимок Хедебю и Шлезвига с южного направления.
Фото: Корнелия Фере, Археологический музей
федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн*

хеологического музея федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн и Института древней и ранней истории Кильского университета им. Христиана-Альбрехта, спонсируемый фондом Фольксваген. В рамках проекта осуществляется подготовка двух кандидатских работ, посвящённых изучению археологических комплексов, выявленных в ходе проведения раскопок в гавани, а также выдающейся коллекции находок в Шлезвиге, дополнительно проводятся археометаллургический и стеклохимический анализы. Указанные работы осуществляются тремя научными работниками и техническим ассистентом. По завершении исследования мозаичная картина представлений о «внутреннем» участке бухты Шлай будет дополнена новыми фрагментами.

Хеддебу: история изучения и развитие протогородского центра

Подковообразный вал длиной 1,3 км и высотой 11 м огораживает территорию Хеддебу площадью 25,5 га. В 1897 г. Софус Мюллер идентифицировал этот археологический памятник как легендарный Хеддебу письменных источников. Так как вся площадь городища с эпохи викингов не подвергалась застройке, отдельные находки и целые археологические комплексы, свидетели более чем 250-летней истории, сохранились неповреждёнными на всей огороженной валом территории. Благодаря поднявшемуся с периода Средневековья уровню воды в бухте, в прибрежной зоне хорошо сохранились находки из органики. В ходе раскопок поселения и гавани на площади около 5000 кв. м обнаружены более чем 40000 деревянных элементов конструкций, представляющих собой отличные источники для датирования не только строений, причалов и мостовых, но и обнаруженных в разных горизонтах культурного слоя находок.

Первой провела в 1900 г. археологические раскопки на территории памятника профессор Кильского университета Йоханна Месторф. В последующие годы работы были продолжены её многочисленными коллегами. Наиболее значимыми являются проведённые в 1908 г. Фридрихом Кнорром раскопки знаменитого камерного погребения в ладье; проводившиеся в 1930-х годах Гербертом Янкуном исследования динамики многофазового развития поселения в прибрежной зоне; увеличение в 1963–1969 гг. площади раскопок поселения, а также исследование в 1978–1980 гг. гавани Куртом Шьетцелем. Несмотря на длившиеся десятилетиями раскопки, на данный момент исследовано только 5% площади поселения (рис. 3; Müller-Wille, 2007; Hilberg, 2008; Hilberg, 2009, 84–86).

В тинистой и мутной воде Хаддебюер Ноор в 1953 г. водолазами были проведены первые подводные археологические исследования,

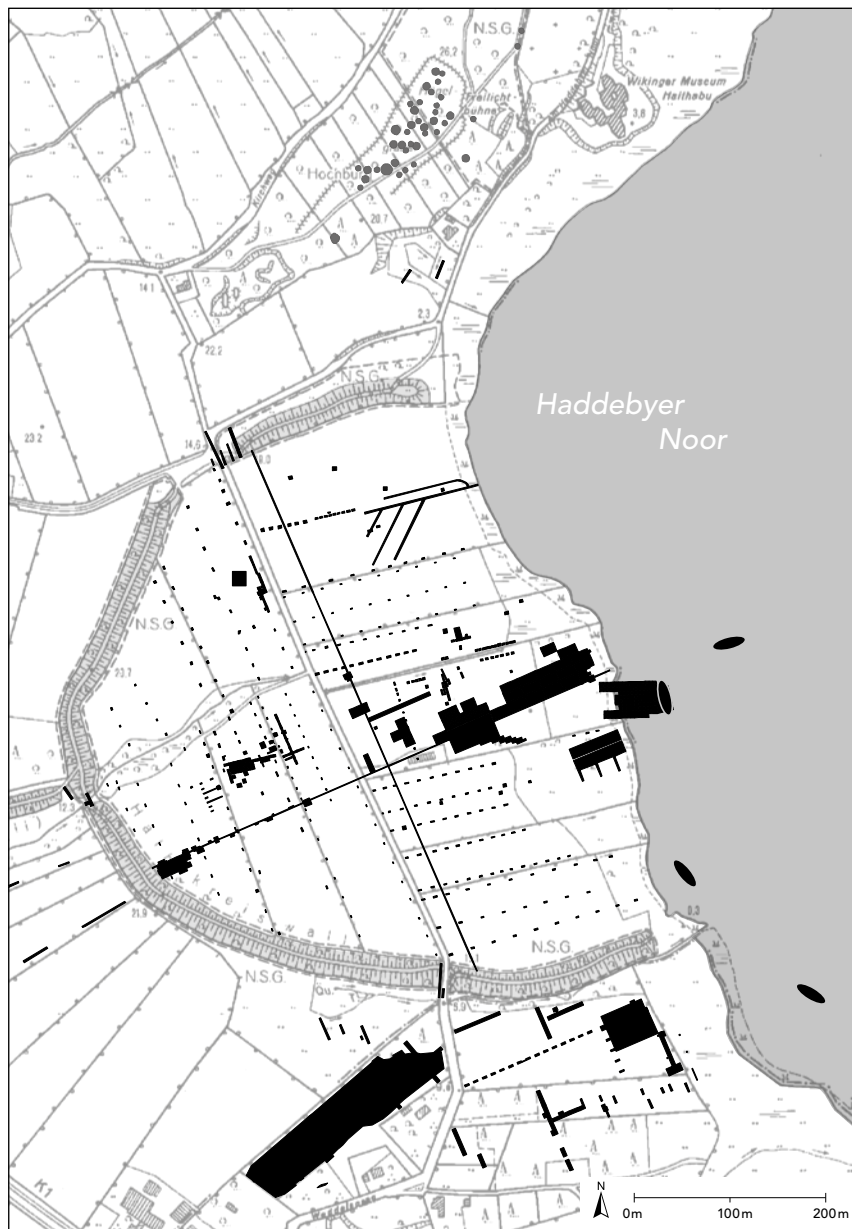

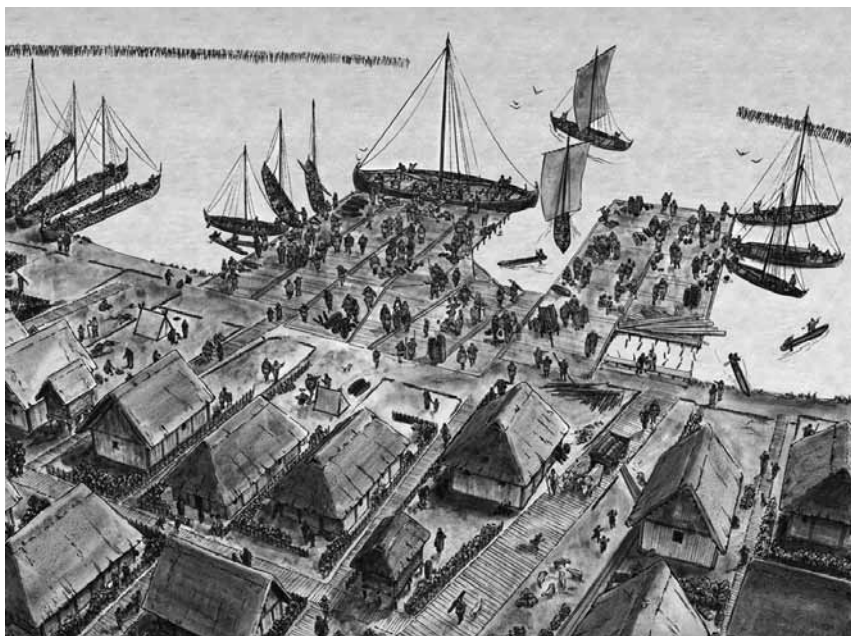
Рис. 3. Расположение раскопов в Хедебю и его окрестностях

приведшие к обнаружению остатков более чем тридцатиметрового боевого корабля. На сегодня на территории гавани обнаружены четыре корабля XI–XII вв. (Kalmring, 2010 a, S. 63–93, 111–127).

Для реконструкции истории Хедебю большое значение имели также раскопки многих сотен погребений на различных могильниках, например, проведённые в 1959–1960 гг. Конрадом Вайдеманном, в 1962 г. – Клаусом Раддатцом и в 1963–1965 гг. – Хайко Штоером на Южном могильнике (Arents, Eisenschmidt, 2010, S. 21–70).

В последнее десятилетие исследования этого уникального европейского памятника продолжились по двум направлениям. С одной стороны, Йоахимом Шульце и Свенном Кальмрингом была проведена оцифровка археологических объектов поселения и гавани с их последующим анализом. С другой стороны, проводившееся в течение многих лет геофизическое картирование всего поселенческого ареала дало детальную картину структуры застройки, подтверждённую в ходе небольших по площади, но отвечающих высочайшим стандартам раскопок 2005–2010 гг. (Карнап-Борнхайм, Хильберг, Кальмринг, Шульце, 2010). Кроме того, систематически проводившийся сбор подъёмного материала с использованием металлодетекторов позволил обнаружить более чем 11000 отдельных находок, значительно дополнивших наши представления о поздних, ещё не исследованных в ходе раскопок слоях XI в. (Hilberg, 2007).

Результаты проведённых раскопок и археологических разведок позволяют реконструировать историю Хедебю. Первое, называемое Южным, поселение возникло уже около 750 г. в непосредственной близости от места, где суда выволакивали на берег. Около 800 г. параллельно берегу залива с севера на юг была сооружена мощённая деревом дорога. Развитие поселения проходило вдоль неё в северном направлении и в течение IX в. Позднее Южное поселение было окончательно оставлено жителями. Центром поселения стало устье ручья, находящееся сегодня внутри расположенного подковой городищного вала. Расположенные на поверхности жилые постройки в прибрежной зоне и на подболоченных участках, а также землянки в лежащем выше ареале обозначают зону строительной активности IX–X вв. Границы участков-парцелл, а также дорожная сеть оставались неизменными долгое время. Ложе ручья было выпрямлено, а пути стали проходить по сооружённым над ним мостами. На территории как внутри, так и снаружи возведённого во второй половине X в. подковообразного вала располагались несколько могильников. На наибольшем удалении от поселения к северу от него на плато 26-метровой высоты находились могилы так называемого «укрепления на возвышении».

Рис. 4. Реконструкция гавани в Хедебю

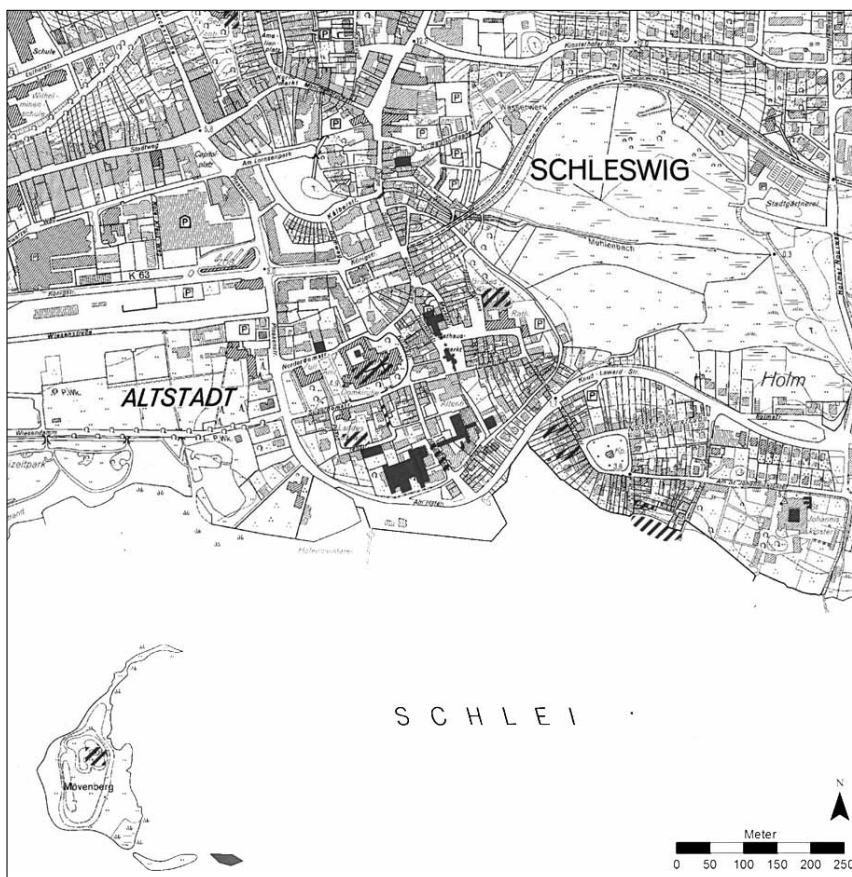
Решающее значение для понимания функций и организации поселения имел повторный анализ археологических объектов в порту. Было установлено, что многочисленные сооружённые на сваях причалы были в итоге объединены в одну большую платформу. Наличие такой конструкции может быть объяснено, только если предположить, что «причалы» служили не только для причаливания и разгрузки судов. Распределение находок в культурном слое также дало основание заключить, что порт одновременно использовался и в качестве рыночной площади Хедебю. Это также означает, что здесь располагался центр поселения (рис. 4; Kalmring 2010 a, S. 443–450).

Шлезвиг: история средневекового города и его исследования

Проведение строительных работ в ходе реконструкции города в 1960-х гг. дало импульс к развитию исследовательского проекта невиданного на тот момент размаха (Vogel, 1997; Vogel, 1999). После отбора первых проб грунта методом бурения на разных участках территории города на площади 3 000 кв. м было запланировано

проведение археологических раскопок, осуществлявшихся впоследствии почти 20 лет (рис. 5). В ходе их проведения была исследована площадь позднесредневекового порта, кладбищ, церквей, монастырей, жилых кварталов, торговой площади и улиц. Были обнаружены и зафиксированы отдельные находки и археологические комплексы XI–XIII вв.

Результаты раскопок свидетельствуют о том, что расположение путей и участков-парцелл периода основания поселения было ориентировано на порт. Торговой площади на территории города, скорее всего, в это время не существовало. Описанная инфраструктура кардинально изменилась в первой половине XIII в. Церковь и прилегавшее к ней кладбище были вытеснены центральной тор-

Рис. 5. Расположение раскопок на территории Шлезвига

говой площадью. Улицы вели уже к ней, и гавань утратила, судя по всему, былое значение. Из многочисленных причалов, существовавших с конца XI по XII в., теперь действовал только один. Описанные результаты исследования рассматриваются с момента их получения как доказательство упадка Шлезвига в XIII в. и его планомерного превращения в «Gründungsstadt» (Radtke, 2007).

В отличие от многочисленных сделанных в рамках этих раскопок находок, изученных и описанных в 17 томах целым рядом исследователей, систематический анализ выявленных археологических комплексов до настоящего момента ещё не проводился. В связи с этим картина развития преемника Хедебю (и особенно порта) остаётся нечёткой, а многочисленные вопросы остаются без ответа (Vogel, 1983).

Наиболее древний археологический комплекс, дендрохронологически датированный 1071 г., относится к застройке на Шильде («Щите») – участке к северу от современной торговой площади. В 1080-х гг. в окрестностях гавани были сооружены первые пристани и так называемые «причалы». Однако в отличие от причалов Хедебю, они представляют собой не возведённые на сваях платформы, а имеют стенки-переборки из колотых досок наподобие кессонов. Эти конструкции были заполнены хворостом и землёй. Ширина таких «мостков» достигала 10 м и, благодаря их наращи-

Рис. 6. Реконструкция гавани в Шлезвиге

ванию в 1090-х гг., – длины до 45 м (рис. 6). Промежутки между этими, считавшимися причалами, постройками были очень узкими, так что корабль к ним пристать не мог бы. На этих «мостках» были возведены постройки, функция которых пока остаётся невыясненной (Kalmring, 2010b, p. 73–76). Поселение располагалось за гаванью и характеризовалось высокой плотностью застройки. Здесь речь идёт о наземных деревянных жилищах с каркасной конструкцией, встречавшихся в единичных случаях уже в Хедебю. Сочетание портовых сооружений, деревянных мостовых и высокой плотности застройки позволяют рассматривать территорию гавани в качестве хозяйственного центра Шлезвига.

На расстоянии 70 метров от центра в ходе раскопок было выявлено кладбище XI–XII вв., прилежавшее, вероятнее всего, к церкви. Обнаруженный неподалёку булыжный фундамент небольшой трёхнефной церкви датируется XIII в. и принадлежит церкви Св. Николая.

Фундамент ещё одной церкви был обнаружен под брусчаткой современной Ратушной площади. К этой церкви также прилегало кладбище. На участках к северу и югу от Ратушной площади обнаружены остатки построек XI–XII вв.

Деревянные мостовые и границы земельных участков этого периода никаким образом не соотносятся с расположением совре-

менных улиц или рыночной площади. Причиной этого является радикальное изменение городской застройки в первой половине XIII в., прослеживающееся почти во всех раскопах. Так, в конце 1230-х гг. на большей части территории гавани был возведён монастырь ордена доминиканцев, просуществовавший до времён Реформации. Обнаруженные под брусчаткой Ратушной площади церковь и кладбище при ней также прекратили своё существование, а на их месте возникла современная рыночная площадь. Также изменилась и структура застройки жилых кварталов: расположение улиц и парцелл было ориентировано теперь на рынок.

Этим же временем датируется и основание монастыря ордена францисканцев, так называемого Серого монастыря неподалёку от рыночной площади. На месте монастырской церкви Св. Павла в 1794 г. была возведена городская ратуша. Проведение раскопок на территории монастыря должно было в первую очередь дать ответ на вопрос, верен ли сделанный на основании анализа письменных источников вывод о былом расположении на этом месте дворца датского короля. В ходе раскопок, действительно, были обнаружены фундамент башни и зальной постройки, датируемые второй половиной XII в. Более древние и на настоящий момент ещё не датированные остатки фундаментов свидетельствуют и о наличии построек-предшественников. Расположение королевского дворца на территории Серого монастыря тем самым считается доказанным (Radtke, 1977).

Особенно увлекательным было проведение небольших исследований на территории Шлезвигского собора. Шлезвигское епископство было основано в 948 г., однако первые следы строительства на территории каменного собора датируются только XII в. К сожалению, выявить на внутренней площади собора более древние объекты не представилось возможным, так как культурный слой был большей частью разрушен при сооружении склепов.

К северу от Старого города стояла на возвышении построенная в романском стиле церковь Св. Михаила. Она относилась к закрытому уже в 1192 г. монастырю Св. Михаила ордена бенедиктинцев. Необычна форма ротонды, позволяющая предположить (археологических доказательств чего, однако, ещё нет), что церковь существовала уже до основания монастыря.

Являющийся сегодня одним из кварталов Старого города остров Хольм был заселён самое позднее в XII в. Здесь стояла церковь Св. Марии, упомянутая наряду с другими церквями Шлезвига в одной из грамот короля Кнуда. Восточнее поселения в XIII в. возник женский монастырь Св. Иоанна ордена бенедиктинцев.

Городские укрепления Шлезвига состояли из земляного вала и рва и были сооружены, вероятно, уже в XII в. На расположенном

посреди бухты Шлай острове Мёвенинзел (острове Чаек) в XII–XIII вв., вероятнее всего, располагался упомянутый в письменных источниках замок Юргенсбург. У него было сразу несколько функций: он служил укреплением королевского дворца, был тюрьмой, а также таможенным и портовым контрольным пунктом. Хотя наличие мостов между Мёвенинзел и северным берегом бухты уже доказано, их датировка на данный момент ещё не проведена. Также и древности замка не изучены на сегодня в степени, достаточной для их достоверного соотнесения с описанными в письменных источниках (Radtko, 1977).

На основании коротко и эпизодично изложенной истории средневекового города Шлезвиг можно сделать два главных вывода: с одной стороны, богатый материал проведённых археологических раскопок имеет большой потенциал для реконструкции истории города, с другой – изучение многих объектов (в первую очередь, выявленных в ходе раскопок на территории гавани) всё ещё представляет собой предмет исследований в будущем.

Между викингами и Ганзой: внутренняя часть бухты Шлай в европейской торговой сети XI в.

Несмотря на то, что XI в. являет собой в археологии северной и восточной части Центральной Европы чётко прослеживаемый переходный период, терминами «археология эпохи викингов», «археология славян» и «археология Средневековья» в первую очередь выражены границы этапов научно-исторического и политического развития. В соответствии с этим изучению временного отрезка между концом I и началом II тыс. н.э. посвящено только небольшое количество работ. Традиционно между «эпохой викингов» и «славянским периодом», с одной стороны, и «эпохой Ганзы», с другой, пролегает граница, остающаяся неприкосновенной как с точки зрения методики исследования, так и по сути. Это проявляется также и на уровне состояния исследований, так как по сравнению с ранним и поздним Средневековьем только немногие памятники развитого Средневековья систематически изучены на настоящий момент.

В связи с этим не вызывает удивления тот факт, что как программы многочисленных проектов и коллоквиумов (например, Brandt, Müller-Wille, Radtko, 2002; Jöns, 2009; Sindbæk, i. Dr.; Kleingärtner, i. Dr.) не включают в себя фазу развитого Средневековья, так и археология и историография редко учитывают ранне-средневековые результаты (Gläser, 1997; Jahnke, 2010). Шлезвиг заполняет этот переходный и пограничный период, характеризуемый, с одной стороны, упадком больших торговых эмпорий

(в случае Хедебю изучение XI в. стало возможным только в свете проведённых в последние годы исследований) и возникновением позднесредневековой городской культуры северо-западного образца, с другой. Он входит в структуру таких скандинавских памятников, как Сигтуна или Лунд, и одновременно демонстрирует особенности, ставящие его в один ряд с такими восточно-европейскими центрами, как Штеттин (Щецин), Гданьск или Даугмале (Callmer, 2007; Vuko, 2010). Археологические находки и комплексы XI в. в Шлезвиге свидетельствуют о наличии связей с международными раннесредневековыми путями коммуникации и торговли и несут на себе, в первую очередь, отпечаток восточной части бассейна Балтики, а также истоков культуры, описываемой в археологии как «ганзейская» (Gaimster, 2011). При этом необходимо отметить, что в современной историографии, а также в археологии не только материальные свидетельства присутствия Ганзы (Mehler, 2009; Müller, i. Dr.), но и представления о её роли в процессе урбанизации подвергаются критике (Jahnke, 2009).

Хедебю и Шлезвиг характеризуются сегодня не только как вехи раннесредневековой археологии Северной Европы, но и как определённые фазы развития на пути становления средневекового города. Хедебю считается синонимом поселенческого центра с городской структурой, который в зависимости от конкретной перспективы и состояния исследований характеризуется сегодня и будет характеризоваться в будущем как «протогород», «городской и ремесленный центр», «центр морской торговли», или «эмпорий». Шлезвиг известен как морской город со сложившимся городским правом, «основанный» в XI в., значительно раньше позднесредневековых морских городов южного побережья Балтийского моря, которые, в свою очередь, в XI–XII вв. радикально отличались от таких позднесредневековых «Gründungsstädte», как Любек. Высказываемые ранее тезисы об упадке Хедебю и возвышении Шлезвига (Radtke, 2007; Radtke, 2009) должны восприниматься с определённой осторожностью в свете результатов новейших археологических разведок и раскопок, а также с учётом на настоящий момент немногочисленных изученных археологических объектов на территории Шлезвига.

Эта проблематика стоит в центре нового исследовательского проекта, в рамках которого должны быть изучены взаимосвязь Хедебю и Шлезвига, а также наличие или отсутствие преемственности между ними. Опробованные в ходе анализа обнаруженных при раскопках в Хедебю археологических объектов цифровые методы будут применены теперь при исследовании Шлезвига.

Объектом исследования являются четыре коллекции архивных документов и находок, хранящиеся в Археологическом музее

федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн: в случае Шлезвига это документация проведённых в 1970–1984 гг. раскопок на объектах «Плессенштрассе» и «Хафенштрассе», а также уже оцифрованные документы и находки с исследованного в 2007 г. объекта «Хафенганг». В случае Хедебю это документация и находки, сделанные в ходе раскопок в 2005–2010 гг., а также находки из металла, обнаруженные в ходе методичного сбора подъёмного материала с применением металлодетекторов.

Шлезвиг: раскопки на Плессенштрассе, Хафенштрассе и Хафенганг

На участках проведения раскопок по адресам Плессенштрассе, 83/3 и Хафенштрассе, 13 в 1970–1977 и 1983–1984 гг. были обнаружены археологические объекты – элементы средневековой гавани. Проведение их дендродатирования позволяет рассчитывать на получение чётких представлений о развитии как набережной и причалов, так и примыкающей к порту инфраструктуры и жилой застройки поселения в последнюю треть XI в. (рис. 7).

Рис. 7. Деревянные конструкции, окаймляющие причал в гавани Шлезвига

Раскопки в районе Плессенштрассе проходили на площади 55×70 м, почти полностью исследованной путём закладки нескольких раскопов. Культурный слой исследовался по искусственно определённым горизонтам толщиной 15 см. Расположение деревянных находок, камней и участков с изменённой окраской почвы каждого горизонта фиксировалось на цветных рисунках в масштабе 1:20. На эти же рисунки наносилась такая информация об объектах, как номера проб, отметки высот и описания, что позволяет без труда привязать эти данные к отдельным объектам. Аналогичным образом документировались на цветных рисунках масштаба 1:20 профили шурфов, также снабжённые описаниями отдельных горизонтов. Тщательно зафиксированные высотные отметки делают возможным трёхмерное соотнесение общих планов и профилей раскопов в ГИС – метод, использовавшийся с большим успехом при анализе остатков домов и портовых объектов в Хедебю (Schultze, 2008; Kalmring, 2010 a).

Находки из дерева, кожи и железа были занесены на отдельные карточки с указанием координат места их обнаружения. Распределение объектов из кости и рога нанесено на отдельный план.

Кроме того, документация содержит 21 крупноформатный план с нанесённым расположением выбранных для отбора проб деревянных объектов, 70 детальных рисунков преимущественно деревянных конструкций, а также многочисленные фотографии и диапозитивы. Рисуночный материал систематизирован и рассортирован по раскопам.

Раскопки на участке Хафенштрассе, 13 были проведены по той же схеме, состав и качество документации соответствуют вышеописанным. Документация представлена 61 крупноформатным рисунком общего плана, 27 крупноформатными рисунками профилей, 12 крупноформатными планами с нанесённым расположением отобранных для проб деревянных объектов, многочисленными детальными рисунками, а также многочисленными фотографиями и диапозитивами.

Со 2 января до 29 июня 2007 г. сотрудники Археологического музея федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн исследовали на территории шлезвигского Старого города восточнее территории портовых раскопок, проведённых Ф.Фогельс, участок площадью около 200 кв. м (Хафенганг 11, Шлезвиг ЛА 153, руководитель проекта д-р Вилли Крамер, руководитель раскопок магистр Филип Лют); документирование раскопок проводилось с использованием цифровых методов (компьютерная база данных, ГИС). Благодаря последовательному использованию металлодетекторов, количество обнаруженных объектов из металла многократно превысило количество находок, сделанных в ходе раскопок 1960–1980-х гг.

Количество находок возросло ещё больше, когда по завершении раскопок, проходивших с мая по июль 2007 г., были дополнительно промыты около 80 куб. м культурного слоя.

Особенностью данных раскопок была необычно хорошая сохранность органики, в особенности деревянных элементов конструкций. Они были задокументированы фотосъёмкой, графически, фотограмметрически, а также фиксацией их положения в трёх измерениях. Кроме того, Бюро по маркшейдерскому обеспечению дважды провело трёхмерное лазерное сканирование обоих раскопов. Фиксация на рисунках и фотограммах 12 профилей сделала возможной реконструкцию стратиграфии. Дендрохронологическому анализу подвергнуто на сегодня 82 из 141 отобранной пробы дерева, пробы из ещё 32 деревянных объектов пока не взяты.

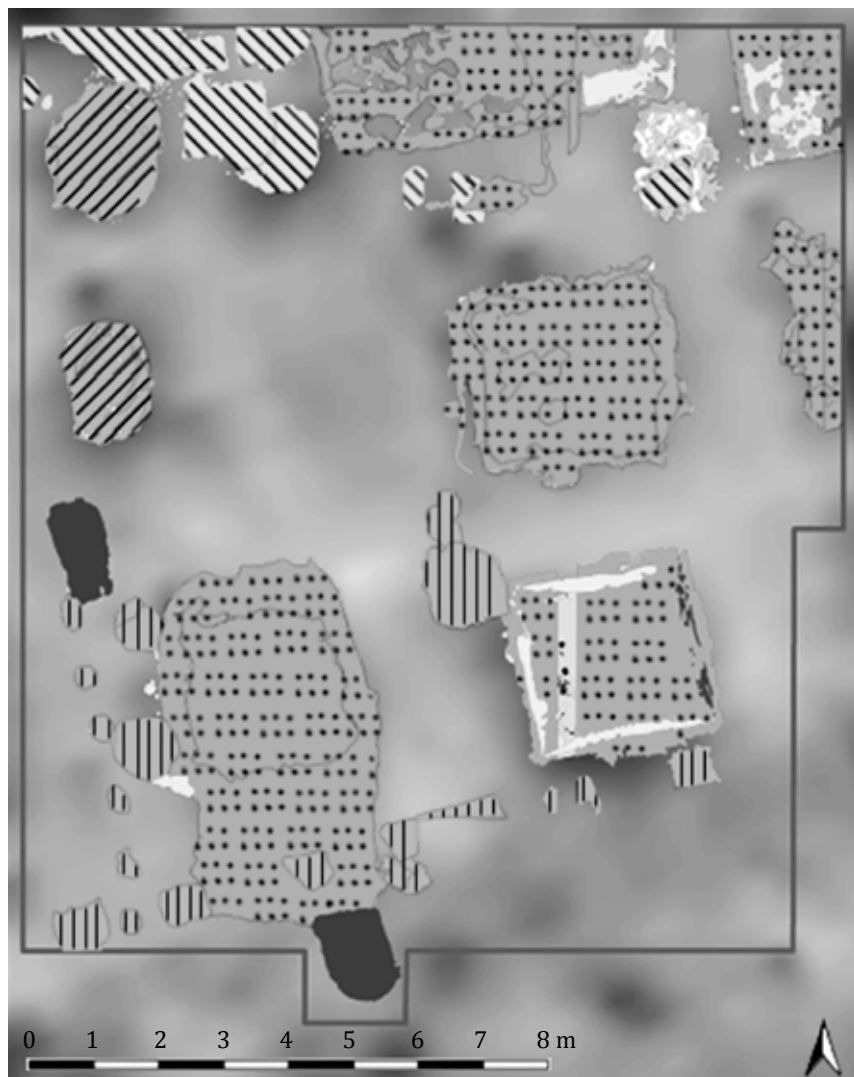
Между тем полностью реставрированный и инвентаризированный археологический материал датируется преимущественно XI–XII вв. и имеет огромный научный потенциал. Так, например, до 2007 г. на всех городских раскопах Шлезвига были обнаружены 24 монеты, выпущенные до 1153 г. Только в ходе раскопок на Хафенганг сделаны ещё 73 монетные находки, датируемые этим временем. Спектр находок расширился за счёт многочисленных свидетельств ремесленного (в первую очередь, ювелирного) производства, а также полностью сохранившихся украшений. Их обнаружение делает возможным проведение анализа материала, из которого они изготовлены, а также их сравнение с находками из поздних слоёв Хедебю. Непосредственно к этому спектру исследовательских проблем примыкают рассматриваемые в актуальном проекте аспекты ранней торговли и рыночной активности в Шлезвиге (рис. 8). Обнаруженные монеты будут определены Фолькером Хильбергом и исследованы в сравнении со спектром монетных находок в Хедебю.

Рис. 8. Фибулы в стиле Урнес: слева – из Хедебю; справа – из Шлезвига, Хафенганг

Хедебю: исследование землянок и сбор подъёмного материала с применением металлодетекторов

В 2005–2010 гг. Археологический музей федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн провёл в северо-западном секторе поселения Хедебю на площади 15 × 18 м археологические раскопки, целью

Рис. 9. Общий план раскопок 2005–2010 гг. в Хедебю

которых была проверка результатов геомагнитной разведки поселения, ограниченного дугообразным валом. Руководство проектом осуществлял Фолькер Хильберг, проведением раскопок руководили Дитер Штольтенберг и Астрид Туммушайт (все – сотрудники Археологического музея федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн). В ходе раскопок полностью исследованы три землянки многоэтапной застройки X–XI вв. Обнаружение этих трёх объектов, а также пяти других частично вскрытых землянок свидетельствует о высокой плотности застройки этой части поселения, характеризующейся как ремесленный сектор. Археологический комплекс дополняют два цистерноподобных колодца глубиной до 3,6 м, многочисленные ямы и столбы, а также два погребения. Комплекс зафиксирован в виде 213 рисунков объектов в масштабе 1:20, которые в 2010 г. были оцифрованы и введены в ГИС (рис. 9). Документацию дополняют многочисленные фотографии.

Необычно высокое число находок (14408 отдельных находок с зафиксированным местом обнаружения) стало результатом тщательно проведённых раскопок по естественно образовавшимся горизонтам, а также последовательно выполненного промывания выбранной земли. В ходе раскопок были отобраны многочисленные пробы почвы и макропробы, необходимые как для проведения геофизического сравнительного анализа объектов и результатов проспекции, так и для археоботанических исследований.

Благодаря обнаружению остатков строительных объектов и отдельных находок, впервые для Хедебю были получены данные, позволяющие составить представление о ремесленном производстве и торговле конца эпохи викингов. В первую очередь они освещают события конца X и XI в. Особенное значение имеет сгоревшая около 1000 г. землянка, в которой сохранились многочисленные обгоревшие деревянные элементы строительной конструкции и обстановки, а также свидетельства ремесленного производства. На кострище этой постройки ремесленник оборудовал новую купольную печь, остатки которой наряду с остатками отходов производства также сохранились.

В результате регулярно проводившегося с 1970-х гг. сбора подъёмного материала сформированы богатые археологические коллекции, в которых, однако, лишь немногочисленные находки являются датирующими. Для заполнения этого пробела в картине исследования по завершении геомагнитной проспекции 2002 г. был начат системный сбор подъёмного материала с использованием металлодетекторов. Благодаря применению инновационных методов проведения проспекции, в 2003–2007-х гг. было обнаружено 11 495 находок из металла (в том числе находки Нового времени и современный мусор), место обнаружения которых было

также зафиксировано. Исследования под руководством Фолькера Хильберга проводились совместно с группой датских археологов-любителей (Bornholmske Amatørgarkæologer) с о. Борнхольм и недавно образованной при Археологическом музее федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн группой любителей – владельцев металлодетекторов. Почти все обнаруженные находки уже отреставрированы и частично зарисованы. Каждая находка привязана к месту обнаружения с использованием ГИС, что делает возможным проведение пространственного анализа.

Для таких отдельных групп находок, как украшения, отдельные некрупные находки – хронологические индикаторы (оружие и элементы снаряжения всадника, украшенные в зверином стиле предметы и т. д.) и монеты, существуют составленные в программах Access и Excel базы данных и таблицы. Этот археологический материал был частично предоставлен для написания экзаменационных работ в университетах Киля, Орхуса, Оксфорда и Лунда. Определение монет проводится в настоящий момент Фолькером Хильбертом, Лютцом Илисшем (специалист по исламской нумизматике в Тюбингенском университете) и Ральфом Вихманном (Монетный кабинет в Гамбурге). На настоящий момент полностью описаны и отражены в публикациях только украшения из свинца и олова (Ansprach, 2010).

Обращаясь к этой коллекции, исследователи впервые для Хедебю имеют дело с хорошо датируемыми и образующими типологические ряды украшениями из металла, одна часть которых имеет типично скандинавский характер, а в другой – особенно ярко проявляется влияние франкского (немецкого) континента. В фокусе исследовательского проекта находятся многочисленные и имеющие большое научное значение находки XI в., происходящие из потревоженных после оставления поселения в 1060 гг. наиболее поздних горизонтов культурного слоя Хедебю.

Методы исследования

В контексте истории и современности бассейна Балтийского моря проводится исследование структур и процессов, для описания которых могут быть использованы такие термины, как «центр – периферия» и «европеизация – регионализация», а также «коммуникационное пространство» и «морская культура».

Исследования проводятся на двух взаимопересекающихся уровнях. На локальном уровне в фокусе изучения находится внутренняя структура поселений Шлезвиг и Хедебю. Обнаруженные на этом уровне отражения социальных и культурных процессов должны быть исследованы и интерпретированы на макроструктурном уровне в качестве коммуникационных структур. Таким об-

разом будут исследованы как вопросы локального уровня, так и аспекты межкультурных взаимодействий.

В частности, должны быть сделаны следующие методические шаги:

1) системный анализ археологических комплексов и находок всех четырёх коллекций (описание, измерение, оцифровка);

2) реконструкция стратиграфии, в первую очередь, на основании ключевых археологических объектов (трёхмерное изображение и соотнесение с их атрибутами в ГИС);

3) проведение естественнонаучного анализа отобранных находок (археометаллургия, химический, радиоуглеродный и дендрохронологический анализы);

4) межрегиональный сравнительный анализ археологических комплексов и находок на основании опубликованных и неопубликованных данных.

Для анализа находок наряду с ГИС должны также использоваться методы изучения коммуникационных сетей. Сравнительный анализ осуществляется как диахронно, так и синхронно.

Описываемая термином «оцифровка» методика пространственного переноса данных о находках включает в себя этапы сканирования, геореференцирования и оцифровки зафиксированных на рисунках объектов (участков с изменённым цветом почвы, горизонтов, деревянных объектов, камней), происходящих из раскопок в Шлезвиге на участках «Плессенштрассе» и «Хафенштрассе», а также атрибуцию оцифрованных геометрических единиц с данными находок (нумерацией, результатами анализа, описаниями археологических объектов).

Так как каждый раскоп зарисовывался на нескольких планах, вертикально расположенные объекты неоднократно фиксировались на рисунках. Несмотря на обусловленное этим увеличение времени на оцифровку, применение такого подхода делает возможным трёхмерное изображение и анализ объектов.

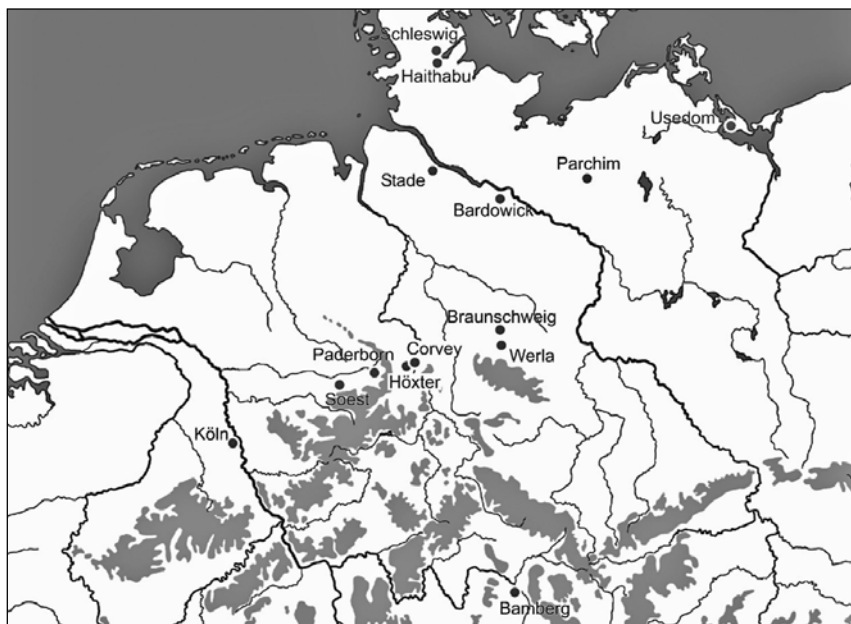
Присутствие металлов и их сплавов может быть выявлено благодаря идентификации химических элементов переносным рентгенофлюоресцентным спектрофотометром. Для проведения фазового и структурного анализов методом поляризационной и растровой электронной микроскопии шлифовкой отбираются образцы с поверхности тиглей, шлаков и объектов из металла. Место происхождения металлов может быть установлено только химическим анализом и анализом изотопов свинца. Для отбора проб с хрупких экспонатов используется метод лазерной абляции. Химический микроанализ может быть проведён с применением растровой электронной микроскопии и микрозонда из сфокусированного пучка электронов. Отбор проб и анализ проводился в Археологическом

музее федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн, Германском музее горного дела в Бохуме, в Институте наук о Земле университета им. Иоганна Вольфганга Гёте во Франкфурте-на-Майне и в Институте неорганической химии университета им. Лейбница в Ганновере.

Химический анализ стекла проводится путём комбинированного применения микрозонда из пучка электронов с различной длиной волны для определения химических элементов главных и побочных подгрупп и масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой и лазерной накачкой. Применение этих методов позволяет получить качественные пробы в течение сравнительно малого времени с одновременно минимальным объёмом проб и тем самым с минимальным повреждением объекта. Отбор образцов стекла и анализ стеклянных объектов проводится в отделении геохимии Центра наук о Земле Гёттингенского университета.

Перспективы исследования

Описанные исследования начаты в 2012 году. В рамках научно-сотрудничества в них участвуют лаборатории археометаллургии университета и Музея горного дела в Бохуме и лаборатория

Рис. 10. Участники совместного исследовательского проекта «Между викингами и Ганзой»

химии стекла Гёттингенского университета, а также восемь музеев Германии (рис. 10). Нашей целью является также подключение к работе коллекций других североευропейских музеев и исследовательских институтов. К ним относятся, например, коллекции находок из Новгорода, Волина, Бергена, Тронхейма или Норвича.

Перспектива международного сотрудничества предопределяет и намечаемые цели. Так, мы намереваемся не только подготовить наши коллекции для дальнейших исследований и сравнительного анализа, но и внести свой вклад в развитие знаний в области изучения истории Северной Европы. Если благодаря нашему проекту границы между эпохой викингов и Средневековьем станут более прозрачными, то мы будем считать, что достигли ещё одной важной цели.

Источники и литература

Карнап-Борнхайм К. фон, Хильберг Ф., Кальмринг С., Шульце Й., 2010. Хедебю, поселение и порт: старые материалы и новейшие исследования // *Российская археология*. №1. С. 53–63.

Anspach B., 2010. Die Bleifunde von Haithabu // C. von Carnap-Bornheim (Hrsg.). *Studien zu Haithabu und Füsing. Die Ausgrabungen in Haithabu 16*. Neumünster. S. 13–128.

Arents U., Eisenschmidt S., 2010. Die Gräber von Haithabu. *Ausgrabungen in Haithabu 15*. Neumünster.

Brandt K., 2006. Portage at the base of Jutland during the Viking Period and the Middle Ages // Christer Westerdahl (ed.). *The Significance of Portages. Proceedings of the First International Conference on the Significance of Portages, 29th Sept – 2nd Oct 2004, Lyngdal, Vest-Agder, Norway*. BAR Intern. Ser. 1499. Oxford. P. 53–63.

Brandt K. (Hrsg.), 2012. *Hollingstedt an der Treene. Ein Flusshafen der Wikingerzeit und des Mittelalters für den Transitverkehr zwischen Nord- und Ostsee*. Schriften des Archäologischen Landesmuseums 10. Neumünster.

Brandt K., Müller-Wille M., Radtke C. (Hrsg.), 2002. *Haithabu und die frühe Stadtentwicklung im nördlichen Europa*. Schriften des Archäologischen Landesmuseums 8. Neumünster.

Buko A. (ed.), 2010. *Making a medieval town. Patterns of early medieval urbanization*. Warszawa.

Callmer J., 2007. *Urbanisation in Northern and Eastern Europe, ca. 700–1100* // Henning J. (Hrsg.). *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium = Millennium-Studies 5:1*. Berlin; New York. P. 233–302.

Gaimster D., 2011. *Archaeology of a trade network: the Hanseatic League, 1200–1500 AD* // Carver M., Klápště J. (Hrsg.). *The Archaeo-*

logy of Medieval Europe = Acta Jutlandica Humanities Series 2011/9. Aarhus. P. 340–349.

Gläser M. (Hrsg.), 1997. Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hanseraum I. Lübeck.

Hilberg V., 2007. Haithabu im 11. Jahrhundert. Auf der Suche nach dem Niedergang eines dänischen emporiums der Wikingerzeit // Poselt M., Zick-graf B., Dobiak C. (Hrsg.). Geophysik und Ausgrabung. Einsatz und Auswertung zerstörungsfreier Prospektion in der Archäologie. Internationale Archäologie – Naturwissenschaft und Technologie 6. Rahden. S. 187–203.

Hilberg V., 2008. Hedeby – an outline of its research history // S. Brink, N. Price (eds.). The Viking World. London. P. 101–111.

Hilberg V., 2009. Hedeby in Wulfstan's days // A. Englert, A. Trakadas (eds.). Wulfstan's Voyage. New Light on Viking-Age Seafaring within the Ethnic Geography of Mare Balticum. Maritime Culture of the North 2. Roskilde. P. 79–113.

Jahnke C., 2009. The Influence of the Hanseatic League on the Cities in the North-Sea and the Baltic-Sea Area. Some Reflections on the Triad «Trade – Cities – Hanseatic League» // Kieffer-Olsen J., Kristian Madsen P., Radtke C. (eds.). Archaeology of Medieval Towns in the Baltic and the North Sea. Copenhagen. P. 51–64.

Jahnke C., 2010. Handelsnetze im Ostseeraum // Fouquet G., Gilomen H.-J. (Hrsg.). Netzwerke im europäischen Handel des Mittelalters = Vorträge und Forschungen 27. Ostfildern. S. 145–185.

Jankuhn H., 1986. Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumünster.

Jöns H., 2009. Ports and emporia of the southern H. coast from Hedeby to Usedom and Wolin // Englert A., Trakadas A. (Hrsg.). Wulfstan's Voyage. The Baltic Sea region in the early Viking Age as seen from ship-board. Maritime Culture in the North 1. Roskilde. P. 160–181.

Kalmring S., 2010 a. Der Hafen von Haithabu. Die Ausgrabungen in Haithabu 14. Neumünster.

Kalmring S., 2010 b. Dorestad Hoogstraat from a Hedeby/Schleswig point of view // Willemsen A., Kik H. (Hrsg.). Dorestad in an international frame-work. New research on centres of trade and coinage in Carolingian times. Turnhout. P. 68–81.

Kleingärtner S., i. Dr. Die frühe Phase der Urbanisierung an der südlichen Ostseeküste im Frühmittelalter. Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. (Neumünster).

Mehler N., 2009. The perception and identification of hanseatic material culture in the North Atlantic. Problems and suggestions // Journal of the North Atlantic Special Volume 1: Historical Archaeology in the North Atlantic: World Systems, Colonialism and Climate. P. 89–108.

Müller U., 2010. Trading Centres – Hanseatic Towns at the southern Baltic coast: structural continuity or restart? // Ludowici B., Jöns H., Kleingärtner S., Scheschkewitz J., Hardt M. (Hrsg.). Trade and Communication Networks of the 1st Millennium AD in the northern part of Central Europe – central places, beach markets, landing places and trading. Neue Studien zur Sachsenforschung 1. Hannover. P. 115–140.

Müller U., i. Dr. «Materielle Kultur» + «Hanse» = «Hansekultur». Zum Umgang der Mittelalterarchäologie mit einem Konstrukt // Schneider M., Müller U. (Hrsg.). Festschrift für Manfred Gläser. (Lübeck).

Müller-Wille M., 2007. Hedeby in Ohthere's time // Bately J., Engler A. (eds.). Ohthere's Voyages. A late 9th-century account of voyages along the coasts of Norway and Denmark and its cultural context. Maritime culture of the North 1. Roskilde. P. 157–165.

Radtke C., 1977. Aula und castellum. Überlegungen zur Topographie und Struktur des Königshofes in Schleswig // Beiträge zur Schleswiger Stadtgeschichte 22. S. 29–47.

Radtke C., 2007. Schleswig ca. 1000 – 1250. Systemtheoretische Skizzen eines Urbanisationsprofils // Burmeister S., Derks H., von Richthofen J. (Hrsg.). Zweiundvierzig: Festschrift für Michael Gebühr zum 65. Geburtstag. Rahden/Westf. S. 317–338.

Radtke C., 2009. Haithabu. Perspektiven einer Stadtentwicklung in drei Stationen – 800, 900, 1000 // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters 37. S. 135–162.

Schultze J., 2008. Haithabu – Die Siedlungsgrabenungen. I. Methoden und Möglichkeiten der Auswertung. Die Ausgrabungen in Haithabu 13. Neumünster.

Sindbæk S.M., i. Dr. Viking Disruptions or Growing Integration? Contextualising Communication Networks in the 10th century North Sea // Kleingärtner S., Zeillinger G. (Hrsg.). Raumbildung durch Netzwerke. Der Ostseeraum zwischen Wikingerzeit und Spätmittelalter aus archäologischer und geschichtswissenschaftlicher Perspektive. Beihefte Zeitschrift Archäologie des Mittelalters. (Bonn).

Vogel V., 1983. Archäologische Stadtkernforschung in Schleswig 1969–1982 // Vogel V. (Hrsg.). Ausgrabungen in Schleswig. Berichte und Studien 1. Neumünster. S. 9–54.

Vogel V., 1997. Schleswig – Stadt und Hafen im 11./12. Jahrhundert // de Boe G., Verhaeghe F. (Hrsg.). Travel Technology & Organisation in Medieval Europe. Papers of the 'Medieval Europe Brugge 1997' Conference. Vol. 8. I. A. P. Rapporten 8. Zellik. P. 91–99.

Vogel V., 1999. Der Schleswiger Hafen im hohen und späten Mittelalter // Bill J., Clausen B.L. (Hrsg.). Maritime Topography and the Medieval Town. Papers from the 5th International Conference on Waterfront Archaeology in Copenhagen, 14–16 May 1998. PNM Studies in Archaeology & History 4. Copenhagen. P. 187–198.

По следам чуди заволочской (средневековые древности Тотемского края)

В 2009 году исполнилось 60 лет со дня рождения вологодского археолога Н. В. Гуслистова. В истории вологодской археологии его имя связано с началом целенаправленных масштабных археологических исследований на региональном уровне, с зарождением вологодской археологической школы. Данная статья посвящена проблемам и результатам современных исследований по одной из тем, разрабатывавшихся Николаем Васильевичем.

Основной сферой научных интересов Н. В. Гуслистова была проблематика чуди заволочской. Чудь заволочская – население северо-восточной части Древней Руси, впервые упоминаемое в XII в. в Повести временных лет среди неславянских народов. Подробная историография вопроса рассматривалась нами ранее (Иванищева, 1995; 1996).

«Изучение упоминаемой летописями чуди заволочской заметно отстало от изучения соседей – предков коми-зырян и мари, мери, веси и карел. Ответы на важнейшие вопросы социально-экономической и этнической истории дославянского населения Русского Севера могут быть получены только при комплексном анализе письменных, лингвистических и этнографических источников с опорой на материалы археологии». Так были сформулированы задачи исследований по проблеме чуди заволочской Николаем Васильевичем Гуслистовым в 1979 году. По его данным, в бассейнах рек Сухоны и Ваги с 1869 по 1977 г. было выявлено свыше 20 памятников и местонахождений с вещами финно-угорского характера (Гуслистов, 1979).

В ходе целенаправленных поисков памятников этого загадочного населения Н. В. Гуслистовым были осмотрены средневековые городки в бассейнах р. Юг и р. Сухоны (Никитин, Гуслистов, 1976; Гуслистов, 1977), произведены раскопки городища Чудин вал на р. Сямжене (Гуслистов, 1978), проверены данные Н. А. Черницына о могильниках и местонахождениях финно-угорских древностей на р. Сухоне и р. Кокшеньге (Черницын, 1966; Гуслистов, 1980). В ходе работ Гуслистова 1977–1979 гг. обследованы шурфами и осмотрены места возможного расположения могильников: Круглецкого, Старототемского, Пустошинского, Большеноренгского, Кудринского (Тотемский район); Новгородовского, Ульяновского и Долговицкого (Тарногский район). Ко времени обследования большин-

ство из них уже оказались уничтожены. Небольшим раскопом на Старототемском городище было частично исследовано кладбище XV–XVI вв. (Гончарова, 1995). Лишь на р. Сондуге в верховьях Важского бассейна были собраны полноценные материалы – локализован Марьинский могильник, исследовавшийся в 1920-е гг. Н. А. Черницыным (рис. 1). В 1979 г. Н. В. Гуслистовым предприняты широкомасштабные работы по исследованию Марьинского и

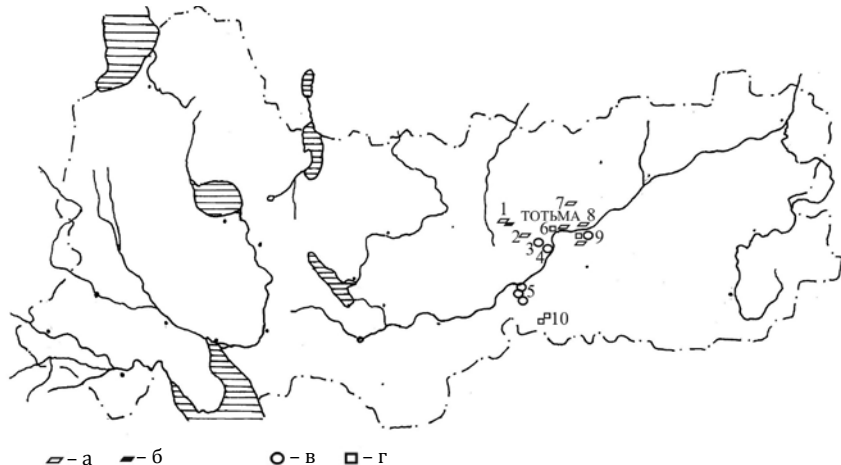

Рис. 1. Средневековые памятники Тотемского района на карте-схеме Вологодской области:

а – обследованные Н. В. Гуслистовым;
б – выявленные (могильники);
в – поселения, селища;
г – городища.

- 1 – могильники Марьинский и Семёновский на р. Сондуге, XIII–XIV вв.;
- 2 – могильник Кудринский на р. Вожболе, XIII в.;
- 3 – поселение Царева 1 (Задняя), XI–XII вв.;
- 4 – поселение Усть-Царевская II (Левобережная), V–VIII вв.;
- 5 – селище Красное IV (Красное) на Толшме, первая половина I тыс. н. э., VI–VIII вв., начало II тыс. н. э.;
 селище Красное IIа, Средневековье;
 селище Красное III (Семь Сосен), РЖВ – Средневековье;
- 6 – городище Тотемское, XVI в.;
- могильник Круглецкий (не обнаружен);
- 7 – могильник Пустошинский, XII–XIII вв. (разрушен);
- 8 – могильник Большеноренгский (разрушен);
- 9 – городище Старототемское, XIV–XVI вв.;
- поселение Старототемское, XII–XIII вв.;
- могильник Старототемский, XIV–XVI вв.;
- 10 – городище Успенское (Верхне-Толшемское), XVI–XVII вв.;
- городище Боярское, начало XVII в.

открытого в том же году Семёновского могильников (Гуслистов, 1980). Полученные материалы позволили уточнить датировку памятников, был собран многочисленный вещевой инвентарь.

Обобщить накопленный материал Николай Васильевич не успел. Из работ, посвящённых теме чуди заволочской, опубликованы лишь его доклад на конференции в г. Кирове в 1978 г. и тезисы доклада на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов в Сыктывкаре в 1979 г. по результатам работ на Марьинском могильнике (Гуслистов, 1979). Уже после смерти Николая Васильевича его женой и учениками опубликованы результаты исследований 1978–1979 гг. (Гуслистов, 1995).

Археологические материалы, полученные Николаем Васильевичем, до сих пор привлекаются исследователями для решения вопросов, связанных с характером и временем древнерусской колонизации Русского Севера. Однако единого мнения по проблемам, связанным с чудью заволочской, у исследователей нет и сегодня. Практически единым является представление о локализации Заволочья к востоку от озёр Белого и Онежского в левобережье Северодвинского бассейна. Предполагается, что по р. Северной Двине проходило пограничье с территорией обитания населения, именуемого летописями как пермь, а западнее, на территории Белозерья, обитала летописная весь. Оценка археологических материалов и этническая атрибуция чуди заволочской также неоднозначна.

Николай Васильевич, так же как и Н. А. Черницын, полагал, что исследованные могильники оставлены местным финно-угорским населением, подвергшимся влиянию древнерусской колонизации. Он отмечал близость выявленных материалов памятникам лузской пермцы, подчёркивая, что на водоразделах слияние местного финно-угорского и славянского населения произошло на 2–3 столетия позднее, чем по крупным путям сообщения, какими являются реки Сухона и Вага (Гуслистов, 1979).

Другая точка зрения на чудские древности Заволочья в целом высказана Н. А. Макаровым. В 1980-е гг., занимаясь проблемами древнерусской колонизации Русского Севера, Николай Андреевич продолжил поиски средневековых памятников, в том числе в бассейнах Сухоны, Ваги и Северной Двины. В пределах Тотемского района им проведена шурфовка поселения в устье реки Царевы, где в ходе раскопок 1920-х гг. Н. А. Черницыным были обнаружены материалы второй половины I тыс. н.э. Шурфовкой в районе Старототемского городища Н. А. Макаровым выявлено поселение с лепной и гончарной керамикой. Однако яркого самобытного материала не было обнаружено, что привело исследователя к определённым выводам. К особенностям материальной культуры населения середины – третьей четверти I тыс. н.э. Юго-Восточного

Прионежья Н.А.Макаров отнёс своеобразие керамики, имеющей аналогии в прибалтийско-финских древностях, в силу чего утвердилась точка зрения о значительном прибалтийско-финском компоненте в материальной культуре населения среднего Посухонья этого времени (Макаров, 1986). Однако большинство из добытых Черницыным металлических вещей (в числе которых часть бантовидной накладки из бронзы, серебряная фибула с эмальями, железные нож и бронзолитейный инструмент) находят аналогии в дьяковских древностях и древностях веси, поволжско-финском в своей основе этносе, что убедительно демонстрируют исследования А.Н.Башенькина в Юго-Западном Белозерье. В пределах южной части исторического Заволочья долгое время не были известны памятники раннего Средневековья, что послужило основанием для представлений о слабой заселённости этих территорий до славяно-русской колонизации (Макаров, 1993, с. 102–104).

По мнению Н.А.Макарова, этноним «чудь заволочская» является собирательным, относящимся к различным группам финно-угорского населения, обитавшего на обширной территории Заволочья. Все памятники, связываемые с чудью заволочской, относятся к периоду активной колонизации Севера древнерусским населением. В составе колонистов, устремившихся в Заволочье с промыслово-охотничьими целями, были и белозерская весь, и выходцы из Приладожья, и меря Верхнего Поволжья, а также другие группы населения, принёсшие разнородные финно-угорские элементы культуры в Заволочье, что отразилось в материалах известных могильников. Местное же население было малочисленным и быстро смешалось с пришельцами, восприняв их культуру (Макаров, 1993, с. 101–104). Данное мнение отразило, прежде всего, слабость источниковой базы: малочисленность памятников, достаточно узкий хронологический диапазон и односторонность имевшихся до начала 1990-х гг. материалов. Не были известны поленческие комплексы.

В 1991 г. в ходе археологических разведок по обследованию территории Тотемского района нами открыто, а в 1993–1994 гг. раскопано широкой площадью поселение Царева 1 (Задняя) (Иванищева, 1996). Оно расположено в 12 км выше устья р. Царевы на её левом берегу в 6,5 км к юго-западу от д. Задняя. В ходе раскопок выявлены остатки небольшого поселения площадью около 2000 кв. м, возникшего на месте предшествовавшего ему поселения раннего железного века, с которым связаны находки двушипного наконечника стрелы и миниатюрного сосуда с «ушками», аналогии которому известны в гляденовских древностях. С культурным слоем средневекового поселения связано несколько объектов. В их числе две постройки срубной конструкции: одна

жилая, другая жилищно-производственная. Пол построек слегка заглублён в материк, обе обогревались печами-каменками. Размеры одной, полностью исследованной, – 4×4 м. Выявлены также очаги в корытообразных ямах, являвшиеся, по-видимому, обогревательными устройствами для другого типа построек.

Инвентарь поселения характеризуется наличием как вещей, традиционно связываемых с финно-угорским миром, так и изделий общеевропейских типов. Финно-угорский характер поселения не вызывает сомнения по находкам специфических бронзовых украшений (привески-лапки и спиралевидного украшения на шерстяном шнуре) (рис. 2: 10, 11), лепной керамики, глиняного пряслица с орнаментом, аналогичным орнаментации керамики на этом поселении (рис. 2: 14). Из хозяйственно-бытового инвентаря представлены оселки (рис. 2: 15–18), каменное рыболовное грузило (рис. 2: 19), нож и обломки ножей, выполненных в технике трёхслойного пакета (определение Розановой) (рис. 2: 6, 8, 9). Производственный инвентарь включает фрагмент льячки и тигелёк-игрушку (рис. 2: 12, 13), промысловый – ромбовидные наконечники стрел (рис. 2: 1–4).

По углю из очагов получены радиоуглеродные даты: 850±40 (ГИН 8048) и 880±40 (ГИН 8047). Это позволяет определить время функционирования поселения XI – началом XII в., что не противоречит датировке по инвентарю.

В материальной культуре населения в большей степени прослеживаются восточнофинские черты, которые можно определить как смешанные. Они проявляются в особенностях домостроительства и традиции изготовления керамики. Особенности домостроительства (такие как сооружение хозяйственных и околоочажных ям в пределах постройки, наличие глубоких ям-хранилищ) связывают данный комплекс с материалами верхнего Прикамья. Сооружение очагов в глубоких корытообразных ямах, близких по традиции мерянским каменным очагам, является, по-видимому, особенностью материальной культуры местного населения. Аналогии этим сооружениям ограничиваются территорией юго-западного Белозерья и бассейном р. Шексны.

В изготовлении лепной керамики также прослеживается сочетание поволжско-финских и пермско-финских традиций. Первые выразились в преобладании плоскодонной посуды. Традиции Прикамского региона отразились в орнаментации сосудов специфическими узорами из сочетаний гребенчатого штампа и линейной верёвочки, трилистника, характерных для населения Камско-Вычегодской области. В целом в насельниках Царевского поселения можно видеть финно-угорское население, сложившееся в своеобразной контактной зоне Посухонья, в материальной

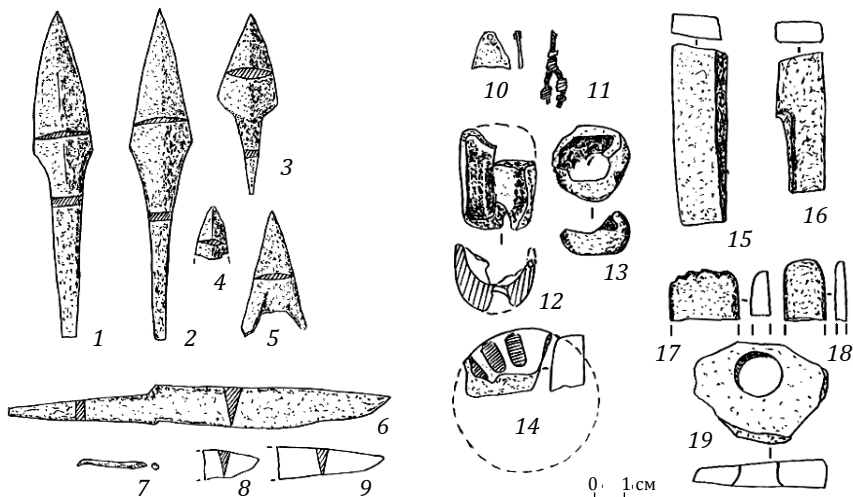

Рис. 2. Находки с поселения Царева 1 (Задняя):

- 1-5 – наконечники стрел; 6, 8, 9 – ножи; 7 – игла от пряжки; 10 – привеска-лапка; 11 – спиралевидное украшение на шерстяном шнуре;
12 – фрагмент тигля; 13 – фрагмент игрушки-тигелька;
14 – фрагмент пряслица; 15-18 – фрагменты оселков; 19 – грузило.
1-9 – железо; 10, 11 – бронза; 12-14 – глина; 15-19 – камень

культуре которого наиболее ярко проступают восточнофинские черты. По крайней мере, прямые аналогии конструкции печикаменки с глубокой предпечной ямой, имеющиеся в материалах позднего горизонта городища Попово на Унже, позволяют провести исторические параллели с процессами становления одной из группировок мери Верхнего Поволжья (Леонтьев, 1989). Наличие в инвентаре Царевского поселения ножей, выполненных в технике трёхслойного пакета, ещё раз свидетельствует о включении территории Посухонья в зону древнерусской колонизации уже в XI-XII вв. Наиболее вероятно распространение этого влияния с запада, через верховья Сухоны, с территории веси.

В последнее время в Посухонье на территории Тотемского района начаты исследования памятников позднего железного века или раннего Средневековья, связанных с пермско-финской группой населения. В 2002 г. Л.С. Андриановой на левом берегу р. Толшмы в 2,5 км от её устья открыто селище Красное IV (Санное). В 2006, 2008-2009 гг. нами проведены раскопки, в ходе которых исследовано около трети сохранившейся площади памятника (112 кв. м). На поселении выявлены очаги, кострища, хозяйственные ямы, производственная площадка, связанная с металлообра-

боткой, и погребение по способу сожжения на стороне с последующим помещением останков кремации и поминального кострища в яму (Иванищева, 2012). Свидетельством местной обработки чёрного и цветного металла служат находки железных окалин, фрагментов рюмкообразных тиглей, полуяйцевидных льячек и литейной формы, а также продукты ремесленного производства. Железные изделия местного производства представлены ножом в костяной рукояти, шилом округлого сечения. Промысловый инвентарь включает наконечники стрел – костяной и железный ромбовидной формы с линзовидным сечением. В остеологическом материале селища присутствуют кости лося. На площадке обнаружены фрагменты оплавленных бронзовых украшений. В их числе бляшки, пронизь и, возможно, фрагмент круглой бляхи. Встречены оплавленные стеклянные бусы. Часть хозяйственно-бытовых предметов представлена изделиями из камня – точильными камнями и оселками, а также кремнёвыми скребками, использование которых зафиксировано у финно-пермских народов вплоть до Средневековья.

Керамический материал представлен фрагментами не менее чем 70 сосудов. По форме это в основном широкогорлые чаши закрытой, реже открытой формы. Половина сосудов имела намеченную шейку, одутловатые стенки и округлое или уплощённое дно. Есть экземпляры чашевидной формы со слегка отогнутым наружу венчиком. Толщина стенок сосудов – 0,3–0,8 см. Основная примесь к глиняному тесту – дресва, есть единичные сосуды с примесью слюды и органики. Венчики прямые, овальные, редко грибовидные симметричные или внешне- и внутреннеасимметричные. Более двух третей сосудов имели орнамент в верхней части из ямочных, зубчатых, зубчато-ямочных, зубчато-шнуровых и нарезных узоров (рис. 3). Поверхность неорнаментированных сосудов, так же как и у части с декором, несёт следы грубой штриховки и заглаживания.

Поиски аналогий выявленным объектам уводят нас на Европейский Северо-Восток, к древностям ванвиздинской культуры, в которой исследователи видят предшественников летописной перми вычегодской, отождествляемой с носителями более поздней вымской археологической культуры. В соответствии с современными представлениями о периодизации ванвиздинской культуры (Королёв, Мурыгин, Савельева, 1997, с. 442), селище Красное IV (Санное) может быть датировано в широких рамках второй половины I тыс. н.э. Начало функционирования селища в середине I тыс. н.э. маркирует керамика переходного шойнатыйского типа (рис. 3) (группы V, частично I, II). Представительна керамика, сопоставимая с ранним кузьвомынским этапом культуры VI–VII вв.

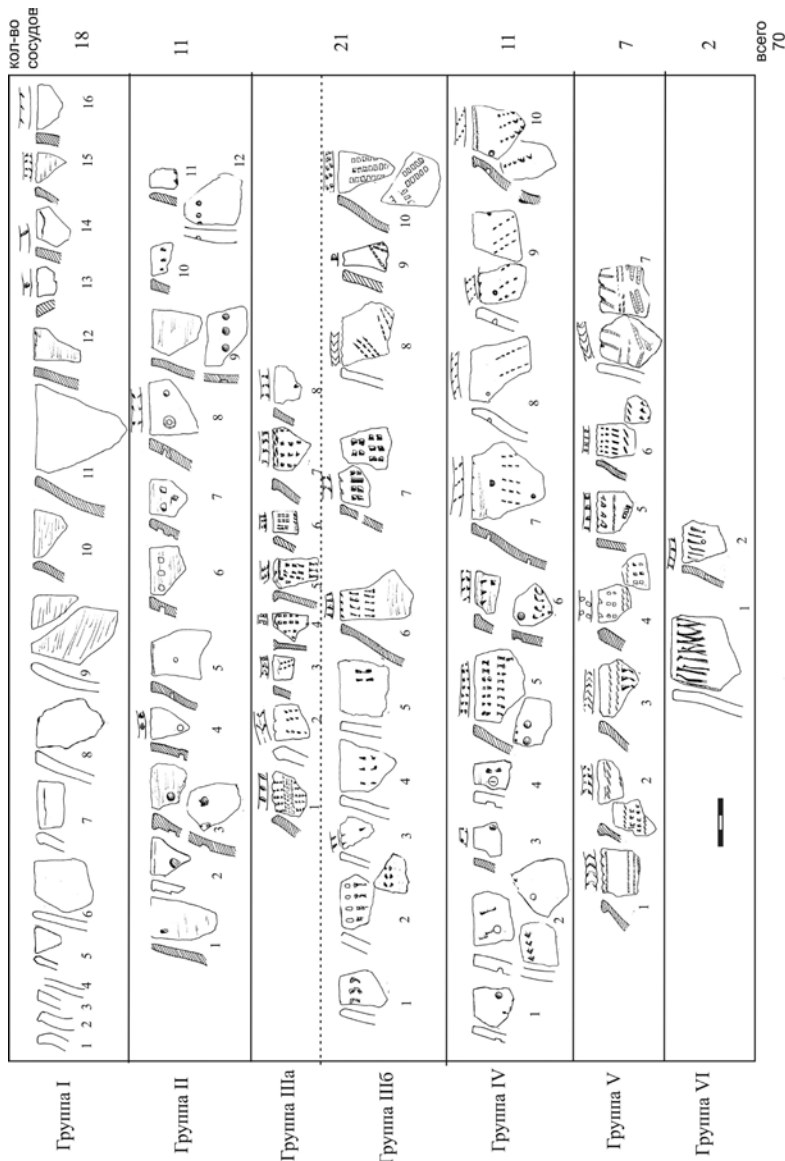

Рис. 3. Селище Красное IV (Санное). Керамика. Орнаментальные группы керамики

(группы III а; III б: 1–7; IV: 1–6). Заключительный этап функционирования селища отмечен керамикой, сопоставимой с древностями Северной Двины VIII–IX вв., а также с керамикой заключительного лозымского этапа ванвиздинской культуры (группы Ia: 7, 14; II: 2, 3, 9; III б: 8–10; IV: 7–10), и может быть датирован в рамках VIII–IX вв. По-видимому, к этому же времени относятся сосуды с наметенной короткой шейкой и ямочной орнаментацией группы II. Учитывая датировку вещей и керамики, а также стратиграфию памятника и характер выявленных объектов, можно выделить два этапа функционирования селища: ранний – в рамках VI–VII вв., и поздний – в пределах VIII–IX вв.

Керамика селища Красное IV (Санное) имеет ближайшие аналогии в материалах западно-ванвиздинских керамических комплексов бассейна Средней Вычегды и р. Мезени (Чеснокова, 1983). От северо-восточных комплексов её отличает малое количество сосудов, орнаментированных шнуровыми отпечатками, и значительное число посуды с ямочной орнаментацией или без орнамента.

Полученный материал позволяет судить о хозяйственных занятиях и быте населения, оставившего селище Красное IV (Санное). Наличие кострищ с мощным слоем и очага, предположительно функционировавшего в жилище, указывает на относительно долговременный характер обитания населения на селище или неоднократное возобновление его функционирования. Наличие промыслового вооружения свидетельствует о традиционных способах добычи пищи. О занятиях рыболовством свидетельствует находка рыболовного глиняного грузила (Андреянова, 2002). Охота на лесных животных, кости которых представлены в материалах раскопок, удовлетворяла потребности населения в мясной пище и шкурах, использовавшихся для изготовления одежды. Для обработки шкур использовались кремнёвые скребки, основное же количество хозяйственно-бытовых и промысловых орудий изготавливалось из железа. Следы местной металлургии и металлообработки представлены обломками тиглей и частью литейной формы. Сосредоточение этого инструментария в кострищах и на площадке рядом с ними, возможно, указывает на существование каких-либо специальных сооружений производственного характера. Наличие в инвентаре привозных изделий (в частности, стеклянных бус) свидетельствует об обмене с соседними племенами.

Важным для этнической и хронологической атрибуции полученных материалов является выявленное на селище Красное IV (Санное) погребение. Ближайшие аналогии могут быть указаны в могильнике Шойнаты 1 VII–VIII вв., когда у населения средней Вычегды сосуществовали обряды ингумации и кремации (Королёв,

1997, с. 112–119; 132). В Шойнаты 1 выявлено 10 погребений, 4 из которых совершены по способу кремации на стороне с засыпкой в яму останков погребённого и остатков кострища. Ямы овальной и подпрямоугольной формы в этом могильнике имели засыпку углисто-золистым слоем, вещи находились неупорядоченно в засыпи ям, там же обнаружена фрагментированная керамика. Наличие на селище Красное IV (Санное) побывавших в огне украшений, кальцинированных косточек и фрагментированной керамики в могильной яме укрепляет в мысли о подобном обряде погребения у толшемских поселенцев.

Вопрос о генезисе памятников финско-пермского населения на средней Сухоне остаётся открытым в силу почти полного отсутствия данных о предшествующем периоде раннего железного века. По той же причине весьма актуальным является открытие и изучение пласта памятников раннего Средневековья, поскольку с ним напрямую связано решение вопроса об исторической чуди заволочской и её возможных местных компонентах.

В целом можно сказать, что исследования поселений Царева I (Задняя) и Красное IV (Санное) значительно расширили наши представления о культурно-исторических процессах, происходивших на территории края в середине I – начале II тыс. н.э.

Поиски чуди заволочской продолжаются.

Источники и литература

Андрианова Л. С., 2002. Отчёт о работе Сухонско-Кубенской экспедиции в Харовском районе (раскопки многослойного поселения Боровиково, мезолитических стоянок Машутиха I, II) и разведках в Тотемском и Харовском районах Вологодской области // Архив Института археологии РАН. Р-I.

Гончарова Н. Н., 1995. Новые антропологические материалы к вопросу о колонизации Русского Севера // Послужить Северу: историко-художественный и краеведческий сборник. Вологда. С. 15–26.

Гуслистов Н. В., 1977. Вологодская экспедиция // Археологические открытия 1976 года. М. С. 12–13.

Гуслистов Н. В., 1978. Вологодская экспедиция // Археологические открытия 1977 года. М. С. 13–14.

Гуслистов Н. В., 1979. Марьинский могильник // Вопросы финно-угроведения: тезисы докладов XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар. Ч. II. С. 66.

Гуслистов Н. В., 1980. Раскопки и разведка в Вологодской области // Археологические открытия 1979 года. М. С. 7.

Гуслистов Н. В., 1995. Материалы раскопок на реке Сондуге Тотемского района // Послужить Северу. Вологда. С. 48–74.

Иванищева М. В., 1995. Древности Тотемского края // Тотьма:

историко-литературный альманах. Вологда. Вып. 1. С. 19–34.

Иванищева М. В., 1996. Поселение Царева I в южном Заволочье // Известия ВОИСК. Вологда. Вып. V. С. 29–40.

Иванищева М. В. 2012. Предки коми на Средней Сухоне // Археология Севера. Материалы археологических чтений памяти С. Т. Еремеева 25–26 февраля 2010 г. в г. Череповце. Череповец. С. 33–53.

Королёв К. С., 1997. Население Средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург.

Королёв К. С., Мурыгин А. М., Савельева Э. А., 1997. Ванвиздинская культура (VI–X вв. н. э.) // Археология Республики Коми. М. С. 400–443.

Леонтьев А. Е., 1989. Поповское городище // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. М. С. 20–21.

Макаров Н. А., 1986. О некоторых комплексах середины – третьей четверти I тыс. н. э. в Юго-Восточном Прионежье и на р. Сухоне // Краткие сообщения Института археологии. М. Вып. 183. С. 23–32.

Макаров Н. А., 1993. Русский Север. Таинственное средневековье. М.

Никитин А. В., Гуслистов Н. В., 1976. Вологодская экспедиция // Археологические открытия 1975 года. М. С. 13–14.

Черницын Н. А., 1966. Угро-финские могильники на территории Вологодской области // Советская археология. № 4. С. 196–201.

Чеснокова Н. Н., 1983. Ванвиздинская археологическая культура: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Ленинград.

Аспекты ранней истории города Вологды

В исторической литературе Вологда фигурирует как крупный средневековый городской центр на северо-востоке Руси, сыгравший большую роль в становлении Российского государства. Между тем вопросы возникновения и ранней истории города освещены недостаточно.

Понятие «город» по-разному интерпретируется историками, исследователями градостроительства, археологами, этнографами. Мы основываемся на определении А.В.Кузы, в котором отражены социально-экономические функции города: «Древнерусским городом можно считать постоянный населённый пункт, в котором с обширной сельской округи-волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведённого там прибавочного продукта» (Куза, 1985, с. 52).

Вологда как постоянный населённый пункт своим возникновением обязана территории, на которой до широкой крестьянской колонизации края в качестве прибавочного продукта выступали природные ресурсы, прежде всего пушнина (Макаров, 1997, с. 162–163). Они поступали в результате торгово-даннических отношений с населением Заволочья. Таким образом, Вологда представляла центр обширной округи, возникший в процессе освоения промысловых территорий.

Вероятно, до основания города Вологды на территории будущей волости существовали станы или погосты, то есть «места остановок государственных и церковных агентов во время объездов окружающей территории для сбора дани» (Черкасова, 2010, с. 428–443). На эту роль могли бы претендовать погост «оуТошьме», упоминаемый в Уставной грамоте Святослава Ольговича 1136/1137 г., локализуемый рядом исследователей на р. Тошне (притоке р. Вологды) (Древнерусские княжеские уставы..., 1976, с. 148; Кучкин, 1984, с. 89, прим. 257; Черкасова, 2010) и средневековое поселение Вёкса вблизи устья р. Вологды (Никитинский, 2006, с. 92). Однако вопрос локализации погоста «оуТошьме» остаётся дискуссионным (Макаров, 1997, с. 18). Вёкса могла быть «местом остановок агентов», это поселение не было постоянным и не обладало признаками городского. Есть версия, что и на территории современного города в XII–XIII вв. существовало сразу три поселения: в районе дома-музея Петра I, на Соборной горке и на Вологодском городище. Но её автор отмечает, что «полная уверен-

ность в предложенных выводах может возникнуть только тогда, когда вещи XII века будут найдены в закрытых комплексах» (Никитинский, 1994, с. 46–53). Ответ на вопрос о предшествующих основаниях Вологды поселениях могут дать археологические исследования, которые на сегодня нельзя признать исчерпывающими.

Ранее обсуждался вопрос о корректировке традиционной даты основания города в XII в. (Башенькин, Кукушкин, 1994, с. 36). Раскопками в Вологде до настоящего времени достоверно не выявлено археологических комплексов, датирующихся временем ранее XIII в. (Кукушкин, 2011, с. 54). В то же время нельзя игнорировать факты наличия отдельных находок, время бытования которых приходится на XII в. (Никитинский, 1994, с. 46–53; Адаменко, 2011; Кудряшов А. В., 2012). Вопрос о времени возникновения города остаётся актуальным, так как от этого зависит расстановка акцентов при исследовании средневековой истории края. Эта проблема касается и других городов Русского Севера (Белозерска, Великого Устюга, Тотьмы).

Возникновение Вологды можно связывать с установлением «власти-волости». Эти взаимосвязанные понятия, по мнению М. А. Дьяконова, обозначают «власть или право, а затем объект, подлежащий чьей-либо власти... В таком значении волости упоминаются в договорах Новгорода с князьями» (Дьяков, 2005, с. 135–136). Относительно городов логичным продолжением служит заключение о том, что «следующее звено иерархической цепи: город-поселение как средоточие подчинённой ему земли» (Щенков, 1993, с. 82). Очевидно, в таком контексте и следует понимать первое упоминание Вологды как «города-волости» в письменных источниках – договорной грамоте Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1264 г. (Грамоты Великого Новгорода..., 1949, с. 9).

Вещественные свидетельства городского поселения с доказанной на сегодня датировкой XIII в. получены в результате раскопок памятника археологии «Старое Вологодское городище – место основания г. Вологды», расположенного в Вологде в районе улиц Бурмагиных, Воровского, Ударников, Паркового переулка (рис. 1).

Археолог А. В. Никитин, планомерно обследовавший памятник в 1948, 1955–1957 гг., очень верно заметил: «Вологда возникает сразу, как какой-то административный или хозяйственно-экономический центр (курсив мой. – И. К.)» (Никитин, 1961, с. 24).

Следов, свидетельствующих о предшествующем поселении, не обнаружено (за исключением отдельных вещей каменного века, находящихся в городском культурном слое в переотложенном состоянии). Выполненные на сегодняшний день на памятнике археологические исследования показывают, что все древнейшие постройки залегают на материке. Показателен в этом отношении, например,

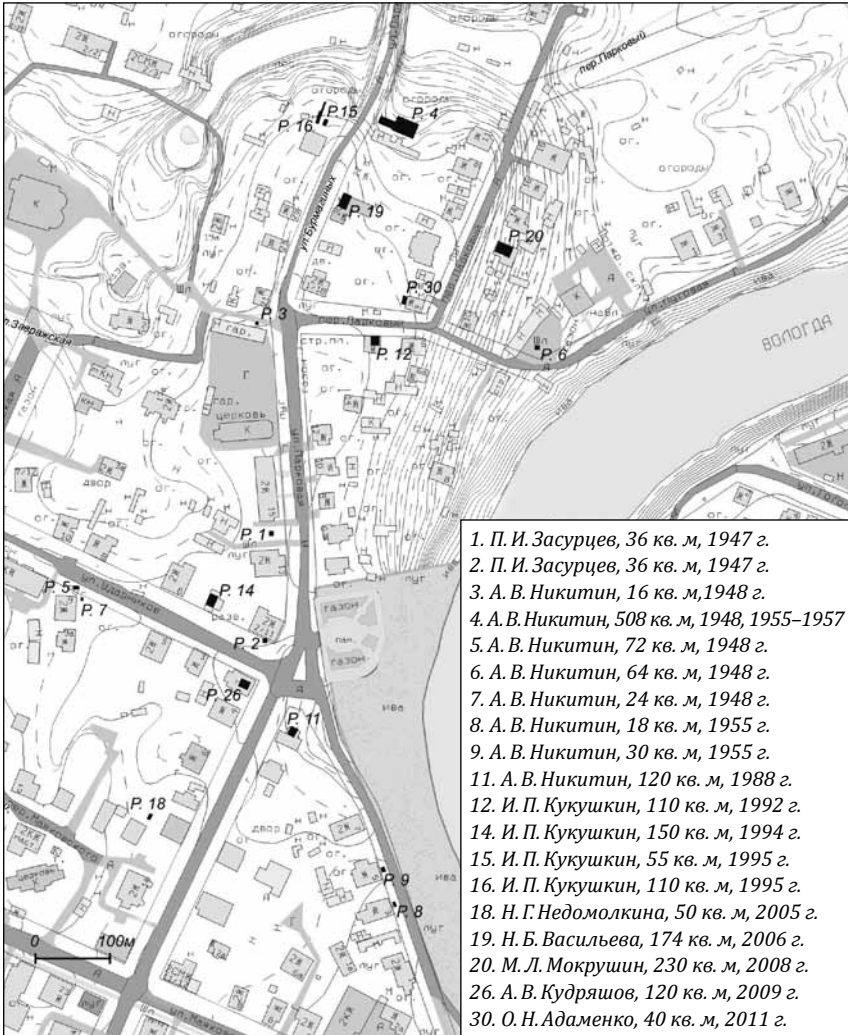

Рис. 1. Археологические раскопы на территории памятника «Старое Вологодское городище – место основания г. Вологды»

изученный автором в 1992 г. раскоп 12, в котором открыт наиболее ранний, присущий городскому поселению комплекс: мостовая, жилище и разделяющий их частокол (рис. 2). Все постройки одновременны, представляют фрагмент планировки городского поселения (Кукушкин, 1992). В связи с изложенным мы также предполагаем практически единовременное строительство города.

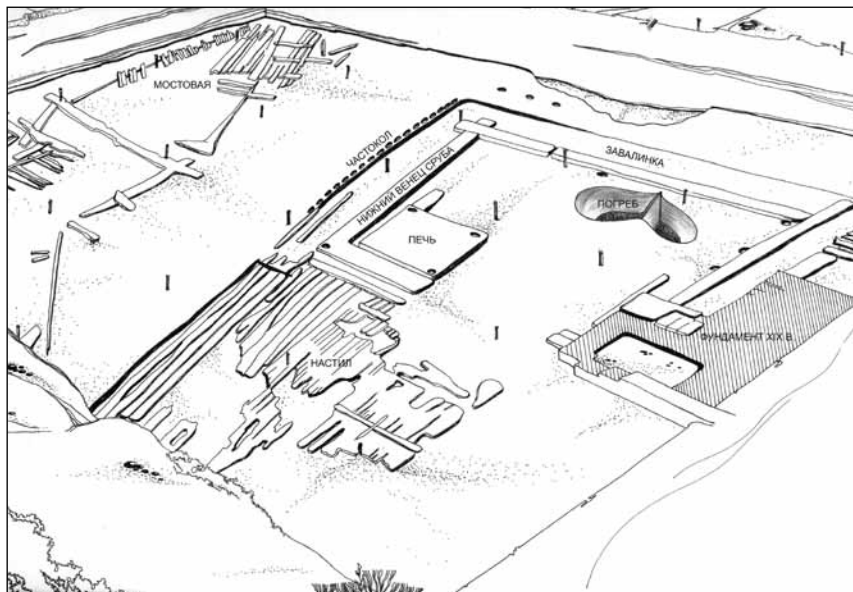

Рис. 2. Вологда, раскоп 12. Рис. Е. Дракуновой

В связи с недостаточной сохранностью деревянных конструкций мы пока не располагаем шкалой дендродат по Вологодскому городищу. При маркировании территории ядра города можно опереться на археологические раскопы с массовыми находками стеклянных браслетов, верхняя дата бытования которых не выходит за пределы начала XV в. (Колчин, 1982, с. 159; Лапшин, 2009, с. 187, 190). С севера это раскопы 4, 15, 16, с юга – 8, 9 и сборы подъёмного материала в начале ул. Бурмагиных (Никитин, 1956; Никитин, 1961, с. 13–14, 22; Кукушкин, 1995). Таким образом, протяжённость города с севера на юг составляла не менее 500 м. Судя по отсутствию датированных XIII–XIV вв. комплексов находок и построек к западу от нечётного ряда домовладений современной ул. Бурмагиных и Ленивой площади, застройка отходила от реки примерно на 300 м в северной и на 150 м в южной части древнего города, занимая возвышенную приречную гряду. В общей сложности площадь ядра города к началу XV в. составляла не менее 11 га. Сопоставление датировок культурных отложений позволяет говорить о более раннем освоении верхней площадки береговой террасы по сравнению с её склоном. Такая же закономерность прослеживается при анализе топографии средневекового Белоозера (Захаров, 2004, с. 94). Очевидно, что в первую очередь под жилое строительство осваивался ровный, защищённый характером местности от

внешней опасности и природных катаклизмов участок. На пологом склоне прибрежной части Вологодского городища располагалось кладбище: в раскопе 20 обнаружено 338 погребений, предварительно отнесённых к XIV–XVI вв. (Мокрушин, 2007). На склоне берега Хрулёва ручья зафиксирована ремесленная мастерская по металлообработке (Кукушкин, 1996, с. 41–44). Отметим, что очерченная как ядро города территория вписывается в выделенные М.С.Черкасовой границы Новгородской трети (новгородского пространства) в церковной структуре Вологды (Черкасова, 2010, с. 428–443). На периферии города располагались экономические (сельскохозяйственные и промысловые угодья), коммуникационные зоны (дороги, пристани, переправы), возможно, оборонительные объекты (дозорные, сторожевые пункты), территориально обособленные хозяйственные и административные единицы, пригородные монастыри. Изначально у Вологды не было развитой округи и инфраструктуры, необходимой для удовлетворения разнообразных потребностей горожан, поэтому возникновение вышеуказанных зон, безусловно, имело место уже в период становления города. К северу от Вологодского городища это территория Верхнего Дола (Кукушкин, 1992), к югу – Соборная горка (Адаменко, Кукушкин, 2011, с. 209–210). Очень вероятно, что и левый берег р. Вологды напротив города был освоен, но археологическими материалами по Заречью на этом участке мы пока не располагаем.

В застройке города XIII–XIV вв. наблюдаются обусловленные рельефом элементы планирования территории. Это – трассированная вдоль берега р. Вологды по ровной площадке надпойменной террасы магистральная улица (или одна из них), открытая в раскопе 19 (Васильева, Андрианова, 2007, с. 38–39, рис. на с. 4 обложки), и найденные в раскопах 4, 12, 26 расположенные перпендикулярно ей по направлению к реке улочки (Никитин, 1961, с. 16, рис. 2; Башенькин, Кукушкин, 1994, с. 40; Кудряшов, 2012). То есть основу уличной планировки составляла линейно-поперечная коммуникационная сетка.

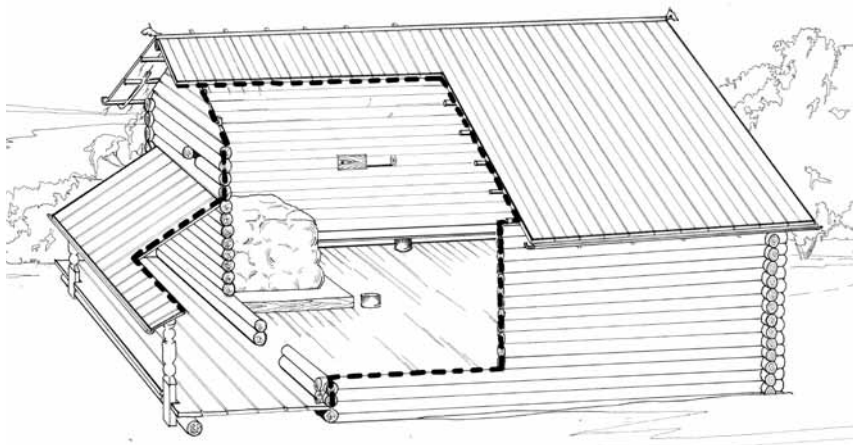
Требования обороны, необходимость обозначения городской общиной границ своей территории предполагают обозначение на местности рубежей городского пространства. Это чаще всего реализуется в возведении фортификационных сооружений. Конструкция, интерпретированная как линия обороны, выявлена в раскопе 19 (Васильева, Андрианова, 2007, с. 38–39). Она напоминает фортификационный «частик» (ряды жердей, поставленных под углом и направленных в напольную сторону), служивший рубежом обороны перед основными крепостными стенами и упоминаемый при описании некоторых крепостей XV–XVI вв. Но для рассматриваемого периода, когда огнестрельное оружие ещё не получило

широкого применения, частик вполне мог использоваться как самостоятельная линия обороны. Пока мы не обладаем достаточным количеством археологических материалов для достоверной реконструкции древнейших вологодских укреплений. Возможно, они не были монументальны, были легко возводимы в зависимости от уровня потенциальной опасности, могли менять свои границы по мере роста города, состоять из нескольких рубежей, иметь на разных участках различные варианты конструкций. Подобный принцип организации обороны был присущ в XIII в. даже крупным городам-центрам княжеств, Новгороду (Григорьев, 2008, с. 98–99; Трояновский, 1998, с. 68). Есть основания полагать, что в градостроительных решениях на этапе основания и становления Вологды была заложена структура городских частей (город-крепость, кремль, посады), известных по письменным источникам в XV в. и частично реконструированных (Кукушкин, 1997, с. 36–46).

В Вологде археологически зафиксированы элементы усадебно-дворовой застройки и благоустройства города. Хорошо сохранившиеся жилые постройки обнаружены на двух раскопах – 4 и 12. В раскопе 4 это рубленый пятистенок размером 3,3×5,2 м из двух равных по площади помещений (жилого и хозяйственно-бытового назначения). Зафиксированы: в жилой части – печь на столбах, дощатый настил пола; в хозяйственной – замощение пола из жердей (Никитин, 1961, с. 16–17, рис. 2). В раскопе 12 открыта постройка, основу которой составляет квадратная в плане, бревенчатая жилая клеть площадью 16 кв. м. С внешней стороны её окладной венец обложен материковой глиной, образующей завалинку, которая, в свою очередь, была укреплена досками. Квадратная печь на столбах располагалась в углу, её размеры 1,4×1,4 м. В противоположном по диагонали углу находились две соприкасающиеся округлые ямы размерами в плане 0,9 и 1 м, глубиной 0,3–0,5 м. Ямы, очевидно, использовались для хранения запасов. Пол этой отапливаемой (жилой) части дома мог быть устроен как на высоте одного-двух венцов, так и на высоком подклете. К жилой части примыкало помещение хозяйственно-бытового назначения размером 3,5×4,0 м каркасно-столбовой конструкции (рис. 3; Кукушкин, 1992, с. 5–8).

Элементы городского благоустройства – настилы мостовых, межусадебные, хозяйственные частоколы и плетни – обнаружены в большинстве раскопов на территории городища. Выявленные мощения улиц по конструкции традиционны для древнерусских городов. В их основании продольные лаги, на которые перпендикулярно укладывались брёвна или массивные плахи. Ширина вологодских мостовых – 2,0–3,5 м. В раскопе 12 зафиксирована ограда, отделяющая усадьбу от улицы. Она состоит из поставленных вертикально в канавку целых и расколотых брёвен, плоской стороной

*Рис. 3. Городское жилище XIII–XIV вв.
Реконструкция Е. Дракуновой, И. Кукушкина*

обращённых к улице. Используются брёвна хвойных пород диаметром 0,15–0,18 м. Лёгкие ограды из жердей и плетни, очевидно, устраивались для разграничения участков вне фасадов улиц.

О развитии ремесленного производства свидетельствуют производственные комплексы, находки инструментов, заготовок, отходов производства. На раскопах 15 и 16 обнаружен производственный комплекс (печь, тигли, шамовница, зубило, точильные бруски, металлические заготовки, бракованные изделия, отходы производства), интерпретированный как мастерская, принадлежавшая ремесленнику-слесарю, который специализировался на ремонте металлических изделий. Каменные и глиняная литейные формы найдены также на раскопах 4, 11, в подвешенном материале (Кукушкин, 1996, с. 41–44). О камнерезном производстве свидетельствуют находки заготовок для иконки и крестика, каменных литейных форм, готовые изделия (Кукушкин, 1997 а, с. 222–225). Наличие этих видов ремесла показательно, так как они требовали специальных навыков, оборудованных производственных помещений, набора инструмента. Судя по большому количеству находок: заготовок из кости и рога, отходов производства в раскопе 26 – на этом участке располагалась косторезная мастерская (Кудряшов, 2012). В изделиях вологодских ремесленников мы не находим высокохудожественных поделок. Скорее всего, ремесленное производство Вологды XIII–XIV вв. было направлено на обслуживание местного рынка, обеспечивало насущные нужды вологжан.

Торговые связи горожан прослеживаются по находкам изделий, производившихся на Ближнем и Среднем Востоке, Прибалтике, Волыни, или же из привозного сырья. Это стеклянные украшения (браслеты, перстни, бусы), янтарные изделия (перстень, крестики, бусы), люстровая керамика, шиферные пряслица (Никитин, 1961, с. 22; Кукушкин, 1995, рис. 43; Васильева, Андрианова, 2007, с. 44; Бритвина, 2007, с. 48; Адаменко, 2011). Единовременный вариант основания города предполагает, что значительная часть хозяйственно-бытового инвентаря начального периода существования Вологды своим происхождением обязана ввозу, во всяком случае, до момента становления собственных производств.

Рассмотренные вопросы позволяют говорить о Вологде как о городе, возникновение и становление которого связано с вхождением территорий бассейна Белого моря в формирующуюся в XIII–XIV вв. систему государственных хозяйственно-экономических и политических отношений. Вологда в этой системе играла роль ключевого административного центра на северо-востоке Руси. Выбор места городского поселения, планировка, конструкция построек свидетельствуют об использовании накопленного на этот период на Руси градостроительного опыта. Характер ремесленно-торговой жизни ранней Вологды в условиях слабой заселённости округа соответствовал уровню развития местного рынка и отдалённости города от высокоразвитых городских центров.

Источники и литература

Адаменко О. Н., 2011. Заключение об археологических исследованиях в 2011 г. Объект: г. Вологда, Парковый пер., 3// Архив АУК ВО «Вологдареставрация». Оп. 3, инв. 385, 386.

Адаменко О. Н., Кукушкин И. П., 2011. Топография Соборной горки Вологды в XIV–XVII вв. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; В. Новгород.

Башенькин А. Н., Кукушкин И. П., 1994. Древняя Вологда// Вологда. Вологда. Вып. 1.

Бритвина Н. А., 2007. Гончарная керамика Вологды//Археология Вологды. История и современность. Вологда.

Васильева Н. Б., Андрианова Л. С., 2007. Исследования на Вологодском городище в 2006 году// Археология Вологды. История и современность. Вологда.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Григорьев Д. Н., 2008. Раскоп 2007 г. на Нижегородской ул. г. Владимира// Археология Владимиро-Суздальской земли. М. Вып. 2.

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

Дьяконов М. А., 2005. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб.

Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.

Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М.

Кудряшов А. В. Предварительные результаты охранных археологических исследований в г. Вологде в 2009 г. (раскоп на ул. Воровского, 2) // История и археология Русского Севера. Вологда, 2012. С. 77–80.

Куза А. В., 1985. Древнерусские поселения // Древняя Русь. Город, замок, село. М.

Кукушкин И. П., 1992. Отчёт об охранных археологических работах в г. Вологде, археологических разведках в Вологодском и Грязовецком районах Вологодской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Кукушкин И. П., 1995. Отчёт об охранных археологических раскопках в г. Вологде в 1995 г. // ИА РАН. Р-1.

Кукушкин И. П., 1996. Металлообрабатывающее производство средневековой Вологды // Известия Вологодского общества исследований северного края. Вологда. Вып. 5.

Кукушкин И. П., 1997. Вологодское городище // Вологда: краеведческий альманах. Вологда. Вып. 2.

Кукушкин И. П., 1997а. Камнерезное дело средневековой Вологды // Археология Севера. Петрозаводск. Вып. 1.

Кукушкин И. П., 2011. Археологические исследования г. Вологды (1947–2010 гг.) / Отчёт о НИР. Вологда. № ГР 01201153963, инв. № 02201155838.

Кучкин В. А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XV вв. М.

Лапшин А. В., 2009. Тверь в XIII–XV вв. СПб.

Макаров Н. А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М.

Мокрушин М. Л., 2007. Заключение об археологических исследованиях на уч. Парковый пер., 12 в 2007 г. // Архив АУК ВО «Вологдареставрация». Оп. 3. Инв. 183.

Никитин А. В., 1956. Археологический отчет о раскопках в г. Вологде за 1956 г. // ИА РАН. Р-1. № 1299, 1299-а.

Никитин А. В., 1961. Древняя Вологда по археологическим данным // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда.

Никитинский И. Ф., 1994. Ранние средневековые находки из города Вологды // Вологда. Вологда. Вып. 1.

Никитинский И. Ф., 2006. Вёкса I–II, III, IV // Вологодская энциклопедия. Вологда.

Трояновский С. В., 1998. О некоторых результатах раскопок в Новгородском кремле в 1992–96 гг. // Новгород и Новгородская земля. Новгород. Вып. 12.

Черкасова М. С., 2010. Новгород и Вологда в XIII–XV вв. // Словия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. М.

Щенков А. С., 1993. Архитектурно-пространственное построение городов // Древнерусское градостроительство X–XV вв. М.

**Новгородские святые в сакральном пространстве
Русского Севера XI–XVII вв.:
от колонизации к духовному диалогу**

Неотъемлемой частью колонизационного процесса является формирование новых элементов социокультурного ландшафта на осваиваемой территории. В результате появляется система маркеров, отмечающих статус территории в нескольких основных сферах. Среди них политическая (формирование центров власти), военная (создание укрепленных объектов), экономическая (становление хозяйственных комплексов и инфраструктуры для ведения торговли) и, наконец, духовная (строительство храмов, формирование культов почитания «своих» святых). Сложившийся в результате новый социокультурный ландшафт позволяет идентифицировать вновь освоенную территорию с её метрополией, ведет к формированию у местного населения устойчивых ментальных связей и отношения к культуре и традициям центра колонизации. Исследование такого рода процессов позволяет несколько иначе взглянуть на ход и результаты колонизации и освоения новых территорий.

Особый интерес представляют колонизационные процессы на Европейском Севере IX–XIV вв. Здесь в разное время сталкивались интересы крупнейших политических и культурных центров Древней Руси: Новгорода Великого, Москвы, Владимира, Ростова Великого. Возникшая в результате многочисленных конфликтов «чересполосица» владений привела к формированию достаточно сложного и своеобразного социокультурного ландшафта пограничных территорий.

В рамках данной статьи мы сосредоточим внимание на процессе становления духовной составляющей социокультурного ландшафта, точнее, на проблеме формирования сакрального ландшафта. Наибольший интерес, на наш взгляд, этот процесс вызывает при обращении к материалам тех районов, где конфликт между соперниками-колонизаторами проявлялся наиболее ярко, а стремление к маркированию территории своими социокультурными доминантами было наиболее сильным. Такими районами, безусловно, являются пограничные между Новгородом и Москвой территории Вологды, Волока Ламского, Бежецкого Верха и Торжка.

Проведение подобного рода исследования сталкивается с рядом источниковедческих проблем. Источники XII–XIV вв. крайне скудны

и не позволяют достаточно полно восстановить социокультурные процессы, протекавшие на спорных сопредельных территориях в это время. На наш взгляд, целесообразно и эффективно использовать ретроспективный анализ источников более позднего периода, прежде всего, описей монастырского имущества XVI–XVII вв.

Монастырские описи благодаря топографическому характеру группировки информации позволяют достаточно точно локализовать элементы функционирования культов святых, относящихся к различным территориям не только в пространстве уезда или города, но и в пространстве монастыря или храма. Разумеется, результаты такого рода анализа не могут претендовать на абсолютную точность, но позволяют выявить некоторые наиболее общие закономерности и процессы.

А. Г. Мельник выделяет целый ряд форм проявления почитания святых в Древней Руси: «Оно выражалось в поклонении могилам подвижников благочестия; в официальном причислении их к лику святых и в установлении дня празднования их памяти; в ежегодном праздновании этой памяти; в совершении более или менее регулярных служб у мест упокоения святых; в выработке и совершении иных ритуалов почитания святых; в особом оформлении и украшении мест их упокоения, в строительстве храмов над такими местами, в сооружении других храмов, посвящённых святым; в совершении паломнических путешествий к гробницам святых; в видениях, в которых святые являлись верующим; в исцелении от болезней у могил святых или по молитве к ним; в поклонении иконам святых, в создании и распространении таких икон; в написании и чтении житий святых; в призывании святых на помощь при различных начинаниях, включая и военные действия; в использовании авторитета наиболее значимых святых при заключении некоторых государственных договоров; в различных подношениях храму или монастырю, в которых покоились останки святых, и тому подобное» (Мельник, 2003, с. 6–8). Из всего вышперечисленного первостепенное значение для нашего исследования имеет храмонаименование в честь святых, принадлежащих к определённым территориальным и культурным областям, наличие и распространение их иконописных изображений и рукописных текстов житий святых и служб им. Именно эти проявления культов святых наиболее наглядно демонстрируют их территориальное распространение, позволяют локализовать районы с наибольшей активностью их почитания.

Первоначальный этап новгородской колонизации Русского Севера был связан с привнесением сюда новгородской святости, прежде всего, в виде почитания Варлаама Хутынского. Места почитания святых (и проживания новгородцев) могли быть тесно связаны с центрами власти. Так, М. С. Черкасова предполагает,

что место пребывания новгородского посадника в Вологде находилось в непосредственной близости от храма Варлаама Хутынского (Черкасова, 2003, с. 3–19). Аналогичный процесс происходил и со стороны великокняжеской власти. Вполне возможно, что центр власти великих князей (и администрации татаро-монголов) в Вологде совпадал с местоположением храма Покрова на Числихе (ныне Покрова на Торгу). «Числиха» – по всей видимости, место проведения татарами переписи местного населения («числа»), а праздник Покрова Пресвятой Богородицы, введённый на Руси князем Андреем Боголюбским, ассоциировался с властью владимирских, а позднее московских князей. Наличие двух центров власти на территории Вологды ярко отразилось в процессе сакрализации пространства города и его окрестностей.

В процессе освоения спорных территорий Москва сделала ставку на монастыри как форпосты не только православной религиозности на тяготеющем к язычеству Севере, но и как экономические, политические и культурные центры московской княжеской власти на спорных территориях. Монастырская колонизация, восходящая к преподобному Сергию Радонежскому и его школе, кардинально изменила расстановку сил на сакральной карте региона. Волна отшельников-исихастов, первоначально не претендовавших на участие в политических и экономических процессах, а, наоборот, избегавших мирской суеты, превратила территорию региона в уникальную социокультурную среду, которая позже будет образно именоваться «Фиваидой на Севере».

Ярким подтверждением тяготения северных монастырей к Москве является формирующееся внутри них сакральное пространство, наполненное изображениями московских и ростовских святых. Иконографические сюжеты прямо указывают на принадлежность многих вологодских святых к школе Сергия Радонежского (и, следовательно, к Москве). Приведём в качестве примера икону, зафиксированную в описи Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. «Образ преподобных отец Сергия Радонежского чудотворца да Кирила Белозерского чудотворца, да Дмитрия Прилуцкого чудотворца, Деонисия Глушицкого чудотворца, вверху во облаце Пречистые Богородицы Воплощение на краске» (Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года, 1998, с. 117–118). В более позднем тексте находим яркое свидетельство духовной принадлежности вологодских святых к Москве. В описи Спасо-Прилуцкого монастыря 1688 г. читаем: «Да по левую сторону церковных дверей на столпу за архангеловым образом написаны московские чудоторцы Иона и Филипп и преподобный чудотворец Димитрий Прилуцкой» (Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв., 2011, с. 60). Таким образом, доминирова-

ние московской святости в сакральном пространстве вологодских монастырей не вызывает у нас сомнения.

Новгородские святые представлены гораздо скромнее. Чаще всего встречаются изображения преподобного Варлаама Хутынского. По данным монастырских описей XVII в., его иконы были лишь в немногих, но достаточно крупных монастырях, среди них Кирилло-Белозерский, Горицкий Воскресенский женский, Кирилло-Новоезерский, Спасо-Каменный (Опись строения и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года, 1998; 1661 г., мая 31. – Отписная книга Воскресенского Горицкого девичьего монастыря..., 1994, с. 261–287; Опись строения и имущества Кирилло-Новоезерского монастыря 1657 года, 1998, с. 139–165; Опись Спасо-Каменного монастыря 1628 г., 1985, с. 163–209; Переписные книги Вологодских монастырей XVI–XVIII вв., 2011). Легко заметить, что все перечисленные монастыри находятся на Шекнинском или Сухоно-Двинском водных путях, то есть там, где активность новгородцев была наиболее велика. Поздний характер данных в этом случае свидетельствует скорее не о формировании культов во время колонизации, а о процессе активного общения жителей этих территорий с Новгородом в XV–XVI вв., прежде всего, благодаря торговым отношениям. Зародившаяся в процессе колонизации региона система новгородских сакральных маркеров активно развивается в процессе духовного и мирского диалога.

Другие новгородские святые встречаются в сакральном пространстве вологодских монастырей крайне редко. Так в описи Спасо-Каменного монастыря 1670 г. находим образ Никиты, епископа Новгородского: «Да образ Пречистыя Богородицы Воплощение обложен серебром басмен золочен. У того же образа Никита Предстоящий Новгородский чудотворец, а венцы обложены серебром, сканные с винифты» (Переписные книги Вологодских монастырей XVI–XVIII вв., 2011, с. 113). Отметим, что образ имеет украшения, что свидетельствует о его значимости для монашествующих.

Единственный образ Евфимия Новгородского удалось обнаружить в описи Спасо-Прилуцкого монастыря 1593 г.: «Образ епископ Еуфимии Наугороцкий чудотворец, у него в венце жемчужинка, подволчен тафтою голубов» (Переписные книги Вологодских монастырей XVI–XVIII вв., 2011, с. 29).

Среди элементов новгородской святости в сакральном пространстве региона необходимо отметить крайне редкие иконы благоверного князя Александра Невского. Так, в описи Спасо-Каменного монастыря 1701 г. читаем: «Над южными дверми два образа пядницы Глушитцких чудотворцов да Александра Невского, все те иконы писаны на красках» (Переписные книги Вологодских монастырей XVI–XVIII вв., 2011, с. 143). Важно отметить, что образ на-

ходится на весьма почётном месте в храме, в непосредственном со-
седстве с образами местных вологодских святых, что на наш взгляд
следует трактовать как свидетельство в пользу своеобразного ду-
ховного единства вологодских и новгородских земель, во всяком
случае, в сознании монашествующих конца XVII – начала XVIII в.

Иная ситуация наблюдается в Спасо-Прилуцком монастыре. По
описи 1688 г. единственный образ Александра Невского обнаружи-
ваем на монастырских задворках: «Да над семю вышка, а в ней два
чюлана... Да в другой кельи святых икон... Образ в молении препо-
добнаго Александра Невского ко Пречистой Богородице писан на
золоте» (Переписные книги Вологодских монастырей XVI–XVIII вв.,
2011, с. 92). В данном случае о каком-либо функционировании культа
святого не может быть и речи. Заметим, что Спасо-Прилуцкий мона-
стырь, находящийся в непосредственной близости от Вологды, актив-
но распространял культы ростовских и вологодских святых, проводя
политику великокняжеской власти и московских митрополитов.

Среди приведённых фактов обращает на себя внимание частое
упоминание Спасо-Каменного монастыря в связи с функциони-
рованием культов новгородских святых. Уникальный островной
монастырь, расположенный на Кубенском озере, у начала Сухоно-
Двинского водного пути, играл роль своеобразного пограничного
пункта, соединяющего в себе новгородскую и московскую святость.

Вологодские монастыри, не слишком широко внедряя в свое
сакральное пространство культы новгородских святых, активно
экспортировали почитание своих отцов-основателей на сопредельные
территории. Основными механизмами такого экспорта
были создание храмов на территории вотчин, расположенных в
соседних уездах, и функционирование монастырских подворий
на сопредельных территориях.

Структура сакрального пространства в регионе значительно
меняется в начале XVI в. Основная причина этого – появление
в монастырской сети мощного центра, тесно связанного с
Новгородом – Соловецкого монастыря. Почитание его основа-
телей – Зосимы и Савватия Соловецких – получило широчайшее
распространение на всей территории региона. Выразилось оно
в строительстве посвящённых им храмов, появлении многочис-
ленных образов и житийных текстов Соловецких чудотворцев.
По сути, с появлением Соловецкого монастыря Новгород впер-
вые за свою историю смог создать мощную сакральную доминан-
ту, оказавшую значительное влияние на иеротопию не только
близлежащих, но и весьма отдалённых территорий.

Подведём некоторые итоги. Процесс формирования сакраль-
ного пространства Вологды и её окрестностей, как сопредельной
территории между Москвой и Новгородом, прошёл три основных

стадии. На первом этапе (до середины XIV в.) идёт активное экономическое и политическое освоение территории конкурирующими метрополиями, сопряжённое с многочисленными конфликтами. В сфере сакральной топографии в это время происходит формирование важных доминант, нацеленных на освоение территории и часто совпадающих с центрами власти. К концу этого периода становится понятно, что данная модель поведения не ведёт к выявлению однозначного лидера и «обладателя» пространства. На втором этапе (середина XIV – середина XV в.) инициатива в процессе сакрального маркирования территории переходит к Москве, в первую очередь, благодаря монастырской колонизации региона последователями Сергия Радонежского. Новгородская святость в регионе отходит на второй план, уступая место святым Ростова Великого, Москвы и Вологды. Третий этап (XV–XVI вв.) стал временем ряда компромиссов между Москвой и Новгородом в процессе формирования сакрального пространства сопредельных территорий. Появление мощной сакральной доминанты, тяготеющей к Новгороду, привело к формированию достаточно активного духовного «диалога», ставшего частью общекультурного взаимодействия Новгорода и Москвы в рамках единого централизованного государства.

Источники и литература

Мельник А. Г., 2003. История почитания ростовских святых в XII–XVII вв.: дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ярославль.

Опись Спасо-Каменного монастыря 1628 г. // Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель / под ред. П. А. Колесникова. Ч. 4, вып. 1: Документы дореволюционного периода. Вологда, 1985.

Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: комментированное издание / сост. З. В. Дмитриева, М. Н. Шаромазов. СПб., 1998.

Опись строения и имущества Кирилло-Новоезерского монастыря 1657 года. (Публикация Т. В. Сазоновой) // Белозерье: краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1998.

1661 г., мая 31. – Отписная книга Воскресенского Горницкого девичьего монастыря отписчиков Кириллова монастыря черного попа Матвея и старца Герасима Новгородца игумень Марфе Товарищевых / публикация Ю. С. Васильева // Кириллов: историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1.

Переписные книги Вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследования и тексты / отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда, 2011.

Черкасова М. С., 2003. Управление Вологдой в XV – начале XVI в. // Историческое краеведение и архивы. Вологда. Вып. 9. С. 3–19.

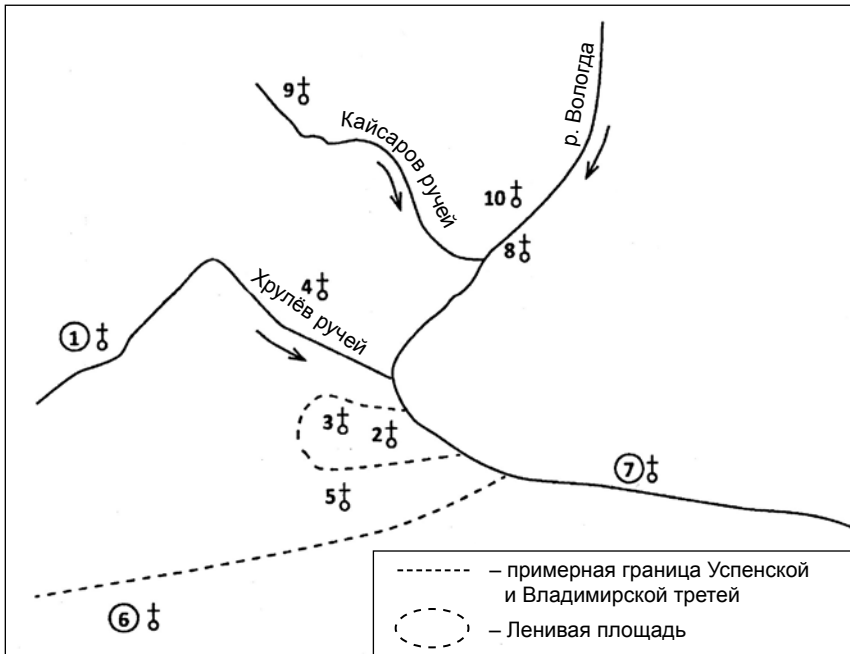
О формировании межездных границ на Русском Севере в XV–XVI вв.: Белоозеро – Вологда – Устюг

Предлагаемая статья посвящена некоторым аспектам формирования границ «уздообразующих» городов Белоозера, Вологды и Устюга на обширном пространстве Русского Севера. В центре внимания стоит Вологда, и, отталкиваясь от её срединного положения, авторы предлагают локальное рассмотрение отдельных участков вологодско-белозерской и вологодско-устюжской границ в первой половине XVI в., контуры которых намечались в предшествующее время. Термин «граница» мы считаем применимым к изучению процесса формирования уездов на протяжении XVI–XVII вв. Это не исключает широкого распространения в источниках того времени (прежде всего, на уровне топонимики) разнообразных сочетаний со словом «рубеж», встречающемся в названиях рек, станов, волостей и как понятия.

Предварительно подчеркнём два принципиальных момента: 1) необходимость обращения к исторически сложившейся территории самой Вологды как города; 2) учёт не только государственно-политического, но и административно-церковного контекста при изучении историко-географических процессов. С этой целью оправданно обращение к поздним архиерейским окладным книгам и переписной документации XVII–XVIII вв.

Наше гипотетическое видение структуры Вологды как города в XIII–XV вв. представлено на схеме (рис. 1). Оно основано на устойчивом делении в окладных книгах приходских храмов Вологды на три трети – Успенскую (центром её являлся Успенский собор в будущем Горнем женском монастыре), Владимирскую и Мироносицкую в Заречье. По нашему предположению, третнее деление Вологды отражало исторически обусловленную принадлежность разных её частей трём церковным институциям: 1) Новгородской архиепископии (Успенская треть – Верхний посад), 2) Ростовской архиепископии (Мироносицкая треть – Заречье) и 3) Московской митрополичьей кафедре (церковь Сретения иконы Владимирской Богоматери – Нижний посад). На рисунке 1 схематически показано расположение церквей в разных частях города на конец XV в., центры самих третей и предполагаемая граница между Успенской и Владимирской третями.

При таком подходе акцент нами делается не на ставшем уже традиционным в научной литературе представлении о двух ча-

1 – ц. Успения Богородицы	6 – ц. Владимирской Богоматери
2 – соборная ц. Воскресения	7 – ц. Жён Мироносиц
3 – ц. Василия Великого	8 – ц. Леонтия Ростовского
4 – ц. Воздвижения	9 – ц. Троицы
5 – ц. Ильи Пророка	10 – ц. Рождества Богородицы на Верхнем долу

*Кружком обведены центры «третей»

Рис. 1. Схема Вологды XIV–XV вв.

стях Вологды – новгородской и великокняжеской, её «половинчатости» (подобно Торжку, Волоку Ламскому и Бежецкому Верху), а на её трёхсоставном формировании, что отразилось также на особенностях складывания территории Вологодской земли и в дальнейшем уезде.

Ещё одна предлагаемая нами реконструкция касается формирования территориальной структуры вокруг Вологды (рис. 2). Здесь мы допускаем аналогию с Новгородом, пяти «концам» которого соответствовали отходившие от них пятины – обширные пространства за пределами города. Группу волостей к западу и северо-западу от Вологды (Сяма, Тошня, Масляна, Янгосар) можно считать «Вологдой» новгородско-княжеских dokonчаний, что

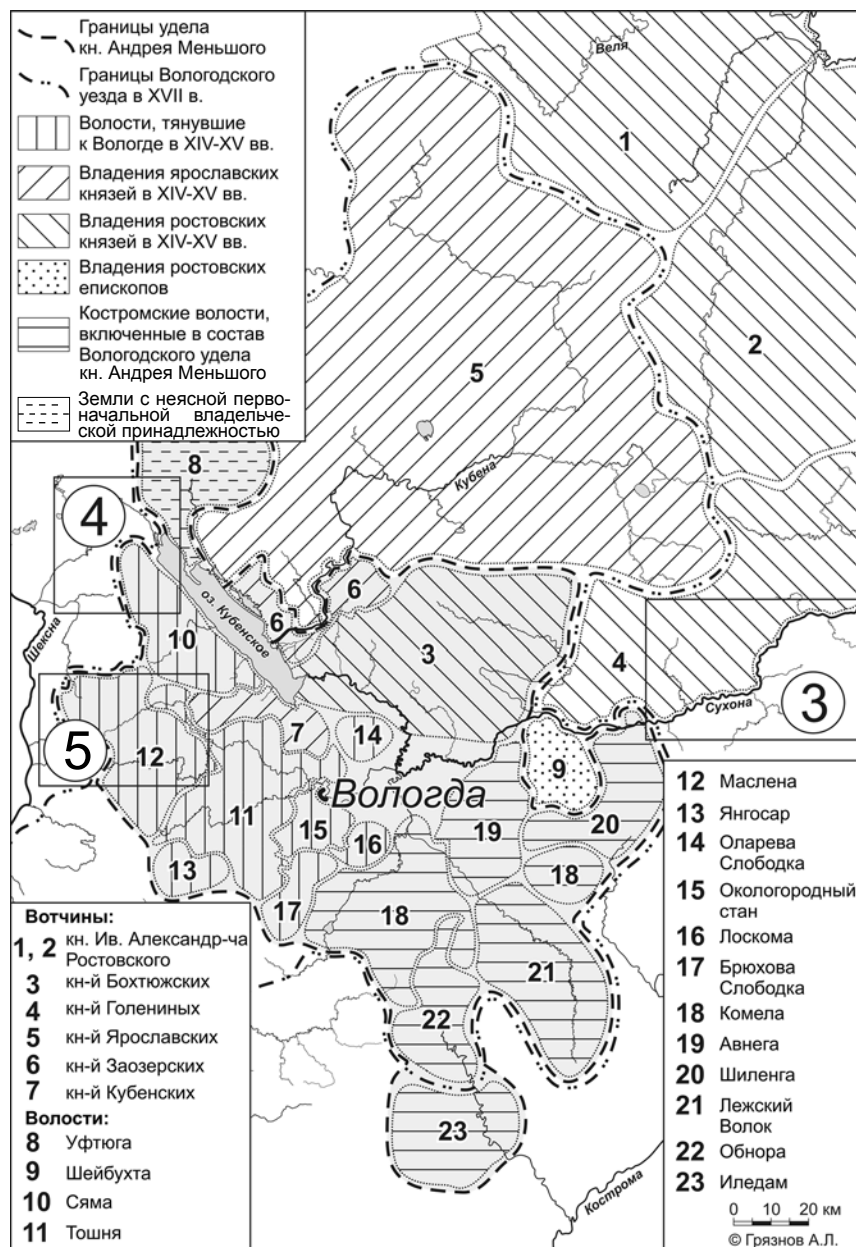

Рис. 2. Вологодский край в XV в.

Крупными цифрами обозначены волости, представленные на рис. 3, 4, 5 более детально (см.: с. 183, 186, 188)

было уже отмечено в статье одного из авторов данной публикации (Грязнов, 2008, с. 110–111; к Вологодской волости автор относит также Пуркаловское околородье, Брюхову и Олареву слободки). Исследователь считает, что город возник на восточной периферии данного массива как опорный пункт, контролирующий режим прохождения торговых судов на шекснинско-сухонском пути (реки Масляна, Вологда, Тошня, Кубенское озеро). Массив Вологодской волости, полагаем, мог соответствовать новгородской трети самой Вологды.

Московская по происхождению («Владимирская») треть города имела своим продолжением подведомственные Московской митрополии и расположенные к югу и юго-востоку от города Комельскую, Обнорскую, Авнежскую волости. Наиболее раннее расширение этой «доли» за счёт Заречья можно связать с основанием к северо-западу от города несомненного проводника московского влияния – Спасо-Прилуцкого монастыря, ближайшие сёла которого – Выпрягово и Коровничье – позднее относились к волости Ракула. Об их митрополичьей церковной юрисдикции свидетельствует жалованная уставная грамота Спасо-Прилуцкому монастырю митрополита Макария 1542 г., в которой село Выпрягово включено в Вологодскую десятину (вместе с ним ещё и село Домшино в волости Водогге), а село Великое на одноимённой речке в волости Авнеге – в Костромскую десятину (Сборник князя Хилкова, 1879, с. 2–3). Факт выдачи московскими митрополитами ставленных грамот основателям монастырей к югу от Вологды: Фотием, в 1414 г. Павлу Обнорскому (Акты исторические), и Симоном, в 1501 г. Корнилию Комельскому (ВГВ, 1839, № 14, часть неофиц., с. 108–109) – также подтверждает митрополичью юрисдикцию волостей Обноры и Комёлы, а также её великокняжескую (а не новгородскую и не ростовскую) политическую принадлежность.

Большая же часть заречной трети города Вологды с некоторыми церквями, имевшими характерные для Ростово-Ярославского региона храмоименования (Леонтия Ростовского, ярославских князей Фёдора–Давыда–Константина), продолжалась к северо-востоку до Кубенского озера и далеко за ним, откуда, собственно, и пошло историко-географическое понятие Кубено-Заозерье. Вплоть до 1562 г. в церковном отношении оно подчинялось Ростовским архиепископам, и неслучайно благословение на основание расположенных в Заозерье монастырей Дионисий Глушицкий, Александр Куштский и Григорий Пельшемский получали у ростовских святителей (Памятники письменности..., с. 115; Святые подвижники и обители..., с. 36–37, 146, 248). Ростовские же мастера в 1540-е гг. вели каменное строительство в Спасо-Каменном монастыре (см.: Святые подвижники и обители..., с. 44).

Векшеньга: погост, волость, улусец, приход

Погост Векшеньга, наряду с Тошной, судя по карте из монографии А. Н. Насонова, маркировал южную кромку новгородских даней по уставной грамоте князя Святослава Ольговича 1136/37 г. Погост был расположен в 89 км к востоку от г. Вологды у впадения справа речки Векшеньги («беличьей реки») в р. Сухону. Здесь в казну новгородского святителя бралось «два сорочка» (80 беличьих шкур). Археологические исследования А. В. Никитина выявили на месте Векшеньги небольшое мысовое городище треугольной формы, две стороны которого были образованы оврагами, а третьей служил ров. Незначительный культурный слой свидетельствует о том, что люди на самом городище, скорее всего, не проживали, тогда как сохранившееся рядом с ним селение до сих пор называется Погост¹. В переписных книгах 70–80-х гг. XVII в. отмечен «Векшен[г]ский улусец» в значении «часть», «доля» в составе Векшен[г]ской волости (в улусце отмечена лишь д. Глухая) (Писцовые книги Русского Севера, с. 332, 334). В это время и улусец, и волость входили в Тотемский уезд, сам же уезд формировался во второй половине XVI – первой четверти XVII в. из восточных волостей Вологодской и западных волостей Устюжской земель (Писцовые книги Русского Севера, с. 320–321; Воскобойникова, 1999, с. 44–45).

О составе поселений погоста Векшеньга на правобережье Сухоны можно узнать из одной челобитной 1651 г. В погост входили слободка Пьянково по р. Сухоне до устья Толшмы (на «Галицком взвозе»), д. Куницыно, д. Выставка в устье Ихалицы, д. Глухая на одноимённой речке и искомая д. Векшеньга Воробьёво тож (БЕВ, 1866, прибавление к № 7, с. 298) (рис. 3). Несмотря на сильную хронологическую отдалённость сведений о Векшеньге как погосте XII в. и волости XVII в. (с частью её – улусцем), «прямое попадание» погоста и улусца в одну точку само по себе весьма показательно и свидетельствует о преемственности погостов древнерусского времени и позднейших административно-налоговых опорных пунктов в продолжавшемся освоении этой части Русского Севера, в том числе и в ордынскую эпоху (исходя из явно тюркского происхождения самого слова). Правда, здесь следует учитывать его сильное созвучие греческому «αυλίς» в значении «улица-при-

---

¹ Б. А. Рыбаков отметил, что из всех погостов устава князя Святослава археологически изучена только Векшеньга (Рыбаков, 1982, с. 365), однако никаких ссылок на публикацию Никитиным своих материалов не привёл. О разведке Н. В. Гуслистова в устье Векшеньги см.: Археологические открытия за 1976 г. М., 1977. С. 12–13. По устному свидетельству И. Ф. Никитинского, он в 1976 г. участвовал в разведочных работах в устье р. Векшеньги под руководством Н. В. Гуслистова, в ходе которых значительных находок не было обнаружено.

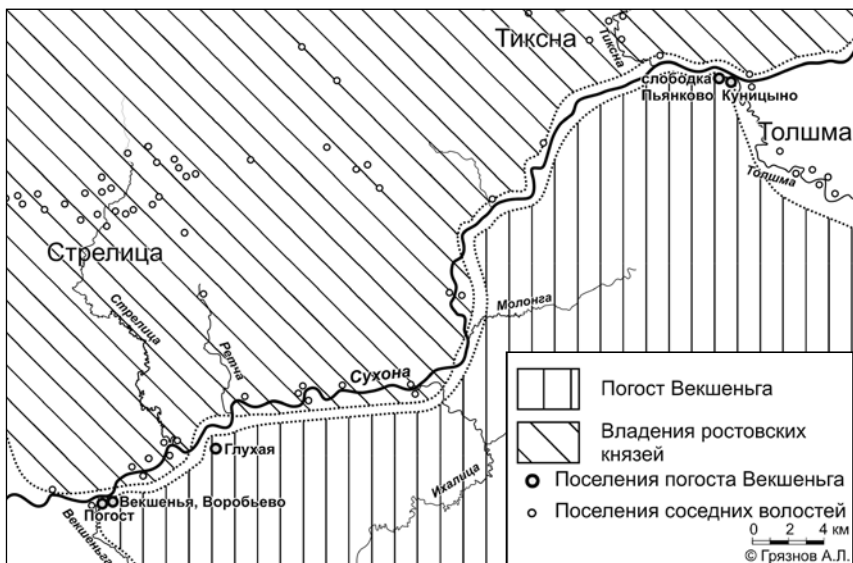

Рис. 3. Погост Векшеньга

ход», что не позволяет считать татарское происхождение улусов и улусцев на Севере единственно возможным (подробнее см.: Черкасова, 2008, с. 260–273). В опубликованной Н. И. Суворовым окладной книге Тотемско-Устюжской епархии за 1755 г. отмечен приход Векшен[г]ского улусца с церковью Николая Чудотворца, в котором проживало 426 душ обоего пола (Суворов, 1872, с. 518). Можно указать и на другие совпадения улусцев с приходами в этом источнике – Ихалицкого, Маныловского, Нутренского, Верхоеденгского (во всех четырёх были церкви Николая Чудотворца), Чаловского (церковь Рождества Христова) (Суворов, 1872, с. 518–519).

Полагаем, что поток переселенцев в связи с военными потрясениями в Ростово-Суздальской Руси в 1237–1238 гг. «накрыл» Векшеньгу как новгородский погост, отодвинув новгородскую границу на север. Став ростовской, средняя Сухона надолго оказалась в составе Ростовской архиепископии как западный край Устюжской земли, включая современное село Шуйское с его обширной округой (волости Шейбухта, Козланга, Кочкова). И если считать, что в XII в. погост Векшеньга маркировал западную границу Ростовской епархии с Новгородской, то в дальнейшем в церковном отношении граница эта уже стала ростовско-вологодской. Следует учитывать и водный путь по р. Толшме, верховьем своим связанной с галицко-коstromскими землями, а впадающей

в Сухону. Эти маршруты активно использовались не только на начальном этапе промыслово-земледельческого освоения Севера в ходе ростовской колонизации, но и значительно позднее – как приходившими в XV–XVI вв. из района Казанского ханства татарами, так и в процессе развития внутрироссийских торговых связей в XVI–XVIII вв.

В движении населения на Волго-Сухонском водоразделе значительную роль мог играть волок между Монзой (притоком р. Костромы) и р. Лежей (притоком Сухоны) (Макаров, 1997, с. 99; см. также: Белов, 2010, с. 24–28). В окладной книге вологодского архиепископа Маркела 1647/48 г. в волости Лежский Волок отмечен храм Василия Великого в Заволочье, приход которого составляли 6 деревень соседнего Галицкого уезда (ОР РНБ, ОСПК, Q. II-106, л. 49 об.). Так церковно-приходские структуры могли накладываться «поверх» междуездных границ. Без особой натяжки такое наблюдение можно отнести и к структурам монастырской собственности. Понятнее становится поддержка, оказываемая великокняжеской властью монастырям с их нередко междуездной конфигурацией землевладения. Так, в июле 1538 г. Арсений Сахарусов получил жалованную грамоту на приписную пустыньку в Шилегодской волости «на Комельском лесу меж Галичского уезда и Лежского Волока» (Амвросий, 1811, с. 283–286; Суворов, 1870, с. 28–30). Грамота в дальнейшем получала подтверждения в 1551, 1585, 1592 и 1606 гг., а пустынь стала называться Александро-Коровиной на р. Шингаре в Шилегоцкой волости.

Белозерско-вологодская граница: Рукина Слободка и Сизьма

Разнообразная документация Кирилловского архива (поземельные акты, вытные и переписные книги), белозерская и вологодская сотные 1543–1544 гг., некоторые грамоты ростовских и вологодских архиереев позволяют проследить, как формировался белозерско-вологодский рубеж в XV в., а с образованием Белозерского и Вологодского уездов в 1480-е гг. и междуездная граница в районе Рукиной слободки (в волости Сяме) и Сизьмы (в волости Масляне). В монографии Н. А. Макарова с привлечением отводной книги Кириллова монастыря 1492 г. текстуально проанализирован и картографически локализован древний рубеж между Белоозером и Вологдой, проходивший к югу от Ситского озера по правобережному притоку Порозовицы – речке Рубежнице, обозначена значительная группа белозерских деревень на этом участке (Макаров, 1997, с. 59, рис. 23). В отводной книге 1492 г. белозерско-вологодская граница указана между кирил-

ловской д. Громовой и сямской д. Ларюковой (АСЭИ, т. 2, № 290, с. 221, 224–225).

В процессе историко-географического (в конечном счёте, политического) размежевания следует учесть и роль церковно-приходских структур. Применительно к Рукиной слободке она заключалась в формировании в самом селе двух приходов разной церковной юрисдикции – ростовской (церкви Воскресения Христова и Сергия Радонежского) и вологодской (церкви Покрова Богородицы и Афанасия Александрийского). Ранние сведения о наличии церквей – Воскресения Христова в Рукиной слободке и Св. Николы в Сизьме – содержатся в актах ростовских архиепископов XV в. (АСЭИ, т. 2, № 161, 174, 175, 291). В отводной книге 1492 г. в Рукиной слободе отмечено «сельцо Воскресенский погост», а в жалованной грамоте 1578 г. – в селе Рукине Воскресенская церковь (РИБ, т. 32, № 265).

В сотной на белозерские владения Кириллова монастыря 1543–1544 гг. лучше освоенным и плотнее населённым выглядит приход церкви Воскресения Христова в селе Рукина Слободка – 36 деревень и 14 починков (1544 г. февраля – Сотная из писцовых книг..., с. 188–190). Менее оформленным на тот момент был второй приход того же села – церкви Афанасия Александрийского, относимый к вологодской волости Сяма, – 14 деревень (в том числе д. Вагрино на речке Рубежнице) и 3 починка (рис. 4) (1544 г. – Сотная с писцовых книг..., с. 91). Значительная часть и белозерских, и вологодских деревень села Рукина слободка (включая и само село), как свидетельствуют обе сотные, располагалась на суходоле, то есть на водоразделе речек правобережья Порозовицы и мелких озёр². Очевидная разновеликость приходов склоняет к мысли о движении населения в рамках кирилловской вотчины с «воскресенской стороны» на «афанасьевскую», то есть из Белозерья на Вологодчину. В дальнейшем демографический состав приходов несколько выравнивается: в Воскресенский входило 16 белозерских деревень, в Покровско-Афанасьевский – 12 вологодских деревень (ВХК, вып. 3, с. 401–406; Церковно-исторический атлас..., ч. 1, с. 38; ч. 2, с. 69 – № 2–8 (Вологодский район) и № 24–12 (Кирилловский район); см. также: Никольский, 2006, с. 103–108). Разделение на два соседних прихода оставалось устойчивым и в дальнейшем: Воскресенский относился к Кирилловскому уезду (историческое Белозерье, до 1658 г. входившее в состав Ростовской митрополии), а Афанасьевский – к Вологодскому уезду и, соответственно, входил в состав Вологодской епархии. «Поверх»

² Это уясняется на основе вытных книг 1624–1626 и 1665 гг., опубликованных З.В. Дмитриевой (Дмитриева, 1997, с. 242, 244–250, 259, 261, 264–265, 268–270).

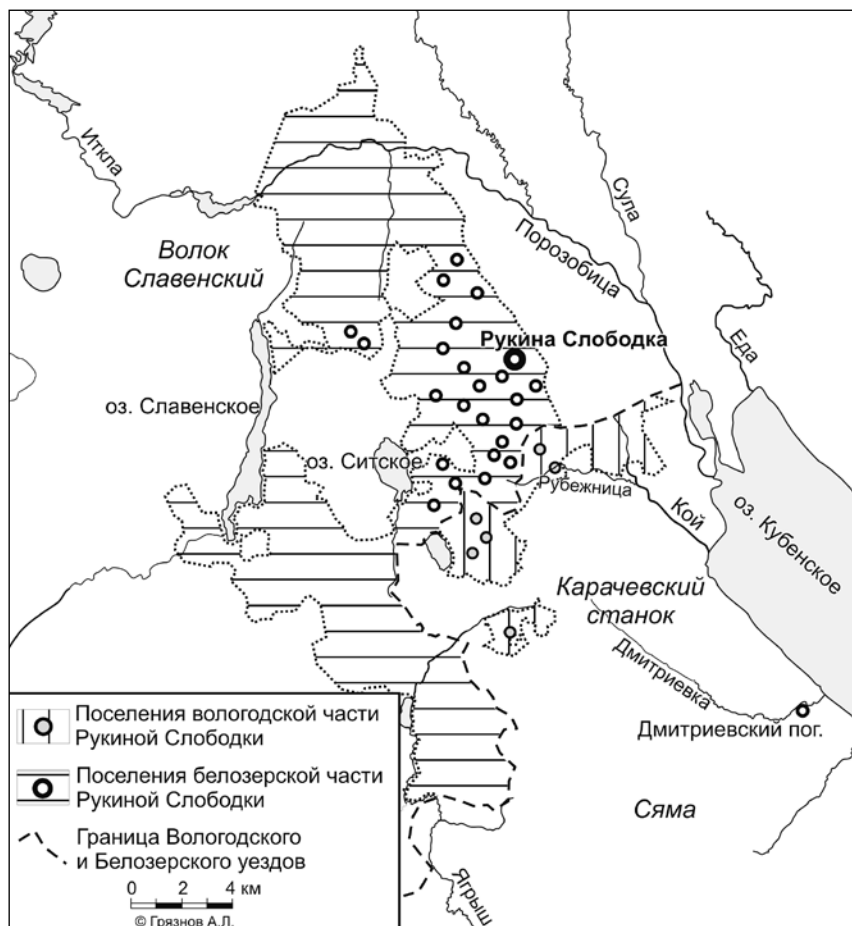

Рис. 4. Рукина Слободка

приходского и межуездного деления уверенно накладывалась более целостная структура земельной собственности Кириллова монастыря. Автор классического очерка о Волокославенской волости Н. П. Павлов-Сильванский, бывавший в ней непосредственно и включавший в её состав Рукину слободку, отмечал устойчивость её восточных границ с соседним Вологодским уездом, их неизменность практически с конца XV в. (Павлов-Сильванский, 1988, с. 160).

В хозяйственном отношении рукинослободский комплекс функционировал в составе четырёх «ключей» – Степычовского и

Вахневского (по названиям деревень в соответствующих частях – воскресенской и афанасьевской) плюс Волокославенского и Горского (ВХК, вып. 1, с. 45). В вытных книгах 1620-х гг., отразивших сильное разорение края после Смуты, вологодский Вахневский ключ состоит из двух частей: в его вологодской части числилось соответственно 4 вологодских деревни (Кудрявцево, Вагрино, Иватино, Останино) и 11 пустошей (включая собственно Вахнево), а в белозерской части – 4 белозерских деревни (Куксино, Смолино, Нестерово, Борбошино) и 6 пустошей (Дмитриева, 1997, с. 238–241).

В местности Сизьма, также расположенной на белозерско-вологодском рубеже, по переписной книге 1601 г. было шесть приходов. В Белозерской половине это Ильинский («в Чаромских»), Кирилловский («на Коленце») и Богородице-Рождественский («в Запогостье») (Локализацию этих приходов см.: Церковно-исторический атлас..., ч. 1, с. 110; ч. 2, с. 92 – № 3–26, 8–26, 9–26, 10–26. Ныне они относятся к Шекснинскому району Вологодской области). В Вологодской половине – Николо-Трёхсвятительский (собственно в селе Сизьме), Богородице-Рождественский на притоке Шексны Сизьме («в Оночисти») и «Егорья Великого» в селе Усове (Церковно-исторический атлас..., ч. 2, с. 92 – № 7–26, с. 93 – № 49–8). Усовским назывался соответствующий ключ в вытных книгах Кирилло-Белозерского монастыря 1559 г. (ВХК, вып. 1, с. 95; вып. 3, с. 402–403). Вологодскую половину следует отнести к волости Масляна, названной по одноимённой р. Масляной (притоке р. Вологды).

Обширный вотчинный комплекс Кириллова монастыря формируется здесь ещё с середины XV в. на основе пожалований пустошей и пожен великих княгинь Софьи Витовтовны, Марии Ярославны и великого князя Василия II. Ими как бы охватывались обе стороны речек Березницы, «верх-Вологдицы», Сизьмы и Масляны, маркировавшие белозерско-вологодский рубеж (АСЭИ, т. 2, № 157, 158, 160). Возможно, здесь функционировал волоковой путь через левые притоки Шексны в её среднем течении на верховья притоков Сухоны (ср.: Макаров, 1997, с. 98 – автор считает, что ни письменные источники, ни топонимика, ни археологические материалы не дают конкретных подтверждений существования волоков между Сизьмой и Вологдой, Углой и Тошной). Сформировалась даже сиземская дорога. В общей жалованной грамоте 1556 г. в виде включённого акта приводится межевая разъезжая грамота Ивана Злобина 1554/55 г., которой в районе Сизьмы были разграничены земли Кириллова монастыря с землями Масленской волости и владениями владыки ростовского (р. Синдошь на «Верхвологде») (РИБ, т. 32, № 152 – разъезд зем-

Рис. 5. Сизма

ли Кириллова монастыря и ростовского архиепископа в районе Сизмы и Верхволгоды в 1540-е гг.), а также Белозерского и Вологодского уездов (рис. 5). Особо отмечено пограничное положение д. Берёзкино – «а оттоле пошёл лес болшей в Белозерщину» (АСЭИ, т. 2, № 316, с. 294).

Акты вологодских епископов позволяют соотнести церковно-приходскую структуру с формирующейся десятинной. Десятины как на порядок более крупные, нежели волости, территориально-административные единицы церковного управления накладывались «поверх» волостного деления. Управляли десятинами архиерейские десятильники, иногда называвшиеся также наместниками. Это даёт основание для взаимного уподобления формирующихся государственных и церковных институтов управления.

В архиерейских грамотах 1539 и 1556 гг. (и некоторых более поздних) фигурирует Кубенская десятина, причём всякий раз с дифференцированным уточнением: «в Сяме» (Полознев, 1995, с. 52), «в Сизме» (Дополнения к актам историческим; ОР РНБ, ОСРК, Q. II-113 а, л. 635 об.–636 об.); «в Заозерье» (РИБ, т. 32, № 197). Она включала в себя приходы на белозерско-вологодском рубеже (вологодскую половину Рукиной слободки, сиземские комплексы в волости Масляне, волости Сяму, Кубену и, видимо, какую-то часть Кубенского Заозерья. Территория Кубенской

десятины Вологодской епархии граничила с расположенной западнее Белозерской десятиной Ростовской епархии.

Вологда – Устюг: волости Сямжа и Мола

Восточную границу Вологодского уезда с Устюжским позволяет наметить жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича Сямженскому Евфимьеву монастырю от 21 марта 1541 г. (РГАДА, ф. 281 (Грамоты коллегии экономии), по Вологде № 2582; упом.: Каштанов, 1958, № 426). Документ отразил двусоставность монастырской вотчины: в вологодской Вастьяновской волости находилась одноимённая деревня и починок Деревягино, деревня Клочково, полученные из княжеских вотчин Пенковых³; в устюжской волости Моле – деревня с показательным названием Порубеж, деревня Вербилово и ещё до десятка деревень и починок. Мольский комплекс был дан монастырю известным политическим деятелем 1490–1500-х гг. кн. Василием Ивановичем Голениным «по душе» своего брата, инока Игнатия Голенина. Это были представители старшей ветви Ростовского княжеского дома (рис. 6, см. выполненную А. Л. Грязновым генеалогическую схему 2). Вологодская и устюжская части вотчины Сямженского монастыря маркировали удел старшей ветви Ярославского княжества (Пенковых) и Бохтюжской ветви Ростовского княжества (Голениных) далеко на севере от Ярославля и Ростова.

По мере формирования Тотемского уезда (с 1548 г., затем с 1564–1565 гг., а окончательно – с 1620-х гг.) крайние западные земли Устюжской земли вошли в его состав. Разграничение здесь можно наметить на двух участках: 1) между вологодской волостью Сямженой и устюжской (тотемской) волостью Молой и 2) между вологодской и тотемской частями самой Сямжены. В окладных книгах 1647/48, 1674/75, 1691 и 1755 гг. в вологодской части последней отмечен храм великомученика Георгия «на Рубеже» (ОР РНБ, ОСПК, Q. II-106, л. 92 об.; Q. II-107, л. 117 об.; ВЕВ, 1872, прибавления к № 21, с. 820), а по соседству в тотемской – Покрова Богородицы (Церковно-исторический атлас..., 2007, ч. 2, с. 52, № 12–18, 13–18). Георгиевская церковь называлась Рубежской ещё в начале XX в. Таким же было название волости на востоке Вологодского уезда – Порубежская. В писцовой книге 1623–1625 гг. указана её граница с тотемской Сямженской волостью по речкам Узмице и Нишме (РГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ),

³ Их состав указан в жалованной данной тарханно-оброчной и несудимой грамоте кн. Василия Даниловича Пенкова от 26 марта 1526 г. (ОР РНБ, ОСПК, F.-1, 254–255; Каштанов, 1958, № 237).

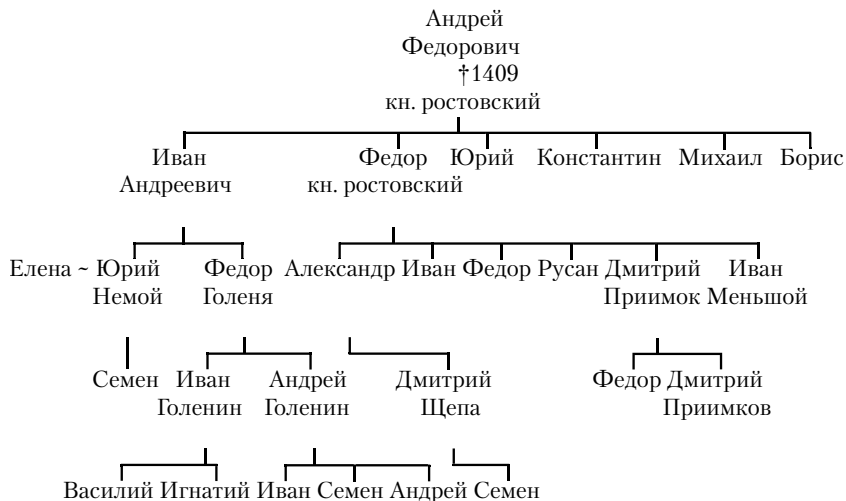

Рис. 6. Родословная ростовских князей конца XIV – конца XV в. Сретенская ветвь.
Подчёркиванием обозначены кн. Василий и Игнатий, упоминаемые в грамоте 1541 г.

оп. 1, кн. 486, л. 623 об., 1006), или Рубежская; в ней описью Спасо-Евфимьева монастыря 1702 г. помещено сельцо Холезино (Суворов, 1872, с. 581; Водарский, 1970, с. 300, 347–348; Переписные книги вологодских монастырей..., с. 255).

В тотемской волости Моле был храм Николая Чудотворца. Устюжскую административную принадлежность волости Мола, помимо грамоты 1541 г., подтверждает также жалованная грамота Василия III 1528 г. попу Никольской церкви на р. Толшме на Коченском рубеже с Галицким уездом (там находился ям), в которой пересказывается более ранняя грамота Ивана III той же церкви (РГАДА, ф. 137 (Городовые боярские книги), оп. 1, Устюг, № 117, ч. 2, л. 301)⁴. В ней, наряду с наместниками устюжскими, фигурируют волостели мольские и толшемские.

В отличие от земель к западу от Вологды, церковно-административное деление здесь было однородным, поскольку данная территория в церковном отношении полностью принадлежала Ростовской епархии. «Заозерская» десятина в составе Вологодской епископии появится не ранее 1562 г. (РИБ, т. 32, № 217) в

⁴ Авторы благодарят И. В. Пугача, указавшего на этот источник.

связи с общим процессом ликвидации княжеских прав старшей ветви Ярославского дома после смерти последнего его представителя кн. И. В. Пенкова. Показательно, что формирование здесь территориальных структур уезда (его Заозерской половины) и церкви (Заозерской десятины епархии) происходило практически одновременно. Так набирает силу тенденция к более строгой соотносённости административных и церковных границ, но до полного её осуществления на Русском Севере потребуются ещё немало времени.

Источники и литература

1544 г. – Сотная с писцовых книг Т. А. Карамышева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Вологодском уезде (публ. Л. С. Прокофьевой) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981.

1544 г. февраля. – Сотная из писцовых книг Ф. Ф. Хидырщикова и Г. Л. Клементиева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде (публ. Л. С. Прокофьевой) // Материалы по истории Европейского Севера СССР: северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972.

Акты исторические. СПб., 1841. Т. 1. № 357.

Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. М., 1811. Ч. III.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1958. Т. 2; М., 1964. Т. 3.

Белов А. В., 2010. О волоковых путях волости Лежский Волок // Власть и общество на Европейском Севере: история и современность. Вологда.

ВГВ – Вологодские губернские ведомости.

ВЕВ – Вологодские епархиальные ведомости.

Водарский Я. Е., 1970. Вологодский уезд в XVII в. (К истории сельских поселений) // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда.

Воскобойникова Н. П., 1999. К истории описания Тотмы и Тотемского уезда во второй половине XVI–XVII вв. // Массовые источники отечественной истории. Архангельск.

ВХК – Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря, 1559–1601 гг. / сост. А. Х. Горфункель, З. В. Дмитриева; отв. ред. А. Г. Маньков. М.; Л., 1983. Вып. 1–3.

Грязнов А. Л., 2008. Картографирование территории Белозерского, Вологодского и Пошехонского уездов по материалам писцовых описаний XVI–XVII вв. // Материалы XV Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков. К 100-летию со дня рождения П. А. Колесникова. М.

Дмитриева З. В., 1997. Вытные книги села Рукина Слободка с деревнями 1620–1660-х годов // Кириллов: краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда.

Дополнения к актам историческим. СПб., 1946. Т. 1. № 220.

Каштанов С. М., 1958. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 1 // Археографический ежегодник за 1957 г. М.

Макаров Н. А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.

Никольский Н. К., 2006. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). СПб. Т. 2.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

ОСРК – Основное собрание рукописной книги в ОР РНБ.

Павлов-Сильванский Н. П., 1988. Феодализм в России. М.

Памятники письменности в музеях Вологодской области. Вологда, 1987. Ч. 1, вып. 2.

Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследования и тексты / отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда: Древности Севера, 2011.

Писцовые книги Русского Севера / отв. сост. Н. П. Воскобойникова. М., 2000.

Полознев Д. Ф., 1995. Благословенные и ставленные грамоты Ростовской и Вологодской епархий XVI–XVII вв. из фондов ОПИ ГИМ // Сообщения Ростовского музея. Ярославль. Вып. VIII.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РИБ – Русская историческая библиотека. Т. 32 (Архив П. Строева. Т. 1). Пг., 1915.

Рыбаков Б. А., 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 2.

Святые подвижники и обители Русского Севера. СПб., 2005.

Суворов Н., 1870. Описание Арсениево-Комельского монастыря Вологодской епархии. Вологда.

Суворов Н. И., 1872. Несколько топографических и статистических сведений о бывшей Великоустюжской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления к № 17. С. 518.

Церковно-исторический атлас Вологодской области: в 2 т. / автор-составитель Н. М. Македонская. Вологда, 2007. Т. 1: Списки церквей и монастырей; Т. 2: Картографический материал.

Черкасова М. С., 2008. Севернорусский город в ордынскую эпоху (на материале Вологды и Устюга) // Верхнее Подонье: археология, история. Вып. 3. Тула.

**Обзор документов по истории Белозерья
конца XVI–XVII в.
в фондах Государственного архива
Вологодской области**

Белозерский край сыграл немаловажную роль в политической, экономической и культурной жизни Древнерусского государства. Изучение его истории стало важной составляющей в исследовании Древней и Средневековой Руси. Неоценимым источником информации являются сохранившиеся документы в архивах России и, в частности, в Государственном архиве Вологодской области (далее – ГАВО).

В XVII в. Белозерский край утрачивает своё былое значение. Событиями, ускорившими этот процесс, стали освоение новых территорий в Сибири и польско-литовская интервенция.

В ГАВО документы по истории Белозерья конца XVI–XVII вв. сохранились в архивном фонде «Коллекция столбцов XV–XVII вв.» (Ф. 1260), насчитывающем 1165 единиц хранения. Столбцы – это форма приказного делопроизводства в России XVI–XVII вв., при которой листы документов склеивались и хранились в виде свитков. Текст на них писался поперёк по узкой стороне, оборот листа оставался чистым для помет, адресов. Документы, формировавшиеся в одну единицу хранения, подклеивались друг за другом и образовывали длинную ленту, которая сворачивалась в рулон – столбец. Подписи подъячих, скреплявших дела, состоящие из нескольких листов, делались на оборотной стороне по склейкам.

Большинство столбцов по Белозерскому уезду, сохранившихся в ГАВО, находятся в ветхом состоянии. Наиболее ранний документ относится к 1592 г., поздний – к 1699 г. Наибольшее количество документов в фонде связано с деятельностью церковнослужителей. Это благословенные грамоты на выдачу антиминса¹; на заготовку леса для строительства новых церквей; так называемые епитрахильные грамоты, разрешавшие вести богослужения вдовому священнику; ставленые грамоты, выдаваемые епископом священнослужителю в удостоверение действительности его рукоположения, с указанием его степени и принадле-

---

¹ Антиминс – плат с защитными частицами мощей христианских святых и надписанием епископа.

жащих ему прав (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 2451, 2454, 2456, 2461, 2462, 2529, 3753, 3754, 3756, 4375 и др.). К последним относится благословенная ставленая грамота архиепископа Вологодского и Великопермского Макария дьячку Деомиду Автономову сыну Попову на иерейство в церковь Преображения Господня в Вашпанскую волость Белозерского уезда за 1617 г. (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 46). В архивном фонде «Коллекция столбцов XV–XVII вв.» сохранились челобитные, в которых прихожане просят архиепископа повятить в священники дьячков разных церквей Белозерского уезда (излюбные), челобитные, где священники обвиняются в различных злоупотреблениях (пьянство, укрывательство беглых крестьян, злоупотребление церковной казной) и другие челобитные, где просят архиепископа вызвать к исповеди по случаю принятия сана (ГАВО. Ф. 1260. Д. 1759. 3718, 4261, 4484, 4885, 4890, 6755, 9007 и др.). Наиболее ранние челобитные по Белозерскому уезду, сохранившиеся в ГАВО, относятся к 1601 г., например, челобитные крестьянки д. Налескина Карголомской волости Белозерского уезда Каптелины Иевлевой, жены Леонтия Леденицина игумену Ферапонтова монастыря Ферапонту и келарю старцу Корнилию, о пострижении в монастырь и разрешении оставить при себе сына Якова, пока он учится грамоте (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 6. Д. 254).

Ещё одним видом документов являются сказки² священников разных церквей Белозерского уезда о количестве венчаний и взятых церковных пошлин. Всего за период с 1651 г. по 1693 г. их насчитывается 56. Самой ранней является сказка священника Преображенской церкви Макария Ковжезерской волости Белозерского уезда недельщику Козьме Полиектову о количестве свадеб в приходе в 1651 г. (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 11742) Среди церковных пошлин упоминаются вечные, пошлины при вступлении в брак (размер их был различен, в зависимости от того, в первый брак вступают жених и невеста, во второй или третий); подчеревные, взимавшиеся с матерей за внебрачного ребёнка; похоронные, собиравшиеся в казну архиерея при выдаче письменного разрешения на погребение умерших скоропостижной смертью; выводная куница – свадебная пошлина, взимавшаяся с лица, выдававшего невесту замуж в случае брака с человеком другой волости или княжества, когда женщина переходила («выводилась») к мужу и др.

В отдельную группу можно выделить дела, связанные с землевладением. Так определённый интерес представляет деловая

---

² Сказки – письменные показания по определённому вопросу. Подавались они по разным поводам, когда администрации нужны были сведения по какому-либо делу, известные авторам сказок.

запись крестьян Ваденской волости Белозерского уезда со старцем Трифаном Спасо-Прилуцкого монастыря и слугой Василием Федосовым сыном Скорятиным на земли и угодья в районе рек Осиновицы, Волшки и Коноши (см. Приложение). Эта сделанная в XVIII в. копия текста, датированного 1592 г., самый ранний документ, связанный с Белозерьем, который сохранился в ГАВО. Нужно отметить, что послухи, составлявшие этот документ, назвали его данной, хотя по содержанию он является деловой записью о разделе угодий. В других документах по земле (челобитные, отводные на землю, памяти и др.) содержится информация о захвате церковной земли крестьянами, земельных спорах между крестьянами и священнослужителями, между самими священнослужителями. Например, к последним можно отнести челобитную 1676 г. священника Ильинского прихода Василия с братом дьячком Андреем Ухтомьярской волости Заозерского стана Белозерского уезда архиепископу Симону на племянников своих вдового священника Исаакия и его брата дьячка Семена Симановых детей, захвативших большую часть церковной земли и доходов (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 4703).

Ещё одну группу документов составляют дела, связанные с разделом и наследованием имущества. К ним относятся: раздельная запись воскресенского священника Григория Михеева д. Старой Ерги вотчины Кириллова монастыря Белозерского уезда с братом Козьмой Михеевым на землю, хлеб, скот и прочее имущество 1660 г. и документы о разделе имущества между сыновьями умершего священника Акепсима Попова с. Яргоможа вотчины Кириллова монастыря Белозерского уезда 1674 г. (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 1825, 4300). Сведения о наследовании имущества содержатся в духовных памятях или завещаниях. Всего в документах по Белозерскому уезду за XVII в. их насчитывается пять. Самые ранние относятся к 1639 г., это духовная память Исидора Яковлева сына Оботуровского д. Ирданово Леменской волости Белозерского уезда и изустная духовная память вологодского помещика Григория Яковлева сына Малютина, проживавшего в Белозерском уезде (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 280; Оп. 8. Д. 57). Касательно последней сохранилось свидетельство о её подтверждении вологжанином Еремеем Григорьевым сыном Козьминым и вологодским помещиком Воином Семеновым сыном Березкиным от 1643 г. (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 383).

Другая тема, которая встречается в документах по Белозерскому уезду XVII вв., связана с разного рода преступлениями (убийствами, кражами и т. д.) и материалами следствий по ним. В документах фонда «Коллекция столбцов XV–XVII вв.» сохранились сведения о краже лошади (явочная челобитная 1653 г.)

и казны Воскресенской церкви Лупсарской волости Заозерского стана Белозерского уезда (памяти) 1687 г., а также о пропаже монастырской денежной казны в Воскресенском Горицком девичьем монастыре Белозерского уезда 1658 г. (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 1636, 7526, 7527; Оп. 9. Д. 2). Другим преступлением, которое упоминается в документах по Белозерью, является убийство. В челобитных архиепископу священники пишут об угрозе убийством, например, за отказ выдать вечную память на венчание третьим браком, об отлучении от церкви крестьян за убийство священника. Таких единиц хранения насчитывается восемь за 1662–1692 гг. Сохранившимися материалами следствий по преступлениям в Белозерском уезде за XVII в. являются допросные, обыскные и сыскные речи. Допросные речи или запись показаний допрашиваемого в фонде «Коллекция столбцов XV–XVII вв.» по Белозерскому уезду сохранились за 1658–1692 гг. и насчитывают 25 единиц хранения. К 1658 г. относятся допросные речи старцев, служебников, бобылей и крестьян Троицкого Усть-Шехонского монастыря Белозерского уезда о растрате монастырского имущества игуменом Матвеем и его жестоким обращении с братией (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 1657). Документы подобного вида сохранились также по делам о краже, подлинности духовной памяти, об отцовстве внебрачных детей и другим вопросам. Сыскные речи (показания во время следствия) по Белозерскому уезду сохранились только за 1693 г. – это сыскные речи в Белозерской губной избе перед стольником и воеводой Алексеем Ивановичем Кошелевым крестьянина волости Федосьина городка Надпорожского стана Михаила Авакумова сына Пятого о старице Воскресенского Горицкого монастыря Марфе, родившей младенца неподалёку от его усадьбы (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 11. Д. 1). Обыскные речи имеются за 1649, 1685 и 1687 гг. по делам о расследовании земельных споров и избиении (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 6516, 7210, 7715).

Тема, связанная с нарушением церковных законов в XVII в., также находит отражение в документах по Белозерскому уезду. В первую очередь, это челобитные священников, крестьян о свадьбах между родственниками, например, двоюродными братьями и сестрами (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 4975, 9321). Также имеются две челобитные о нарушении свадебного сговора от 1659 и 1688 гг. (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 1758, 7983). Так как большинство столбцов связано с деятельностью церкви, нужно отметить, что в документах ГАВО по Белозерскому уезду сохранились сведения о церковном расколе в результате реформы патриарха Никона 1650–1660-х гг. Самые ранние документы относятся к 1672 г. – это изветная челобитная троицкого священника Арте-

мия Киснемской волости Заозерского стана Белозерского уезда архиепископу Симону о том, что в церквях уезда не проводят богослужений по новым книгам, что способствует укреплению раскола, и грамота архиепископа Симона священнику Артемию о донесениях в случаях непослушания и пения по старым книгам, наказания виновных (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 3722). Также в фонде «Коллекция столбцов XV–XVII вв.» имеются челобитные, памяти, поручные записи об оправдании и обвинении в расколе крестьян и священников (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 7406, 7482, 7759, 8002, 8021, 8252).

Таким образом, можно выделить несколько групп документов по Белозерскому уезду конца XVI – XVII вв. по следующим темам: 1) деятельность церковнослужителей и церковный раскол в результате реформы патриарха Никона 1650–1660-х г.; 2) церковные пошлины; 3) землевладение; 4) раздел и наследование имущества; 5) преступления и материалы следствий по ним. Эти темы наиболее интересны и актуальны для современных исследователей. Документы, отмеченные в данной статье, являются самыми яркими в выделенных группах.

В приложении к статье приводится публикация самого старого документа по Белозерскому уезду, сохранившегося в фондах ГАВО, текст которого относится к 1592 г.: деловой записи крестьян Ваденской волости Белозерского уезда со старцем Трифаном Спасо-Прилуцкого монастыря и слугой Василием Федосовым сыном Скорятиным на земли и угодья в районе рек Осиновицы, Волшки и Коноши.

Приложение

1592 г. мая 31 – Деловая запись крестьян Ваденской волости Белозерского уезда со старцем Трифаном Спасо-Прилуцкого монастыря и слугой Василием Федосовым сыном Скорятиным на земли и угодья в районе рек Осиновицы, Волшки и Коноши

(л. 7) Се аз, Федор Фатьянов сын Голова да Ерема Калинин сын Ерюха да староста Малафик Ерафиев сын да и все крестьяне Ваденские волости Никольского приходу Белозерского уезду, подилили есмя промеж собою по записем Спаса Прилуцкого монастыря старцем глубоковским с Трифаном да слугою с Василем Федосовым сыном Скорятиным подилили луги и наволоки с усть Осиновицы ричка, да вниз по Волшке ричке до межи до Коноши рички. И Трифану да Василию досталось з делу на два жеребя от ручья, от

деревни Одочне да верх по Волшке ричке до рички Березовки досталось Трифану да Василию по тем межам к деревне к Долгой да к деревне к Зеленой те луги и наволоки и сенные закосы. И мне, Федору да Ереме, да Малафию своими крестьяны Вадьенские волости в их луги не вступатце и не косить, как в сеи даной межи писаны. А почнем мы в их луги и наволочки вступатце и косить, и на нас по сеи даной два ста рублей денег.

А на то послуи: Михаило *Кирилов сын*³ Глубоковские волости земский дьячек да Конак Прокофьев сын Тавренские волости.

А даную писал Вадьенские волости церковный дьячек Докучка Иванов лета 7000 сотаго году мая в 31 день.

У той данои на обороте ж написано {тако}:

Послух Михаило руку приложил.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 59. Л. 7. Копия XVIII в. Скорпись

---

³*-* В ркп. написано дважды.

Бюджет Вологды в середине XVII века¹

Русский феодальный город всегда был важнейшим центром сложной системы административно-финансового управления и фискальной политики государства. Для её изучения большое значение имеют сметные списки отдельных городов – своего рода сводные бюджетные росписи. Главное их назначение – обеспечение государственных интересов и контроль над деятельностью местных органов власти в бюджетно-финансовой сфере. Они составлялись на каждый финансовый год и отправлялись в соответствующий четвертной приказ, в ведении которого находился данный административно-финансовый округ (подробно о сметных списках и их значении как источника см.: Пугач, 2008 б, с. 251–261). Вологда с уездом относились к Новгородской четверти.

За XVII в. по Вологде сохранилось 14 сметных списков, первый относится к 1627/28 г., последний – 1690/91 г. В данной работе анализируется бюджет Вологды по сметному списку за 1652/53 г. (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда № 2. Л. 2–108).

Сметные списки составлялись на местах подьячими съезжей избы. Сначала, накануне финансового года, расписывались планируемые показатели доходной части, затем в течение года под соответствующей статьёй фиксировался результат её выполнения. Указывались планируемая и реально собранная суммы, размер полученной прибыли или недоимки и её причина. Затем расписывалась расходная часть, в ней указывались все статьи, по которым были истрачены бюджетные средства.

После завершения финансового года и подведения его итогов сметные списки отправлялись в соответствующую четверть и там хранились. Как правило, это происходило в середине – второй половине следующего календарного года. Так, вологодский сметный список 1653/54 г. был подан в Новгородскую четверть 14 мая 1655 г. вологодским подьячим Иваном Нечаевым, который его и «справил» (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда № 2. Л. 109). Иван Нечаев был подьячим денежного стола вологодской съезжей избы с денежным окладом в 10 рублей (см.: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда № 2. Л. 143). После этого данные сметного списка в четверти «справлялись», то есть сверялись с приходными книгами и подво-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарно-научного фонда, проект № 11-01-00200-а.

дился баланс. При этом недобранные доходы выписывались в «доклад» и переводились в разряд «доимочных».

Сметные списки позволяют детально рассмотреть многие стороны повседневной жизни города как центра власти, прежде всего в финансово-административной сфере. Причём не только её общие параметры, но и многие нюансы формирования бюджета, структуру государственных доходов и местных расходов, фискальную политику и многое другое.

Доходная часть бюджета, так называемые четвертные денежные доходы, состояла из окладных, новоприбылых и неокладных сборов. Окладные доходы были точно регламентированы по номенклатуре и размеру и, как правило, соответствовали итогам предшествующего года. Они состояли из сошного оклада, таможенных пошлин, кабацкой прибыли и ряда мелких оброчных статей – с перевозу, плавучего моста, реки и др. К новоприбылым доходам относились оброчные платежи с новых объектов налогообложения или «наддача» на старые оброчные угодья, к неокладным – пошлины с судных дел, купчих и т. д.

Сошный оклад взимался с тяглого населения посада и уезда. В Вологде, согласно переписи 1646 г., он равнялся 1 и 1/32 сохи (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда № 2. Л. 5), что составляло в денежном выражении 203 руб. 83,75 коп. на 1236 посадских и бобыльских дворов. Всего в Вологде было 1460 жилых дворов (см.: Писцовые и переписные книги Вологды... , 2008, с. 166–167). В уезде на 34 тысячи жилых дворов (Водарский, 1970, с. 167) приходилось 16 и 1/24 сохи (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда № 2. Л. 15). Денежный размер сошного оклада уезда был меньше, чем посада, и составлял 196 руб. 83,75 коп. Отдельными статьями сошного оклада были платежи с оброчных дворовых, лавочных мест и хозяйственных угодий – сенокосов, рыбных ловель и др. Они в совокупности составляли 133 руб. 14 коп. Таким образом, общий размер сошного оклада на 1652/53 г. составлял 533 руб. 81,5 коп.

В целом исполнение населением своих тяглых обязанностей не вызвало затруднений. Все подати были уплачены в срок и практически в полном объёме. Недоимки составили всего 1 руб. 68 коп., или 0,31 %. Это были деньги с пустых дворовых и лавочных мест, ни владельцев, ни наследников у этих объектов налогообложения не было, платить было некому, и вопрос об их взыскании переносился в Москву: «как государь укажет» (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда № 2. Л. 6).

Таможенные доходы составляли наиболее значительную часть в структуре государственных доходов. Они также имели окладной характер, т. е. планировались исходя из результатов предшествующего финансового года. Таможни находились в Вологде и Шуйском городке. На 1652/53 г. по окладу необходимо было собрать 12889

руб. и 53,75 коп. таможенных пошлин, из них по вологодской таможене – 12846 руб. 61 коп., Шуйскому городку – 42 руб. 92,75 коп. Личную ответственность за сбор несли таможенный голова посадский человек Федот Патрикеев вместе с «товарищи».

В целом по итогам работы таможни за год результаты оказались выше запланированных, было собрано 12928 руб. 34 коп., а общая прибыль составила 38 руб. 81,25 коп. При этом на вологодской таможне получили прибыль в 49 руб. 31 коп., а на шуйской таможне недобор составил 10 руб. 49,75 коп.

Вторым источником таможенных доходов были проезжие пошлины, взимаемые с мостов и перевозов. Как правило, они были на оброке за посадом или волостью, на территории которых находились, или в откупе за отдельными лицами. Общий объём проезжих пошлин был достаточно велик и составлял 212 руб. 68,75 коп.

Большая часть этой суммы – 171 руб. 61 коп. приходилась на пошлины с мостов и находилась в откупе у крестьян пригородных дворцовых сёл – Кобылино и Фрязиново. Так, в откупе за Несмеянком Тихоновым, крестьянином села Кобылино, были Лоскомский и Комельский мосты (откуп – 81 руб. 86 коп.), а за его односельчанином – Олешкой Ивановым – мост на реке Шограш, напротив деревни Яминово (откуп – 27 руб. 40 коп.). В Обнорской волости один из мостов был в откупе за крестьянином села Фрязиново Микулкою Гольшевым (31 руб. 50 коп.). В совместном откупе за Несмеянком Тихоновым и крестьянином боярина В. И. Стрешнева Фомкой Пошехоновым был ещё один мост в Обнорской волости (откуп – 30 руб. 85 коп.). Проезжие пошлины, как посадскими людьми и волостными крестьянами, так и откупщиками, за исключением откупа с моста на Шограше, были уплачены в срок и в полном объёме, а нерадивый откупщик Олешка Иванов, как отмечает подьячий съезжей избы, «в тех денгах на Вологде ... и порутчики ево стоят на правеже» в 27 руб. 40 коп. (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда № 2. Л. 21).

Таким образом, общая сумма запланированных на 1652/53 г. таможенных доходов с Вологды и уезда составила 13102 руб. 21,5 коп., а реальный сбор чуть выше – 13113 руб. 62,75 коп.

Кабацкая прибыль в структуре вологодских доходов занимала второе место. Кабаков, с 1653/54 г. кружечных дворов, имеющих автономный административно-финансовый режим деятельности, было три – в Вологде, Шуйском городке и Обнорской волости. Как и таможенное управление, кабацкое дело было государевой повинностью тяглого населения. В 1652/53 г. кабацким головой был вологжанин посадский человек Архип Борисов с «товарищи»².

² В состав кабацкой прибыли входили не только доходы от продажи спиртных напитков в кабаках, но и пошлины с пивных явок, продажи кваса, сусли и др.

Весь кабацкий оклад на 1652/53 г. составлял 7 100 руб. 29,25 коп. Доля, приходившаяся на Вологду, – 6 447 руб. 70 коп., на Шуйский городок – 458 руб. 45 коп., на Обнору – 194 руб. 14,25 коп.

По результатам финансового года недоимки кабацкой прибыли составили значительную сумму – 663 руб. 20,25 коп., или 9,3 %. Они были как в Вологде – 338 руб. 74,25 коп (5,3 %), так и на обнорском – 39 руб. 10 коп. (20,1 %) и особенно шуйском – 285 руб. 36 коп. (62,2 %) кружечных дворах. Причина этих недоимок очевидна: начиналась кабацкая реформа, были введены новые правила работы кружечных дворов, более жёсткая регламентация торговли спиртными напитками, что привело к сокращению кабацкой прибыли.

Неокладные доходы – пошлины с судных дел и подписных наказов, купчих на дворы, лавки и сенокосы, приставных памятей, также планировались исходя из результатов предшествующего финансового года и составляли на 1652/53 г. 163 руб. 55 коп. Собрано было всего 140 руб. 93,5 коп., и недоимки составили 22 руб. 61,5 коп. Основной причиной недобора стало сокращение судебных пошлин. Как указывает подьячий, в 1652/53 г. по сравнению с 1651/52 г. «судных дел было мало» (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда № 2. Л. 25).

Таким образом, вся доходная часть вологодского бюджета была более 20 тысяч рублей. Оклад на 1652/53 г. был запланирован в объёме 20 928 руб. 87,25 коп., а сбор составил 20 222 руб. 85,25 коп. В структуре вологодских доходов середины XVII в. главное место занимали таможенные и кабацкие сборы, они составляли чуть меньше 97 % от общего его объёма.

Эффективность функционирования всей административно-финансовой системы в условиях реформ середины XVII в. также была достаточно высока, недоимки составили 3,4 % от запланированных доходов, причём большая их часть – сокращение кабацкой прибыли.

Расходная часть вологодского бюджета состояла из двух частей. Первая – деньги, которые посылались «к государю в Москву», непосредственно в Новгородскую четверть. В сметном списке указывалась дата платежа, вид дохода, с которого производился данный платёж, его сумма, фамилия, имя и должность лица, который привёз деньги в Москву.

Вторая часть – расходы, осуществлённые «на Вологде». Они делились на окладные, неокладные и новоприбылые. Все окладные расходы – государева руга храмам и монастырям, жалование служилым людям – планировались заранее. Как правило, большинство неокладных и новоприбылых расходов осуществлялось по государевым грамотам и шло на покупку и провоз хлеба для служилых людей, транспортное обеспечение государственных перевозок, кормовое содержание должностных лиц, проезжающих через Вологду, и так называемые «избные расходы» – содержание

съезжей, таможенной избы, гостиного и кружечного двора (приобретение лучин, свечей, дров, бумаги, чернил, ремонт зданий, жалование подьячим, сторожам) и многое другое.

Окладные расходы. Значительной частью окладных расходов была государева руга – жалование духовенству, выдаваемое хлебом или деньгами, которое было неотъемлемой частью духовно-религиозной жизни Московского царства.

Правовой основой функционирования данного института были государевы жалованные или специальные ружные грамоты храмам и монастырям, которые определяли основные параметры руги – её состав и размер. При этом руга выплачивалась не автоматически, а по специальному распоряжению. Из Новгородской четверти дьяк от имени государя направлял должностным лицам Вологды – воеводе и таможенному старосте грамоту, в которой подтверждалась выплата руги, указывался её размер – полный оклад или его половина – и источник финансирования. Обычно её выплачивали с таможенных доходов.

Государеву ругу в Вологде получали 8 монастырей (6 мужских и 2 женских), 23 храма и вологодская богадельня. Территориально они выходили за пределы не только Вологды, но и уезда. Из вологодских доходов выплачивали ругу Горицкому Воскресенскому женскому монастырю и Нила Сорского Сретенской мужской пустыни, находившимся в Белозерском уезде.

Состав государевой руги в Вологде был традиционным и состоял из трёх частей – «государево денежное жалованье», «государево хлебное жалование» и церковные припасы.

Размер денежного жалования духовенства зависел от занимаемой должности и статуса храма. Для священников – от 30 до 3 руб., дьяконов – от 10 до 2 руб., церковнослужителей – от 4 руб. до 0,5 руб. Для настоятелей монастырей и монахов денежное жалование было ниже. Так, игумены и игуменьи денежное жалование получали от 3 до 1 руб., а старцы и старицы – от 1 до 0,5 руб. В ряде случаев (Ильинский и Корнильев монастыри, Сорская и Харитонцева пустыни) оно вообще не предусматривалось.

Хлебное жалование, состоявшее, как правило, из двух компонентов – рожь и овёс, традиционно выплачиваемое в натуральном виде, в середине XVII века заменялось денежной компенсацией. При этом стоимость хлеба «за государеву казенную отдаточную меру» исчислялась «по вологодцкой торговой по меньшей цене», по оценочной памяти таможенного старосты. Размер хлебного жалования также был разным и в своих пропорциях примерно соответствовал разнице в денежных окладах.

Для обеспечения богослужебной деятельности в состав руги входили и так называемые «церковные припасы», которые также

выплачивались в денежном эквиваленте. Наиболее распространёнными были воск на свечи, ладан, пшеница на просфоры, мёд на панихиды и церковное вино на причастие (Подробно о ружных храмах и монастырях Вологды, составе и размерах руги, которую они получали, см.: Пугач, 2008 а, с. 135–140).

В целом за 1652/53 год общий размер государевой руги в денежном выражении составил 1 160 руб. 39,5 коп., это примерно 51 % всех окладных расходов по Вологде и около 5,6 % от всех вологодских доходов.

Второй, заранее планируемый раздел окладных расходов, – жалование служилым людям. В Вологде в их число входили служилые по прибору, приказные люди, кормовые черкасы и татары.

Вологодский гарнизон в середине XVII в. состоял из 150 стрельцов, 18 пушкарей и 4 воротников. Общая сумма государева денежного и хлебного жалования стрельцов, которая выплачивалась в два приёма – на Сергиевский и Благовещенский сроки, составляла 854 руб. 41,5 коп. Расходы на содержание вологодских стрельцов менялись от года к году. Эти изменения определялись ценой на хлеб на вологодском рынке. Пушкари и воротники получали только денежное жалование, составлявшее 2 руб. на человека, всего 44 руб. Общие расходы на содержание вологодского гарнизона в 1652/53 г. составили 898 руб. 41,5 коп. (О материальном обеспечении служилых людей Вологды см.: Пугач, 2007, с. 75–85.)

Второй по затратности статьёй окладных расходов было содержание кормовых черкасов (8 чел.), татар (2 семьи) и «литовского выходца», находящихся в Вологде. Подённый корм черкасам был определён в 5–5,5 коп. на день, что в целом составило 129 руб. 22 коп. Кроме этого, на корм лошадей с ноября по апрель выделялось 25 руб. 20 коп., по 60 коп. в месяц на лошадь.

Подённый корм, выдаваемый татарам, был разный: для Андрея Чурова с женой он составлял 5 коп. в день, вдове Степана Антемирова с детьми – по 2,25 коп., литовский выходец Гришка Иванов получал корм в 1,5 коп. Общие расходы на их содержание составляли 19 руб. 97,75 коп. Всего же на содержание кормовых людей было истрачено 174 руб. 39,75 коп.

Кроме этого, из вологодских доходов выплачивали жалование сторожам съезжей избы, кабацкому и таможенным подьячим, таможенным дрягилям. Наибольший оклад был у кабацкого подьячего – 20 руб. Он в два раза превышал суммарный оклад четырёх таможенных подьячих, который составлял 10 руб. Оклад двух сторожей съезжей избы был 8 руб., а 16 таможенных дрягилей – 5 руб. 40 коп. Всего – 43 руб. 40 коп.

Все расходы на выплату государева жалования составили 1116 руб. 21,25 коп.

Таким образом, на содержание местного духовенства и служилых людей, которые получали жалование из вологодских государственных доходов, в 1652/53 г. была израсходована значительная сумма в 2 276 руб. 60,75 коп.

Неокладные расходы. Однако окладные расходы по своим размерам значительно уступали неокладным. Всего в Вологде по государевым грамотам было израсходовано 9 034 руб. 10,5 коп.

Большая их часть была потрачена местными властями на закупку 5 тысяч четвертей ржи служилым людям Архангельска и Холмогор (2 116 руб.) и его перевозку (250 руб.), 2,5 тысяч четвертей «государева хлеба» (968 руб. 12,5 коп.), а также выплату вологодским посадским людям за поставку так называемого «уговорного хлеба» (5 360 руб.). Так, Мишка Рынин получил 2 160 руб., а Лёшка Лягушкин – 1 890 руб. Минимальные суммы, выплаченные на эти цели Якунке Кривошееву и Ортюшке Комелцову, составили, соответственно, 810 и 500 руб. Всего на закупку и транспортировку государственных хлебных запасов для служилых людей было истрачено 8 694 руб. 12,5 коп.

Вторую часть неокладных расходов составляли так называемые «избные» расходы – 278 руб. 50,5 коп. Это были деньги, которые шли на обеспечение текущей деятельности местных органов власти и функционирование заведений, приносящих основной доход в государственную казну – кабаков и таможен. Основные статьи расходов были связаны с покупкой бумаги и чернил, сальных свеч для освещения и дров для отопления помещений. Большая часть расходов по этой статье приходилась на содержание и текущий ремонт зданий и производственного оборудования – дворовое строение, амбарную и котельную починку, закупку вёдер, ковшей и др. В целом их содержание обходилось государству в небольшую сумму, которая была в десятки, а иногда и сотни раз меньше, чем приносимая ими прибыль. Так, на содержание вологодской таможи и починку строений было израсходовано 58 руб. 89,5 коп., вологодского кабака – 186 руб. 93 коп., шуйского – 8 руб. 50 коп., а обнорского – всего 5 руб. 50 коп.

Незначительные по объёму – 61 руб. 47,5 коп. – но довольно любопытные по своему составу были неокладные расходы на перевозку от Вологды до Ярославля государевых запасов – фряжского вина,пряного зелья, соболиной казны, закупку материалов для их «укутки» и упаковки – овчин, войлоков, рогож, ужищ, гвоздья и др., перевозку и корм ловчих птиц и сопровождающих лиц и т. д. Так, «соколим помытчиком и кречетом и чегликом ... на корм дано» 10 руб. 68 коп. (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда № 2. Л. 80 об).

Таким образом, все расходы, осуществлённые в Вологде, составили 11 310 руб. 71,25 коп. Учитывая, что суммарный доход был равен 20 222 руб. 85,25 коп., остальные 8 912 руб. 14 коп. переходили

на баланс следующего 1653/54 г. финансового года. Они могли частично расходоваться по государевым грамотам в Вологде, остальные отправлялись в Москву.

Приложение 1

**Структура доходов государственного бюджета
в Вологде в 1652/53 г. (руб.)**

Вид дохода	Оклад		Сбор	
1. Окладные	20 765,3225	99,2%	20 082,8525	99,3%
А. Сошные	533,8150	2,6%	532,1350	2,6%
- посад	203,8375	1,0%	202,1575	1,0%
- уезд	196,8375	1,0%	196,8375	1,0%
- оброчные статьи	133,1400	0,6%	133,1400	0,6%
Б. Таможенные	13 102,2150	62,7%	13 113,6275	64,8%
- таможенные	12 889,5375	61,7%	12 928,3400	63,9%
- Вологда	12 846,6100	61,5%	12 895,9200	63,8%
- Шуйский городок	42,9275	0,2%	32,4200	0,1%
- проезжие	212,6875	1,0%	185,2875	0,9%
В. Кабацкие	7 100,2925	33,9%	6 437,0900	31,9%
- Вологда	6 447,7000	30,8%	6 108,9575	30,2%
- Шуйский городок	458,4500	2,1%	173,0900	0,9%
- Обнора	194,1425	1,0%	155,0425	0,8%
2. Неокладные	163,5500	0,8%	140,9350	0,7%
Всего	20 928,8725	100%	20 222,8525	100%

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда № 2. Л. 5–29 об.

Приложение 2

**Структура расходов государственного бюджета
в Вологде в 1652/53 г. (руб.)**

Виды расходов	Сумма	В процентах от общей суммы расходов
1. Окладные расходы	2 276,6075	11,2%
- государева руга	1 160,3950	5,7%
- жалование служилым людям	1 116,2125	5,5%
2. Неокладные расходы	9 034,1050	44,7%
- покупка хлеба	8 694,1250	43,0%
- перевозка гос. запасов	61,4750	1,4%
- избные расходы	278,5050	0,3%
3. Посылки в Москву	8 912,1400	44,1%
Всего	20 222,8525	100%

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда № 2. Л. 29 об.–84 об.

Источники и литература

Водарский Я. Е., 1970. Вологодский уезд в XVII в. (к истории сельских поселений) // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда.

Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. М., 2008. Т. 1.

Пугач И. В., 2007. Служилые люди по прибору Вологды в середине XVII века // Историческая наука в контексте социогуманитарного знания: традиции и современные подходы. Череповец. Ч. 1.

Пугач И. В., 2008 а. Государева руга в Вологде (по сметным спискам середины XVII века) // Русский Север: вариативность развития в контексте исторического и социально-философского осмысления. Вологда.

Пугач И. В., 2008 б. Сметные списки XVII в. как источник по истории русского средневекового города // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков». К столетию со дня рождения П. А. Колесникова. М. С. 251–261.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Сведения об авторах

Бараева Наталья Андреевна – ведущий архивист Государственного архива Вологодской области, г. Вологда.

Блайле Ральф – доктор, заместитель директора Археологического земельного музея (Учреждение земельных музеев Шлезвиг-Гольштейна), г. Шлезвиг.

Грязнов Анатолий Леонидович – историк, г. Вологда.

Зайцева Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.

Захаров Сергей Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.

Иванищева Марина Викторовна – педагог дополнительного образования Детско-юношеского центра «Лидер», г. Вологда.

Красиков Алексей Николаевич – старший преподаватель кафедры философии и истории Вологодской государственной молочнохозяйственной академии имени Н. В. Верещагина, г. Вологда.

Кудряшов Александр Валентинович – кандидат исторических наук, заведующий Музеем археологии Череповецкого музейного объединения, г. Череповец.

Кукушкин Игорь Полиевктович – ведущий специалист Автономного учреждения культуры Вологодской области «Вологда-реставрация», г. Вологда.

Лопатин Николай Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий информационно-издательской группой Института археологии РАН, г. Москва.

Михайлов Кирилл Алексеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург.

Мюллер Ульрих – доктор, профессор факультета древней и ранней истории Университета имени Христиана Альбрехта, г. Киль.

Недомолкина Надежда Геннадьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела фондов Вологодского государственного музея-заповедника, г. Вологда.

Нефёдов Василий Сергеевич – старший научный сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.

Пугач Иван Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного педагогического университета, г. Вологда.

Черкасова Марина Сергеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного педагогического университета, г. Вологда.

Шнеевайсс Йенс – доктор, научный сотрудник кафедры древней и ранней истории Университета имени Георга Августа, г. Гёттинген.

Содержание

Резолюция Международной научной конференции «Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства».....	3
<i>Михайлов К. А.</i> Сравнительная топография первых древнерусских городов IX–X вв. (к юбилею одной статьи).....	5
<i>Лопатин Н. В.</i> О феномене древнейшего летописного упоминания Белоозера и Изборска	21
<i>Захаров С. Д.</i> Белоозеро на начальных этапах становления Древнерусского государства	32
<i>Кудряшов А. В.</i> Памятники IX – начала XI в. в бассейне р. Шексны и Белого озера: возможности для реконструкции историко-культурных процессов в регионе.....	48
<i>Зайцева И. Е.</i> Цветной металл поселений Крутик и Никольское V в Белозерье: состав сплавов, пути поступления	65
<i>Недомолкина Н. Г.</i> Археологические коллекции города Белоозеро в собрании Вологодского государственного музея-заповедника	73
<i>Нефёдов В. С.</i> Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX – первая половина XI в.)	89
<i>Шнеевайсс Й.</i> Культурные перемены у западных славян в контексте исторических процессов IX и X веков.....	114
<i>Блайле Р, Мюллер У.</i> Хедебю и Шлезвиг – развитие важнейшего перевалочного/транзитного пункта Северной Европы в XI в. н. э.	128
<i>Иванищева М. В.</i> По следам чуди заволочской (средневековые древности Тотемского края).....	152
<i>Кукушкин И. П.</i> Аспекты ранней истории города Вологды	163
<i>Красиков А. Н.</i> Новгородские святые в сакральном пространстве Русского Севера XI–XVII вв.: от колонизации к духовному диалогу.....	172
<i>Грязнов А. Л., Черкасова М. С.</i> О формировании межездных границ на Русском Севере в XV–XVI вв.: Белоозеро – Вологда – Устюг	178
<i>Бараева Н. А.</i> Обзор документов по истории Белозерья конца XVI–XVII в. в фондах Государственного архива Вологодской области	193
<i>Пугач И. В.</i> Бюджет Вологды в середине XVII века	199

Научное издание

**СЕВЕРНАЯ РУСЬ
И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Вологда – Кириллов – Белозерск
6–8 июня 2012 г.

Подписано в печать 02.07.2012.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 13,1.
Тираж 200 экз. Заказ № 1857.

ООО НИЦ «Древности Севера».
160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, 58, оф. 48.
Тел./факс (8172) 72-79-60. E-mail: drevnostisevera@mail.ru
Сайт: <http://www.drevnostisevera.org>
Отпечатано ИП Минина Е. В.
160000, г. Вологда, ул. Зосимовская, 15 а.